

Фотография. *Июньская демонстрация в Петрограде.*

Место и время события: г. Петроград, 18.6.1917 г.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

ОПАЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Великая русская революция
в судьбах российских соотечественников

Скифия
Санкт-Петербург
2017

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 82-822
О60

Некоммерческое издание
Издание осуществлено при поддержке
Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

Составитель **Е. В. Лукин**

О60 **Опаленные революцией.** Великая русская революция в судьбах российских соотечественников. Сборник / Ред.-сост. Е. В. Лукин. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2017. — 320 с.

В сборник «Опаленные революцией. Великая русская революция в судьбах российских соотечественников» вошли статьи, очерки, воспоминания российских соотечественников из Белоруссии, Германии, Латвии, Литвы, Сербии, Туниса, Узбекистана. Выход сборника приурочен к 100-летию Великой русской революции.

На обложке:

Фотография. Июньская демонстрация в Петрограде.

Место и время события: г. Петроград, 18.06.1917 г.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

© Лукин Е., составление, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России», фотографии, 2017

© Издательство «Скифия», оформление, 2017

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

**Приветственное слово председателя
Комитета по внешним связям
Санкт-Петербурга Е. Д. Григорьева
для сборника
«Великая русская революция
в судьбах российских соотечественников»**

Дорогие читатели!

Рад представить вашему вниманию очередной сборник произведений российских соотечественников, проживающих за рубежом, издаваемый Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга по случаю крупных юбилейных дат в российской истории.

За восемь лет существования проекта в свет уже вышли книги, посвященные 70-й годовщине Великой Победы и 71-й годовщине освобождения Ленинграда от фашистской блокады («Отчизна родная! Сердцем всегда я навеки с тобой...»), 295-летию провозглашения нашей страны Российской империей («Деяния Петра Великого в судьбах народов Евразии»), 1000-летию со дня кончины Великого русского князя Владимира I Святого («Тысяча лет от Владимира Святого в судьбах России, Украины, Белоруссии») и многие другие.

Уверен, что тема этого года — «Великая русская революция в судьбах российских соотечественников» — будет также интересна самой широкой аудитории.

События 1917 года по сей день являются предметом острых споров и дискуссий не только в России, но и далеко за ее пределами. Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, репрессии и массовая эмиграция кардинальным образом изменили ход истории нашей страны и на многие десятилетия

разделили российское общество. Самый непосредственный и глубокий отпечаток был оставлен и на судьбах представителей всего Русского мира за рубежом.

Вошедшие в альманах произведения, посвященные тем событиям и повествующие о семейных преданиях и личном восприятии произошедшего, представляют уникальный материал. Перед читателем открывается живая мозаика, составленная из авторских статей, интервью, рассказов, очерков и даже стихов, написанных соотечественниками из Белоруссии, Германии, Латвии, Литвы, Сербии, Туниса и Узбекистана.

Горячо благодарю тех, кто принял участие в подготовке данной книги, и желаю всем приятного чтения!

**Председатель Комитета
по внешним связям Санкт-Петербурга**

Е. Д. Григорьев

**Лев
КРИШТАПОВИЧ**

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КАК ФЕНОМЕН РУССКОГО МИРА**

О русской природе белоруса

Мысль о русской природе белоруса постоянно присутствует на страницах исторических источников. В известном смысле она даже приобретает императивную окраску, когда требуется подчеркнуть национальную особенность коренного жителя на территории современной Белоруссии. Например, в послании киевского воеводы князя Константина Острожского епископу владимирскому Ипатию Потею 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с Римской церковью говорится: «...донести князю великому Московскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение народ тутошний Русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит» [1, с. 64–65].

Ошибка исследователей, которые говорят о формировании белорусской народности в составе Великого княжества Литовского как некоем эволюционном процессе, заключается в неосознанной подмене архаизации эво-

люцией. Архаизация — это фактически застой, регресс. Эволюция — это прогресс. Только не понимая принципиального отличия архаизации от эволюции, можно и вести речь о формировании белорусской народности в ВКЛ. Собственно говоря, никакого формирования белорусской народности в смысле некоего белорусского поступательного развития в Великом княжестве Литовском не происходило, а наблюдалось явление именно архаизации, то есть застоя, стагнации древнерусской народности на территории нынешней Белоруссии. «Иноземное (литовское. — Л. К.) господство консервировало, замедляло развитие общественного строя Белоруссии» [2, с. 322-323]. Находясь в неблагоприятных политических условиях, древнерусская народность не смогла сохранить в чистоте своей древнерусский язык, который подвергся польско-латинскому, иезуитскому загрязнению. В итоге возник исковерканный полонизмами и латинизмами язык, который получил название белорусского и украинского. Как признает польский этнограф Вандалин Шукевич, «народ (белорусский. — Л. К.), не имевший возможности пользоваться плодами просвещения, развиваться экономически, отстал в своем развитии и замкнулся в тесных рамках своего быта» [3, с. 253]. Нахождение древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой препятствовало выходу ее на более высокий уровень социального и культурного развития. В языковой сфере складывалась следующая ситуация: если великорусский язык на основе древнерусского языка шел по линии превращения в великий и могучий, мировой язык, то древнерусский язык на территории нынешней Белоруссии и Украины вынужден был остановиться в своем развитии и архаизироваться

или, как выражались старые языковеды, археологизироваться. Становится понятным, что белорусская культура, в том числе и язык, могла продуктивно развиваться лишь в лоне своей общерусской государственности. Говорить же о развитии белорусской культуры в рамках иноземных государственных образований (ВКЛ и Речь Посполитая) — абсурдно. Эту языковую специфику архаизации древнерусского этноса в составе ВКЛ уловил белорусский этнограф, подполковник Генерального штаба Российской империи Павел Бобровский, который в своих этнографических материалах о Гродненской губернии (1863), характеризуя белорусский язык того времени, выводил его «из древнерусского языка, который из-за сложной исторической судьбы народа здесь как бы застыл, а поэтому сохранился неизменным» [3, с. 97]. Территориальные же характеристики Белой Руси и Украины с течением времени были перенесены на коренное население этих земель в качестве этнических признаков. Так возникли белорусы и украинцы, которые и сегодня в наибольшей степени сохранили историческое родство с древнерусской народностью. Белорусский фольклор и полемическая литература XVI-XVII веков тому красноречивое подтверждение.

На эти исторические обстоятельства, обусловившие архаизацию древнерусской народности в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, указал академик Николай Михайлович Никольский, который писал, что «с XIV века древнерусское население, которое жило на современной территории Белоруссии, подпало под иноземное господство, сначала под власть Литовского княжества, а затем, с половины XVI века, под власть Польского королевства» [4, с. 12]. В то же время, говоря о великорус-

ском языке, следует сказать, что это был не только сугубо великорусский язык, ограниченный исключительно великорусской территорией, но также и язык общерусский, в выработке которого принимали участие выдающиеся представители как Великой Руси, так и Белой Руси и Малой Руси. Не случайно Михаил Ломоносов называл «Славянскую грамматику» Мелетия Смотрицкого «вратами своей учености», а Симеон Полоцкий, переехавший в 1664 году в Москву, активно участвовал в формировании общерусского литературного языка. На это обстоятельство в своей речи «О единстве русского народа», произнесенной на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского общества 14 февраля 1907 года, справедливо обратил внимание известный русский филолог-славист Антон Семенович Будилович. В частности, он отметил, что «на этом языке (общерусском. — Л. К.) написаны не только наши древние летописи, жития святых, поучения, но и «Слово о полку Игореве», а также другие поэтические и прозаические произведения древней и средней эпох вплоть до Ломоносова» [5, с. 335]. Вот почему великорусский язык как общерусский язык является родным языком как для белоруса, так и для украинца. Белорус по своей этнической, ментальной природе является самым настоящим русским, вековечным русским.

Польско-шляхетское иго в Белоруссии и Украине

Следует отметить, что ни в одной из стран Европы, в том числе и в России, закон не разрешал феодалу при-

говаривать своих крепостных крестьян к смертной казни. И только в Речи Посполитой постановлением сейма 1573 года польско-литовским помещикам позволялось наказывать своих крепостных «водлуг поразумення свайго», то есть в соответствии со своим разумом и желанием. Это право было юридически закреплено и в Статуте Великого Княжества Литовского 1588 года. («Будет вольно и теперь каждому пану подданного своего подлуг поразумения своего скарать»). Польский гуманист XVI века Анджей Моджевский писал: «Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, какую дают шляхтичам законы. Шляхтичи бесчинствуют, убивают горожан и крестьян, относятся до них, как до собак» [6, с. 50]. И когда в газете «Советская Белоруссия» в статье «Критик из золотого века» (18 июня 2015 года) претендующая на белорусскость Людмила Рублевская резонерствует о демократическом характере Литовского Статута 1588 года, заявляя, что «за убийство простолюдина шляхтича отдавали под суд» [7, с. 12], то это показательный пример того, как нынешние так называемые «национально-сознательные» историки, философы и журналисты фальсифицируют исторические документы с целью антиисторического отождествления польско-литовской истории с белорусской историей. Действительно, в Статуте 1588 года есть статья, которая говорит о том, что за убийство крестьянина шляхтич должен быть предан суду. Но речь здесь идет не об убийстве своего крепостного крестьянина, а об убийстве крестьянина другого шляхтича. В таком случае шляхтич должен был компенсировать нанесенный ущерб другому феодалу, то есть заплатить так называемую «головщизну».

Белорусский исследователь второй половины XIX века Иван Еремич, приводя отрывки из белорусских народных песен времен польско-шляхетского господства, отмечал, что их «надо писать бы слезами или кровью», эти песни «сжимают сердце и гнетут душу» [8, с. 213]. Видный белорусский этнограф Евдоким Романов, работавший на рубеже XIX-XX веков, отмечал великую историческую роль белорусского народа, который вытерпел «такую чудовищную историю, вынес на своих плечах многовековой католическо-польский гнет, отстоял свою веру и народность от натиска польщизны, остановивши колонизацию русских земель с запада» [9, с. 119]. Поэтому все историко-культурологические усилия всевозможных квазиисториков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ вывести некую белорусскую идентичность, якобы несовместимую с русскостью, носят сугубо софистический характер. Даже больше. История ВКЛ в их изложении — это не реальная история Великого Княжества Литовского, а антирусская польско-шляхетская инвектива, направленная на отрицание собственно белорусской истории. Вот почему следует понять, что никакого белорусского национализма в нашей республике не существует. Мы привыкли употреблять привычные понятия, зачастую не понимая, что эти понятия используются совершенно в противоположном смысле. На самом деле под видом белорусского национализма, или так называемого литвинизма, скрывается польско-шляхетская камарилья, цель которой превратить Белоруссию в восточные кресы Польши. Это касается и программы «Восточное партнерство».

К сожалению, в истории наших народов все это уже было. В 1919 году английский военный министр Уинстон Черчилль разработал проект похода 14 государств про-

тив Советской России. В тот период это и была программа «восточного партнерства» для осколков Российской империи, которые по недоразумению считались независимыми государствами. Сегодняшнее «Восточное партнерство» — это лишь бледная копия с антирусского черчилевского оригинала 1919 года.

Цель нынешнего «Восточного партнерства» остается такой же, как и во времена иностранной интервенции против Советской России, — крестовый поход на Москву. Под прикрытием лицемерного словоблудия о демократии, европейской безопасности, экзистенциальных европейских ценностях западная военщина и плутократия стремится осуществить нашествие на Россию в своих геополитических интересах, ничего общего не имеющих с интересами белорусского народа.

Не следует забывать, что Польша рассматривает «Восточное партнерство» в тесной увязке с вопросами так называемого «нарушения прав поляков» в Белоруссии и взаимным продвижением интересов польской стороны и прозападных партий в нашей республике. Под эту стратегию в Польше уже подведена законодательная база. Так, 23 сентября 2009 года польский сейм принял резолюцию об оккупации части территории Польши Красной Армией во время ее освободительного похода в Западную Белоруссию и Западную Украину 17 сентября 1939 года. Так что своим участием в «Восточном партнерстве» мы объективно признаем право польского правительства рассматривать Западную Белоруссию в качестве оккупированной в 1939 году польской территории. Затягивая нас в свое «Восточное партнерство», Польша таким образом набрасывает петлю на шею белорусской госу-

дарственности. И никакое переформатирование «Восточного партнерства» с обычной политики к более тесному конкретному сотрудничеству, основанному на решении экономических проблем, не устранил угрозы превращения Белоруссии в восточные кресы Польши. Подобные аналитические эвфемизмы лишь свидетельствуют о школьническом сознании и профессиональной неподготовленности белорусского экспертного сообщества, не выработавшего в себе такого необходимого качества, как добрая воля, благодаря которому приобретает умение предвидеть, что и как надо делать, чтобы принести пользу стране. «Восточное партнерство» — это своеобразный троянский конь, который был сконструирован в польско-шовинистических кругах, чтобы затащить его в Белоруссию и взломать цивилизационную основу белорусского общества. Осенью 2015 года президент Польши Анджей Дуда обратился к польскому обществу с предложением готовиться к «возврату восточных территорий» [10]. И хотя его предложение касается Западной Украины, но необходимо помнить, что в восточные кресы Польши входила и Западная Белоруссия.

Беречь Русскую революцию

Важно отметить, что после Русской революции 1917 года, пытаясь оправдать свои вождедения на исконно русские земли, польская шляхта сконструировала ложный этнический аргумент. Она убеждала западную общественность, что белорусы не русские, а «белые *ruteni*». Но, как справедливо указывал Александр Волконский, «**rutenus**

есть не что иное, как искажение слова «русин» и, следовательно, синоним слова «русский...» [5, с. 85].

Сегодня польско-шляхетская трактовка белорусской истории и белорусской культуры преподносится в разных вариантах: «самостийности», «литвинизме», «шляхетности», «евроинтеграции», антисоветскости. Но во всех этих вариантах сквозная мысль польско-шляхетских адептов сводится к отрицанию древнерусской народности как основы формирования белорусского народа, к антиисторическому признанию Великого Княжества Литовского в качестве «золотого» века белорусской культуры и белорусской государственности, к школьническому отождествлению демократии и государственного устройства Речи Посполитой. Как подчеркивал Президент Александр Лукашенко на церемонии вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора 7 февраля 2012 года, «в научной среде не прекращаются попытки предать забвению славянские корни белорусского народа, растворить наше прошлое в истории как Польши, так и Литвы» [11]. Все эти лживые рассуждения «белорусизаторов» преследуют одну цель — отождествить белорусскую историю с европейскостью и тем самым противопоставить белорусскую историю общерусской истории. Вот что проповедует в своих стихах «белорусизатор» Владимир Некляева, который еще совсем недавно хотел быть президентом Белоруссии: «Нет никакой Белой Руси, а есть Великая Литва!» [12]. И это говорит политик, который якобы собирается защищать государственность и независимость Белоруссии. Какие еще нужны доказательства, чтобы убедиться в том, что за всей этой мнимой белорусскостью скрывается польско-шляхетский шовинизм!

Известно, что в постсоветское время сознанию наших людей настойчиво и агрессивно навязывалась и навязывается мысль об исторической ошибочности Русской революции, о «злой» воле большевиков, которые якобы сбили нашу страну с цивилизованного пути развития. Это исторически бессодержательная и теоретически жалкая софистика говорливых фарисеев против нашей революции. В действительности же Русская революция положила начало возрождению Русского мира, восстановлению исконных принципов человеческого общежития — совести и справедливости. Отрицать значение Русской революции как феномена Русского мира — значит отрицать нашу общерусскую историю. Что такое Русский мир? Русский мир — это культурно-историческая и духовно-ментальная общность этносов, наций, людей, которые признают Русскую цивилизацию своей цивилизацией, а русский язык своим родным языком, несмотря на этническую, национальную и религиозную принадлежность. Можно сказать, не дорожит Русской революцией лишь тот, кто отказывается от своей цивилизационной сущности и от сознания личного достоинства. Фактически это означает отказ от своих гражданских прав.

Вот почему Русская революция означала великую нравственную революцию в сознании и деятельности человеческого рода. Это было величайшее восхождение человечества в свою человеческую историю.

Литература

1. Акты Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4.
2. Белоруссия в эпоху феодализма. — Минск, 1959. — Т. 1.

3. Беларусы: У 8 т. — Т. 3. — Гісторыя этналагічнага вывучэння / В. К. Бандарчык. — Мінск, 1999.

4. Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности / Н. М. Никольский. — Минск, 1956.

5. Украина — это Россия. — М. : РИСИ, 2014.

6. Абецадарскі Л. У святле неабвержаных фактаў / Л. Абецадарскі. — Мінск, 1969.

7. Рублевская Людмила. Критик из золотого века / Советская Белоруссия. — 18 июня 2015 г.

8. Еремич Иван. Очерки Белорусского Полесья // Вестник Западной России / Иван Еремич. — Вильна, 1867. — Кн. 9.

9. Романов Е. Р. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский // Памятная книжка Витебской губернии за 1898 г. / Е. Р. Романов. — Витебск, 1898.

10. Комитет 17 сентября учрежден в Белоруссии // <http://www.materik.ru/rubric/detail> (дата доступа: 23.09.2016).

11. Лукашенко: Нужна ли стране такая громоздкая Академия наук? // <https://news.tut.by/it/272771.html> (дата доступа: 20.12.2016).

12. «Няма ніякай Белай Русі, а есць Вялікая Літва». Някляеу прачытаў вершы у цэнтры Мінска // <http://www.news.tut.by/society/503959.html> (дата доступа: 12.07.2016).

Лев Криштапович — белорусский философ, доктор философских наук, профессор. В 2013 году награжден орденом Дружбы за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества с Россией. Живет в Минске (Беларусь).

Фотография. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде.

Фотограф: К. К. Булла, г. Петроград. 1917.

Место и время события: г. Петроград, февраль, 1917-март, 1917 гг.

Демонстрация на Дворцовой площади.

На обороте-штамп «Фотография К. К. Булла.

Петроградъ. Невский пр. 54».

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Андрей ГЕРАЩЕНКО

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС

Начало XX века выдалось беспокойным. В годы революции 1905 года Белоруссия стала ареной противостояния РСДРП, национальных организаций революционеров, с одной стороны, и сторонников Российского окраинного союза, созданного в Вильно в 1906 году, — с другой. Центральное правительство из-за боязни осложнить отношения с пропольскими национальными лидерами не спешило идти навстречу идеологам западнорусизма. Так, была отвергнута предложенная редактором «Белорусской жизни» Л. Солоневичем земельная реформа, согласно которой значительная часть польских помещичьих земель должна была отойти белорусскому православному крестьянству. Но в целом позиции западнорусистов были сильны. Так, при выборах в 1912 году в IV Государственную Думу все население Белоруссии было разделено на три большие курии (избирательные округа) — русскую, польскую и еврейскую, что весьма красноречиво говорит о национальном составе Белоруссии. Западнорусисты и

октябристы на этих выборах получили в Белоруссии абсолютное количество депутатских мандатов. Поляки также не поддержали стремление зарождающихся белорусских националистов образовать самостоятельную курию, так как опасались, что те будут претендовать на голоса значительной части белорусских католиков, составлявших весомую часть польских выборщиков. Это усилило уже польско-белорусские противоречия.

Вообще же начало XX века выдалось пестрым: общественно-политические взгляды имели самые различные оттенки и направления даже у сторонников основных концепций будущего развития Белоруссии — польской, литвинской (возвращения к ценностям Великого княжества Литовского), собственно белорусской и, конечно же, западнорусской.

Однако, в отличие от остальных концепций развития Белоруссии, западнорусская имела одну очень важную, я бы даже сказал — решающую, отличительную особенность. Здесь можно обнаружить некоторые параллели с положением казачества. Представляя окраинные части Русской земли, и западнорусисты, и казаки остро чувствовали проблему целостности государства, необходимость его сохранения и противостояния пытающимся его разрушить силам. Казаки всегда участвовали в защите России как военно-политическое сословие, а западнорусисты после воссоединения Белоруссии с Россией также выступали за целостность империи — как культурная и общественно-политическая сила, противостоящая попыткам пропольского и пролитвинского реванша на белорусских землях.

Это в итоге и предопределило их дальнейшую участь. Дело в том, что западнорусисты, будь они монархистами или же кадетами, октябристами или либералами, были обречены на более или менее тесную связь с белым движением и не потому, что не хотели социальной справедливости, не видели бед и трудностей царской России или не принимали идеи революции в принципе. Все дело в том, что большевистская власть сделала ставку на белорусских националистов и их предшественников — пропольских реваншистов вроде Костюшки и Калиновского, которых большевики считали «идейно близкими».

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года они сформировали свои органы власти, опираясь в большей мере на пока еще слабо выраженную белорусско-литвинскую красную интеллигенцию. Так, в ноябре 1917 года были созданы областной исполнительный комитет Западной области и фронта и соответствующий Совет народных комиссаров. Но надежды националистов на создание независимой Белоруссии не оправдались. Тогда 5-17 декабря 1917 года в Минске на Всебелорусском съезде был создан Всебелорусский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Белорусский СНК разогнал этот съезд — большевики еще колебались в вопросе создания Белоруссии.

Все решила германская интервенция. Дождавшись, когда Красная Армия покинула Минск, 9 марта 1918 года исполком Всебелорусского съезда объявил о создании Белорусской Народной Республики.

Белорусские крестьяне в своей массе не поддержали автономию Белоруссии, что белорусские националисты объясняли «темнотой», «некультурностью» и «неразумностью» народа. Например, сторонник провозглашения независимости Белоруссии Я. Лесик с неприкрытым разочарованием писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка ... а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как темный и некультурный народ... Народ — вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить и только потом уже звать к себе на совет». Иначе говоря, националисты признали, что не имеют народной поддержки.

Немцы не признали БНР, но всячески поддерживали ее деятельность. Несмотря на всю искусственность данного образования, ящик Пандоры был открыт. Теперь уже Москва, не желая связываться с «черносотенцами и контрреволюционерами из числа западнорусистов», приняла правила игры и, чтобы взять инициативу в свои руки, стала разрабатывать варианты создания Советской Белоруссии.

17 ноября 1918 года Советское правительство аннулировало Брестский договор. А 24 декабря ЦК РКП(б), «идя навстречу пожеланиям белорусского народа» (груп-

пы белорусско-литвински настроенных большевиков), принял решение о необходимости создания БССР, в том числе и для нейтрализации сил, призывавших к созданию БНР. 1 февраля 1919 года в Смоленске было объявлено о создании БССР, для чего издан специальный Манифест Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии.

Не была забыта и идея о восстановлении в той или иной форме Великого княжества Литовского. Уже 27 февраля 1919 года произошло объединение ЦИК Белоруссии и Литвы. В начале марта 1919 года прошел объединительный съезд компартий Белоруссии и Литвы. В итоге была образована Литовско-Белорусская ССР, или сокращенно ЛитБел, с общей столицей в Вильно. Это кратковременное образование новой большевистской редакции Великого княжества Литовского ценно тем, что позволяет хорошо понять, что за силы стояли за «белорусским этногенезом» и куда они стремились направить белорусский народ. Западнорусисты, как и казачество, как и белое движение, потерпели полное поражение, но в тех условиях иначе и быть не могло — историческая Россия переживала распад. Вопрос лежал скорее в русле борьбы польской, белорусско-литвинской и собственно белорусской концепций между собой, а также борьбы между сторонниками советского, с одной стороны, и буржуазного развития — с другой.

Впрочем, последующая польская интервенция внесла свои коррективы в этот процесс. Западная Белоруссия и Вильно были захвачены Польшей, объявившей о создании второй Речи Посполитой. Литва объявила независимость

со столицей в Ковно и ушла из сферы влияния Советской России, а БССР стали строить на оставшихся восточных территориях, где начали проводить искусственную белорусизацию. Правда, она закончилась почти полным провалом — идеи западнорусизма, запрещенные большевиками, торжествовали на практике.

Знаменитый белорусский этнограф и языковед, фактически определивший границы проживания белорусского народа и белорусского языка Е. Карский, оставшийся в Советской России, скептически относился к белорусизации. На него регулярно писали доносы. Но имя ученого было на слуху у всей Европы, и большевики до поры до времени его просто терпели. Но все же после возвращения Карского из большой этнографической командировки по славянским землям в 1926 году на него началась мощная атака недоброжелателей. Как его только не называли — и «осколком царского режима», и «черносо-тенцем», и «великорусским шовинистом». Особенно не могли ему простить высказывания о том, что Львов является старым русским городом, а также ставили в вину то, что за границей он встречался с представителями русской эмиграции.

ЦК КП(б)Б в 1927 году на закрытом заседании вынес решение об исключении ученого с мировым именем из Академии наук. В 1929 году сняли с должности директора Музея антропологии и этнографии. Конечно, он пытался возражать, писал новые научные работы, но их никто не печатал. Да и что мог сделать ученый, пусть даже и с мировым именем, если против него выступала сама система?

В 1931 году Евфимий Карский умер. Если бы этого не произошло, он с большой долей вероятности повторил

бы судьбу Н. Вавилова и других репрессированных советских ученых. После смерти Карского сами идеи западнорусизма на долгие годы были преданы официальному забвению.

Впрочем, белорусских националистов власть также держала на коротком поводке и периодически репрессировала, чтобы они не вышли из-под контроля.

***Андрей Геращенко** — председатель Координационного совета руководителей белорусских общественных объединений российских соотечественников, главный редактор журнала «Вместе с Россией». Живет в Минске (Беларусь).*

Фотография. Разграбленная комната Зимнего дворца.

Место и время события: г. Петроград, 25.10.1917 г.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Ирина АНТАНАСИЕВИЧ

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ

**История о том, как сибиряк Махин,
казак, белогвардейский полковник,
эсер и четник, стал югославским генералом
и советским разведчиком**

Через тридцать лет после того, как Геннадий Невельский в ходе Амурской экспедиции основал военно-административное поселение Николаевский пост, там, в маленьком еще тогда городишке, который к тому времени носил название Николаевск-на-Амуре, родился будущий титовский генерал Федор Махин.

Его отец, оренбургский казак Евдоким Махин был сослан из Сибири в Сибирь за оскорбление офицера (морду ему набил за то, что подсмеивался над бедностью оренбургского казачества). Впрочем, есть и источники, которые говорят, что родился наш герой еще в оренбургских степях в станице Буранная, и в Николаевск прибыл уже вместе с драчливым своим отцом.

Федор сын Евдокимов Махин, вероисповедания православного, а обучения домашнего, сначала по вхождению в сознательный возраст становится писарем, а затем (не

имея ни дня иного образования, кроме домашнего!) заканчивает казачье училище и получает чин хорунжего. Он, сын ссыльного (который-то и читать начал в 14 лет), из рядовой, а не гвардейской части сумел поступить в Академию генерального штаба (отчислили его в конце старшего курса, но он упорствовал и восстановился и окончил Академию по первому разряду. С орденом Анны третьей степени за заслуги в обучении и причислением к Генерал-штабу).

Закончил как раз к войне.

К Великой.

К Мировой.

К Первой.

Начинал капитаном.

Закончил — подполковником.

С десятком наград.

Еще тогда, как бы предчувствуя судьбу, присоединяется к сербской армии и участвует в пробое фронта в Салониках (самой значительной для сербской армии операции в войне, которая помогла стране выстоять, а армии — существовать). За что и получает орден Белого Орла.

Был он и участником знаменитого Брусиловского прорыва.

В революционном семнадцатом стал эсером и даже возглавлял штаб военной организации партии. И по приказу партии ...поступил в Красную Армию. И умудрился стать начальником оперативного отделения штаба Московского района, а потом командовал 2-й армией Восточного фронта.

Командовал вплоть до того момента, как войска Чехословацкого корпуса подошли к Уфе. Тогда он, пользуясь

своим служебным положением, заставил красные войска покинуть город (рассылая их по окрестным селам с разными заданиями-поручениями), а сам сдал город Станиславу Чечеку и помог белым в захвате Уфы. За это произведен в полковники и возглавил части Народной армии Хвалынского района, а затем перешел в подчинение Дутова. Но и дутовцем он был недолго.

Неуемный сын ссыльнопоселенца после омского переворота при помощи эсера Чайкина, башкирского лидера Валидова и казахского лидера Чокаева организует... заговор, направленный на свержение Дутова.

Заговор проваливается. Махина арестовывают и отправляют (дальше некуда уже) во Владивосток. По пути его пытаются ликвидировать, но не получается. А из Владивостока — прямым ходом в эмиграцию. В Париж.

Правда, по пути его пытались убить еще раз в Харбине. Но не удалось и на этот раз. Но и в Париже ему не сиделось. Слишком радикален он был даже для левого крыла эсеров. И от греха подальше они его направляют в Белград.

Там Махин проявляет себя настолько активно, что становится руководителем отделения Земгора в Югославии (а это значит помощь сотням голодных офицерских семей, студентам, это школы для детей эмигрантов, это ремесленные мастерские для беженцев, это пособия, это жизнь). Он был настолько честным распределителем денег, что его возненавидела почти вся имущая прослойка русской эмиграции, но зато полюбило нищее эмигрантское большинство. Еще в этот период он пишет книги и статьи, является хранителем партийного архива эсеров,

а также.... членом масонской ложи в Земуне с 1933 года и... членом Коммунистической партии Югославии с 1939 года.

Да, непрост был Федор Евдокимович, ох как непрост.

Коммунисту Махину членский билет не помешал в 1941 году стать... четником и командовать отрядом в армии дяди Дражи (монархистского генерала Дражи Михайловича).

Как вы уже догадываетесь, и четником он пробыл недолго и затем ушел с отрядом (более полутысячи человек вывел!), решив, что поведение четников становится «все более подозрительным и они все активнее сотрудничают с фашистами», к партизанам Тито.

Причем его друг (вот они вместе на фотографии, Махин справа) Влада Зечевич тоже вывел свой отряд в 500 человек. Друг тоже, кстати, был интересный персонаж — бывший священник, четник, ставший партизаном и начальником... религиозного отдела (был такой отдел в армии Тито), а затем даже министр внутренних дел.

Первый послевоенный.

Кстати, и Махин во внутренних делах разбирался.

Даже в очень внутренних.

Именно он пишет (еще в 1942 году!) план и разрабатывает структуру разведывательной службы, по которой десятилетиями будет жить послевоенная, уже титовская Югославия. В последнее время появилась информация, что Махин был завербован советской разведкой (чуть ли не лично Судоплатовым) и активно участвовал в мартовских-апрельских событиях, которые привели к свержению тогдашнего югославского правительства и регента князя Павла (который подписал с Герингом акт о дружбе), а затем к свержению нового правительства (которое возглавлял генерал авиации и английский агент Симович) и бегству в Лондон малолетнего короля Петра II.

После чего Югославию страны Тройственного пакта и разорвали на куски. Правда это или нет, знают только лубяньские архивы. Хотя вот и далее неизвестно за что бывшего белогвардейца в декабре 1944 года приглашают в Советский Союз и награждают орденом Ленина.

Там же, в Отечестве, в котором он не был более четверти века, никогда не болевший казак как-то быстро заболевает (что дает массу предположений, одно конспирологичнее другого) и умирает сразу после войны. В июне 45-го.

Возле его гроба в почетном карауле стояли четыре совсем разных человека: сам Иосип Броз, руководитель военной миссии СССР в Югославии, члены военной миссии Албании (почему-то) и члены эмигрантского союза эсеров, приехавшие из Парижа. Вот такой колоритный эскорт был у нашего очень колоритного героя.

В ознаменование его заслуг он посмертно получил высшее звание тогдашней Югославии — звание Национального героя и улицу — маленькую, правда, но в центре города.

Впрочем, в постъюгославское время из карты Белграда это имя вычеркнули. Не знаю, правда, за что: за то, что был коммунистом ли, четником, масоном, советским агентом, участником пробоя фронта в Салониках или просто русским эмигрантом с прихотливой судьбой?

История о партизанской девочке, сербской сибирячке, героине и красавице

...Ей было 14, когда она стала бойцом Первой пролетарской бригады. Ей было 16, когда она в крепости Калемегдан — ныне любимом прогулочном месте праздных белградцев и любознательных туристов — добивала последних фашистов. Ей было 20, когда она танцевала со своим Маршалом на новогоднем вечере... Сейчас ей за 80.

О себе говорит — везучая.

Русская Надя.

Белградская Нада.

Ее отец — боснийски серб — сдался в плен во время еще той, Великой войны.

В Челябинске, в водовороте событий, судьба столкнула с молоденькой русской по фамилии Анненкова.

Из тех самых.

Влюбился.

Женился.

Через Владивосток, Харбин, Америку как-то успели приехать в Боснию.

Первую девочку назвали Надеждой. И сразу же ее потеряли потеряли: заболела во время эвакуации и утонула в пароходном хаосе исхода.

Вторую упрямо назвали Нада: такое же имя— Надежда, но в сербском варианте.

Она — выжила.

И в 14 сбежала в партизаны.

Войну прошла с конца 41-го по 44-й.

Ранили всего один раз.

В окружении под Сутеской. В страшной и кровавой мясорубке.

Из всего отряда только она осталась и пулеметчик. Три часа держали оборону.

В результате — пуля по касательной задела щеку: «Я так переживала, боялась, что будет шрам, кто меня такую замуж возьмет».

Взяли.

И дети есть и внуки.

И судьба была благосклонна: и мир повидала— муж

был министром, и альпинизмом увлекалась, а платья носила исключительно Chanel.

...Проходим возле веселой жующей ресторанной улочки Белграда Скадарлии: «...а здесь я говорю: пойду проверю, как там мои девочки санинструкторы (я в 16 была уже главной! У меня же опыт был!). А командир на это: стой здесь, смотри, какой там артобстрел, пулю моментально получишь. Не послушалась, перебежала на другую сторону, к дому Армии. Смотрю, а там, где я стояла минуту назад — воронка... Все погибли. Я всегда была везучей. Рядом со мной даже садились во время бомбежки: Сибирка (меня звали сибирячкой, по маме) счастливая».

...слушая ее тогда, помню, что я вдруг четко осознала, что партизанское движение собирало молодежь. Посмотрите фотографии тех лет: бородатые солидные мужики-четники и безусые юные партизаны. Может, не так буквально, но был, был и еще один аспект этой войны — поколенческий. И дети выбирали красное знамя и красную звезду.

А она и ныне, под девяносто, совсем юная, веселая и кокетливая.

И очень красивая.

Правда.

Глаз не отвести.

Сербская партизанка Нада Гагович.

Сибирка.

Наша русская Надя.

**История о Дон-Кихоте Кубанском,
его абиссинских приключениях и о том,
как он стал защитой для славян Косово
и Македонии**

Есть на кладбище в Белграде одна могила.

Находится она не на русском бетонном участке кладбища, а в стороне, в уютной кружевной тени. Лежит в ней русский эмигрант Виктор Машков: человек, установивший дипломатические отношения с черными христианами и защищавший балканских, мечтатель и романтик, авантюрист чистейшей донкихотской деятельной закваски.

Интересно? На самом деле все было еще интереснее. Словари твердят, что Виктор Федорович Машков был первым дипломатом, который установил официальные отношения между Россией и Эфиопией.

А на самом-то деле Виктор Машков, когда отправлялся в Абиссинию, страну загадочную и привлекательную для авантюристов, поэтов и политиков, дипломатом не был. Как там у Гумилева, влюбленного в эту страну:

Между берегом буйного Красного моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна.

Вот и Виктор Федорович Машков, уроженец полусонных кубанских степей, провинциальный армейский

младший офицер 15-го Кубанского пехотного полка, просто по уши влюбился в возрасте довольно юном, чтобы влюбиться, в эту отдыхающую львицу.

И стал писать на Высочайшее имя записки, предлагая свои планы покорения этой черной красавицы, чьи воины

...хитры, жестоки и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слушать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье да оттачивать меч.

Отвечать провинциальному энтузиасту не спешили.

И впрочем, власть предрежащих тоже можно понять. Совсем недавно авантюрист Николай Ашинов, пензенский мещанин, вообразивший себя казаком, уже вляпался по уши, пытаясь с наскоку овладеть Абиссинией: он собирался там основать колонию Новая Москва, но в итоге пришлось довольствоваться ссылкой в Саратовскую губернию. Вполне мягкое наказание объясняется тем, что берег абиссинский российских государей всегда привлекал и установить дипломатические отношения со страной черных единоверцев он как хотелось: очень нужен был порт с угольным складом для русских пароходов, плывущих через Суэцкий канал на Дальний Восток и обратно.

Поэтому власти хоть и жались, пожимая плечами, но когда упорный Машков в очередном письме в очередной раз предложил свои услуги в качестве частного лица, то власти подумали, подумали и махнули рукой,

пусть, мол, едет, фантазер — хоть письма будет пореже посылать. Машков подал в отставку и поехал. Поехал в качестве крайне шатком — нештатный корреспондент газеты «Новое время». Причем не один поехал, а с черногорским сербом (так написано в документах) Сладко Златичаниным. Когда и каким образом познакомились кубанец и серб — не знаю. Но подружиться крепко. Так крепко, что решились на совместную авантюру.

Ну, и поехали, значит:

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

...Шли караванами, долго сидели в крепостях, поскольку как лица неофициальные разрешения негуса на передвижение не имели и ехали на свой страх и риск, болели, сражались.

А когда добрались к столице, выяснилось, что ни негуса Йоханнуса IV уже нет, ни столицы в Энтото. А власть перешла расу Сахле Мариама, который стал негусом Менеликом II и столицу перенес в Аддис-Абебу. Изменение власти, столица походная в военной тогда, в лагерных шатрах Аддис-Абебе — все сыграло на руку Машкову. Он добился встречи с негусом. Встречи на уровне официальном, дипломатическом, хоть и приехал он без свиты и подарков.

И вот уезжал он в Россию с почетом: с подарками негуса и письмом императору, в котором негус писал: «Ныне мое царство окружено врагами нашей религии, мусульманами. Я хочу образовать царство, подобное Вашему... Не только в Абиссинии и в Африке, но и в Европе война одного дня имеет следствием труды многих годов».

Вернулся Машков героем: Россия, неожиданно для себя, установила дипломатические отношения, «Новое время», неожиданно для себя, получило серию этнографических очерков, а Машков, неожиданно для себя, получил орден Владимира IV степени и стал дипломатом. В этом качестве, опять же в тандеме с верным сербским Санчо и в компании с невестой — шведской Дульсинеей, такой же фантазеркой-мечтательницей, наш герой вновь посетил Эфиопию и доставил ответ императора и подарки. Негус Менелик II, пытаясь скинуть с себя навязываемый Италией протекторат, надеялся на помощь России: «Я жду от Европы помощи для развития страны и не хочу, чтобы говорили, что я дикий негр, беспричинно проливающий кровь европейцев! — писал он. Россия обещала дипломатическую помощь и на всякий случай послала 350 единиц оружия.

А Машкова хоть и зачисли в штат МИДа в чине титулярного советника, от дел эфиопских отстранили: некоторое время он был секретарем Российского консульства в Багдаде, а потом его послали в Скопье. Он сам попросился. Наверное потому, что Дон-Кихот — это в крови. Жизнь в Скопье, тогдашнем Ускюбе, была

вполне эфиопской: «В это время непривычному европейцу жутко становится ходить среди этой сбродной толпы, тем более что редко проходит день, чтобы это гулянье не кончалось свалкой, во время которой работают ножи, а другой раз пускаются в ход и револьверы. Смертоубийство в Скопье это настолько обыденное явление, что о нем не принято говорить. Без этого нормальная жизнь в Ускюбе не ладится. Цинизм и распущенность толпы доходит до того, что убивают людей на глазах у консулов или чаще перед их домами, — и тем приходится лишь протестовать и ужасаться, но при существующем режиме протесты редко приводят к цели, в большинстве случаев они остаются неуваженными, — и консулам, при изобилии таких случаев, остается лишь приучать свои нервы и смотреть на это как на неизбежное зло. В Ускюбе об ежедневных убийствах говорят мало: жителей интересует резня, или массовая свалка, или, наконец, открытый бунт, периодически повторяющийся через известный промежуток времени, не превышающий года» (очерк «По Македонии», Русский вестник, № 8.1902).

Будучи консулом в Скопье, Машков активно занимался защитой сербского населения в Македонии и Косово:

«Виктор Федорович в Скопье не живет, а «горит». Абиссинские экспедиции, которые он проделал на свой риск и страх, преследуемый многими из европейских наций, не оставили на нем следа; тут же трехлетнее пребывание в Косове сделало его седым и чрезвычайно нервным. Да и как может быть иначе? Я пробыв в Македонии в об-

щей сложности около месяца, был там по своей охоте, из симпатии к славянскому делу, а тем не менее бывали моменты, что у меня буквально волосы становились дыбом; и по переезде турецкой границы, возвращаясь в Болгарию, я положительно думал, что попадаю из ада в рай, — до такой степени велик был контраст между цивилизованными странами и Турцией. До какого же состояния должен дойти человек, который поставлен здесь на страже русских и славянских дел, который на каждом шагу должен класть свое veto и противопоставлять своим многочисленным врагам не оружие, не деньги, а лишь свою мощь, обаяние своей личности? (очерк «По Македонии», Русский вестник, № 8.1902).

Жена его, верная шведская Дульсинея, открывала школы и больницы, лечила, учила, вытирала носы, кормила. Короче, вполне соответствовала описанию из романа: «и швея, и жница, и в дуду игрица, и за себя постоять мастерица, и любой странствующий или только еще собирающийся странствовать рыцарь, коли она согласится стать его возлюбленной, будет за ней, как за каменной стеной».

Нашему Дон-Кихоту повезло с женой. Да и с жизнью повезло — он ее построил в соответствии со своей мечтой.

Вот она — фотография человека, открывшего для России абиссинские врата, человека, защищавшего десятилетиями славянское балканское население на совсем диком в то время куске земли, человека, уверенного в том, что до неба легко можно дотронуться, лишь бы было желание поднять руки. Это фотография с кладбищенского

памятника. Лежит наш герой на кладбище Ново-Гробле в Белграде. Умер он в Югославии в 1932 году. Как русский беженец. Но на Балканах он чужаком не был: памятник ему поставили, выбив об этом мемориальную надпись, «благодарные жители города Скопье». К сожалению, на День дипломатического работника на эту могилу не приносят венки, а очень бы хотелось.

История о косовских русских и итальянском вице-короле, петербургском жителе

Гуляя по Белграду, путешествуя по Воеводине, все время натыкаешься на русский след. Нет, не на нынешнее «здесь был Вася» и нечто емкое трехбуквенное, а на храмы и здания, мосты и парки, созданные нашей русской эмиграцией.

Многие знают о Врангеле и Храповицком, Краснове и Струве, Острогорском и Тарановском.

Городок Вршац сделал земляками Никиту Толстого и Родзянко.

Городок Панчево — Ивана Голенищева-Кутузова и святителя Иоанна Шанхайского.

...Но о русских небелградских или околобелградских знают мало.

О эмигрантах в Косово и Метохии — не знают ничего.

А знаете ли вы, что все стратегически важные дороги, связывающие Косово с Сербией, Черногорией и Македонией, проектировали русские архитекторы, строительством занимались русские инженеры, а выстроены они силами саперных полков Кубанского и Донского корпусов, а также полка Первого армейского корпуса? Это дороги Косовска Митровица–Рашка, Косово–Поле–Печ, Куршумлия–Приштина. Русские отряды строили и сложные участки дорог, проходившие через горные массивы: дорогу Печ-Андриевица, соединив тем самым север Черногории с Косово (через гору Чакор) и Доганович–Тетово, соединив Косово и македонские территории (через гору Шару).

А знаете ли вы, что весь план урбанизации Приштины — творение русских архитекторов (здание театра, храм, здание ректората, первый кинотеатр, Гранд-отель — весь нынешний центр)?

И первая блочная застройка Приштины — их рук дело. И железнодорожная станция в Косово-поле.

А знаете ли вы, что термоэлектростанция Облилич, водохранилище Батлава, гидроэлектростанция на реке Црни-Дрим, вся система мелиорации Метохии, организация лесного хозяйства, основание заповедной зоны в Брезовице — это они, русские эмигранты.

Они — это снабжение водой Патриархии в Печи.

Они — это богословия в Призрене.

И монастырские помещения в Дечанах — это они.

И организация виноделия в Ораховце. И первая винотека.

Они — это скотоводство, поставленное на научную основу. Они — это первая микробиологическая лаборатория. Они — это школы и поликлиники в таких местах, в которые не забредала до тех пор нога врача и учителя.

Они — это более сотни храмов, что новоотстроенных, что реставрируемых (включая сюда реставрацию Богородицы Левишке — жемчужины под защитой UNESCO, которую, впрочем, не пощадили косовские погромы и которая опять ждет своего реставратора).

Храм в Урошевце или в нынешнем Феризае (когда-тошнем Феризовиче), который изумляет дерзкой близостью с соседней мечетью — тоже они.

Они — это первые теннисные площадки, это футбольный клуб «Дукаджини» и развитие футбола в Косово вообще.

Они — это скаутские организации, детские кружки, физкультурное движение.

Это театр, хоровое пение, филармония, первое ателье художественной фотографии, первый фольклорный ансамбль.

Это парк «Каргач» в Печи и ботаническая коллекция.

Это юриспруденция.

Причем главным следователем военного трибунала Косовской военной области был русский.

И мельницами в Метохии владел русский.

И границу беспокойную с Албанией держали русские. И даже выполняли задания деликатные. Так, например, по распоряжению Военного министерства

Королевства СХС в декабре 1924 года казачьи отряды (сформированные по добровольному принципу) под командованием полковника Миклашевского вторглись на территорию Албании (из направления Призрен и Джаковица) и приняли непосредственное участие в свержении Фан Ноли, что помогло привести на албанский престол отвечающего в то время сербским интересам Ахмата Бек-Зогу.

Да и монастырь Високи-Дечаны (еще одна жемчужина под защитой UNESCO) тоже сохранили они.

Рассказывают, что во время войны албанцы уже совсем было договорились с итальянцами о разрушении храма (по причинам, мол, стратегического характера нужно взорвать). А в это время в монастыре было всего двое русских — старенький уже инок Герасим и архимандрит Феодосий (человек, кстати, военный: один из немногих полный Георгиевский кавалер, награжденный не только Георгиевскими крестами первой, второй, третьей и четвертой степеней, но и георгиевскими медалями, он же — бывший келейник митрополита Антония Храповицкого — основателя Русской зарубежной церкви).

Перед самым взрывом приехал с итальянской стороны посмотреть храм и на то, как ведется подготовка, сам вице-король Джакомини. И во время разговоров долгобеснадежных Джакомини вдруг встрепенулся и повернулся к о. Феодосию, который что-то по-русски прошептал инокку Герасиму. «Вы по-русски говорите?!» — радостно изумился высокомерный гость. И начал вспоминать времена, когда он был в Петербурге в качестве офицера военной миссии. Воспоминания были такими положительны-

ми, а русский язык так напомнил о молодой беззаботности, что Джакомини в порыве чувств помиловал Дечаны. А о. Феодосий был настоятелем монастыря Високи-Дечаны вплоть до смерти (похоронен возле митрополита Антония в гробнице Иверской часовни на белградском кладбище Ново-Гробле). А Високи-Дечаны высятся до сих пор, слава Богу.

И радуют нас.

История о дяде Ване и небе в алмазах

...я его в живых не застала.

Он умер в 1982 году, прожив долгую интересную жизнь...

Впрочем, подождите...

Как же не застала?!

Да каждый второй взрослый в Приштине — серб, турок, албанец — в той довоенной Приштине, которую я узнавала и которая привыкала ко мне, узнав, что я русская, говорил: «...эх, дядя Ваня умер, вот если бы вы с ним познакомились...»

И на немолодых лицах загорались мальчишечьи глаза и расцветали девчоночьи улыбки:

— Меня дядя Ваня научил...

— Мне дядя Ваня говорил...

— Мне дядя Ваня рассказал...

Всему их научил дядя Ваня, все им рассказал...

Дядя Ваня — Иван Семенович Светов.

Русский эмигрант.

Скаут и вечный мальчик.

...Как попал он в Приштину?

Да как обычно — семнадцатилетний солдат, доброволец Белой армии, галиполийское стояние и эмиграция в Королевство СХС.

Нынешняя Приштина, которая с изменившимся лицом бежит в Европу, все равно от нее далеко, а уж тем более та Приштина, начала века: презрительно-ленивая и восточно-настороженная...

А Ваня приехал и... нет, он ничего не менял, он не был революционером.

Он просто организовал скаутский отряд.

И слоняющиеся по пыльным узким турецким улочкам мальчишки и не смеющие выйти за пределы двора девочки вдруг обрели детство.

Дядя Ваня собирал приштинских ребят — сербов, албанцев, турок — более полувека: водил в походы, пек картошку на костре и учил дружить...

Многие сербы по сей день сохранили с албанцами дружеские отношения, потому что вместе искали Полярную звезду...

Более ничего в своей жизни дядя Ваня не совершил: не занимался политикой, не писал книг и не оставил мемуаров.

Он просто свое личное увлечение щедро поделил с чужим ему городом.

И стал в этом городе — своим.

И остался своим даже тогда, когда город, потеряв ориентиры, заблудился в глухом овраге.

История о Белом ангеле, высокомерных орлах и одном красивом мужчине

Он и правда был очень красив — Роман Верховской.

Представляю себе Белград начала тридцатых: шум, пыль, запах извести и цемента. Город, разрывая балканскую глинобитную кожу, рос, карабкаясь кирпичами зданий ввысь. Архитекторам здесь было раздолье: король Александр задумал сделать новую страну — Югославию, и новой стране требовалась новая столица. Не просто город, а архитектурная хрестоматия национальных мифов. Русским архитекторам-эмигрантам здесь было раздолье: твори, выдумывай, воплощай сны, делай что хочешь — хоть византийское кружево влечай в конструктивизм — все к месту будет.

И одна из самых значительных фигур эмиграции — он. Роман Николаевич Верховской.

Элегантен, умен, красив, потомок старинного дворянского рода, чуть ли не из Рюриковичей. Ну, так гласила семейная легенда, о которой Роман, как и следует аристократу, рассказывал с иронией.

Боевой офицер, который в праздничные дни надевал множество совсем не побрякушечных наград.

И художник.

Вернее, художник-архитектор.

Именно такое звание он получил после окончания Императорской Академии художеств в Петербурге. Числился Роман Николаевич по Дворцовому ведомству и служил также и в Министерстве строительства Королевства СХС. А жить он предпочитал не в еще-турецко-невнятном Белграде, а в сдержанно-австрийско-имперском Земуне.

Белая кость, аристократ...

И проекты — величественные. Такие, что дух захватывает. Многие осуществились, но многие канули в Лету. Хотя не совсем: остались, спасибо прессе, которая любила Верховского и внимательно описывала его макеты, в газетных материалах. Вот югославская газета «Политика» описывает эскиз его памятника: конная статуя белого офицера, который с надеждой смотрит в небеса. На офицера надвигается гребень огромной волны, увенчанной змеей, — это нашествие большевиков. А под ногами у офицера поверженный лев — символ императорской России.

Красиво, правда? И очень печально.

Был у него и проект Русского храма в Белграде (интересно, каким бы он был, если бы победила версия Верховского, причем не победила она просто по той причине,

что у эмиграции не было денег, а проект Верховского был более помпезным, чем проект Лукомского).

Рассказывают те же сказители-журналисты, что Верховской почитаем за «яркие образцы... в изумительных строениях Королевской виллы на Дединье». Нынешние же историки пожимают плечами и приписывают Верховскому только проект двора и интерьер подъезда к парадному крыльцу и ступеньки.

В Белграде сегодняшнем многое изменилось: русское вымылось как песок, просочилось в трещины времени.

Многое ушло, исчезло навсегда: ну, как вот этот фонтан, который был в парке Топчидер. Его называют то Гераклом, то Лаокооном, а сам автор создавал его под названием «За жизнь и свободу славянских народов».

Вот он на рисунках самого Романа:

А вот уже уснувший в топчидерском снегу:

Фонтана уже нет. Время и войны стерли его с карты города. Но многое и осталось. Вот например эта красавица — палата Любицы Авакумович (прямо на пешеходной улице Князя Михаила).

Или вот еще — здание для квартир офицеров Морского департамента на ныне Ресавской, а в то время Франкопановой улице.

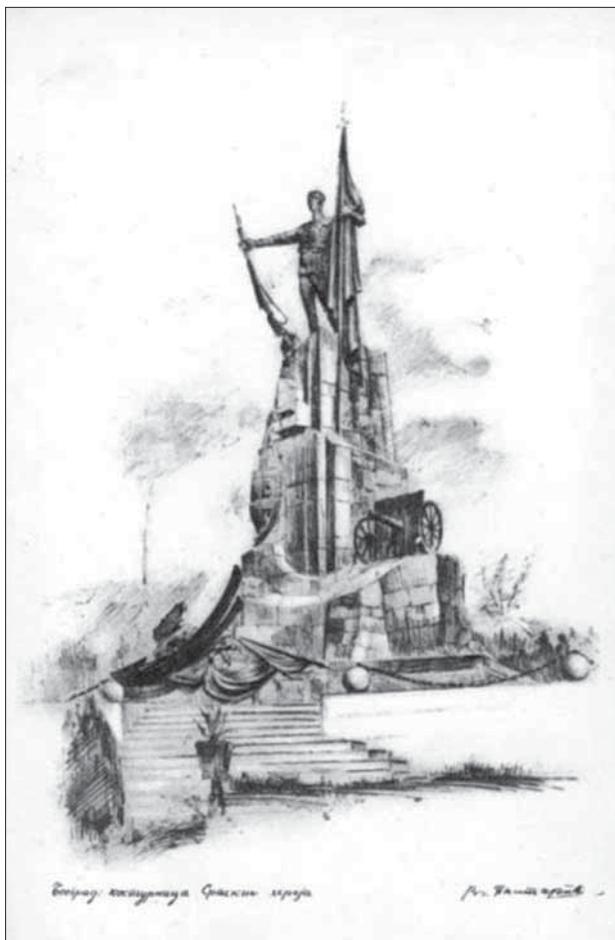

Кстати, под зданием находился (находится и теперь, но уже требует расчистки) туннель, ведущий к зданию Генералштаба (ныне стоящему в руинах после «гуманитарной» бомбежки девяносто девятого года).

Монументальная скульптура на здании Парламента тоже его рук дело. И флагштоки. Но самое значительное, что осталось от Верховского, находится далеко от туристических троп: на белградском кладбище Ново-Гробле. Именно там стоят две скульптурные композиции, два мавзолея, два памятника Великой войне.

Первым появился памятник «Защитникам Белграда». Памятник-мавзолей. Воздвигнут над братской могилой: под ним похоронены 3529 сербских солдат Великой войны, чьи имена установлены, и еще 1074 неизвестных воинов.

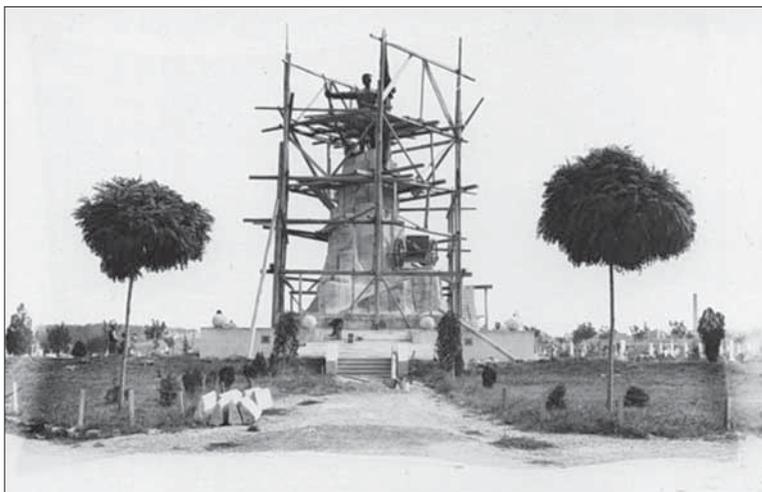
Инженерами на проекте были Живоин Лукич (он делал скалу — символ Каймакчаланской высоты — битвы важной для сербов и очень кровавой) и еще один наш эмигрант — скульптор Владимир Загороднюк (он делал фигуру Воина).

Орла же (а и вся общая идея памятника — его) делал Верховской. И орел у него получился первоклассный: злобный, дерзкий, не сдающийся. Даже поверженный в прах и цепляющийся судорожно за знамя, он только и ждет момента слабости Воина, чтобы вцепиться ему в горло... Очень символично.

Вот фотография момента строительства:

Копию своего памятника Верховской сделал и для города Кралево (он ныне украшает центральную площадь города).

За этот памятник, самый большой к тому времени на Балканах, Верховской был награжден орденом Св. Савы III ст.

Но для нас, русских, главным будет другой памятник — памятник «Русской славы» — на русском участке кладбища возле копии Иверской часовни (инженерные работы проводил архитектор Валерий Сташевский).

Белый ангел — Архангел Михаил с крыльями, сложенными парадно ввысь, стоит на снаряде, попирая ногами змею. Над головой Архангела реял черно-желтый имперский флаг.

Высится он над захоронением, где последний приют нашли: один полковник и 138 нижних чинов, погибших при защите Белграда в 1915 году, 12 офицеров и 387 нижних чинов — воинов 2-й и 4-й Особых русских бригад, павших смертью на Салоникском фронте (более 10 000 чинов Особых русских бригад, павших там, нашли вечное упокоение в неизвестных могилах); двое матросов, убитых

при защите м. Кладово на Дунае, и 66 военнопленных, замученных в плену.

Памятник строился непросто (проклятие всех русских проектов). Вот отрывок об этом из воспоминаний Скородумова (тогда еще полковника): «Дабы остановить развивавшиеся симпатии сербов к Совдепии и вернуть их к царской России, я затеял постройку памятника русским воинам и переноску останков русских офицеров и солдат с Салоникского фронта в Белград. Казалось бы, что это в интересах всех русских эмигрантов, предлог объединиться и устроить обще-Югославянско-Русскую манифестацию в честь национальной России. Но не тут-то было, поднялся страшный шум, интриги, грязь, анонимки и борьба, чтобы во что бы то ни стало вырвать у меня эту инициативу. Чуть не сорвали все дело. Писали королю, писали министрам, писали моим приятелям сербам, что я коммунист, сумасшедший, что я убил своего отца и мать, что я криминальный тип, и вообще все что хотите. Этим занимались верхи, т. е. возглавители эмиграции, но и низы немногим оказались лучше».

Впрочем, можно всю вину свалить на неуживчивость Скородумова: Михаил Федорович человеком был своеобразным. Можно и далее восстанавливать историю создания со всеми сопровождающими ее подводными камнями и темными омутами сплетен. Но это сор. Это все мелочи — ссоры забылись, сплетни стали архивными документами, а памятники и здания стоят: живут своей жизнью, являя символы более великие, чем предполагалось...

...В 1937 (нет, не после войны, как пишут часто) Верховской уехал в США. Говорят, из-за дамы. Может быть, этой самой, которая стоит рядом с ним на фотографии. Американский его период характеризует уход в «храмостроительство» (удачное выражение Ульянкиной — исследователя его американского архитектурного наследия). Для Американской митрополии и Русской зарубежной церкви он выполнил 26 проектов храмов.

А в августе 1964, началась иная, совсем печальная жизнь — в Отделении для душевнобольных в Центральном штатном госпитале города Айслип в Лонг-Айленде, где он провел мучительных четыре, пока не скончался в 1968-м.

Да, аристократизм это не только гербы, знатные предки, голубая кровь и белые рубашки, а еще и наследственные душевные болезни.

Что стало с его коллекцией — неизвестно.

Предполагается, что она хранится у потомков его племянника Артура Келлера, живущих в штате Южная Каролина.

А вы, если занесет вас судьба на Балканы и если будете гулять по Белграду и захотите прикоснуться к прошлому, сделать это очень легко. Идите к заданию Парламента и у правого флагштока (ближе к зданию Главпочтамта, тоже, кстати, русского архитектора Василия Андросова) поднимитесь на ступеньку. Смелее, ничего вам за это не будет. И вот она подпись— Роман Верховской.

Привет, Роман!

**История о двух Георгиях,
о том, как нужно фотографировать политиков
и как следует их рисовать**

Одесский период жизни подростка Георгия Скригина закончился в двадцатом году. А затем — бестолковое суетливое погружение на корабль, тоскливое беженское хаотичное броуновское движение... и Сербия. Скучный провинциальный городок Бела Церковь, возвышенные радости

нищеты: перебирание крупы, протухшее постное масло, чужая неудобная страна...

И желание иного.

Настолько сильное, что парень, наплевав на все советы, уехал в Загреб. В балетную школу.

Балет был вызовом Белой Церкви.

Вызовом всей эмигрантской нищете.

Бегом от себя — Георгия Владимировича Скригина. Которого Владимировичем никто и не именовал никогда не только из-за малолетства, но и потому, что отчества на Балканах неприняты. А от имени Георгий он отказался сам.

Он будет Жоржем.

И он будет учиться в Загребе.

Лишь бы подальше от скучной белоцерковной провинции.

Впрочем, балет как вызов вполне подходил, но, приехав в Загреб, Скригин наконец-то влюбился. Сразу и навсегда. Восторженно и всмятку.

В фотографию.

Именно с ней, он, актер театра в Загребе, стал изменять Мельпомене. Так и существовал долго — разрываясь между двумя страстями своей жизни. Именно фотография и сделала одесского мальчика мэтром, знаменитым Жоржем Скригиным, которого награждали Нью-Йорк и Сан-Франциско, Лондон и Буэнос-Айрес, Турин и Венеция...

Оценили его мастерство и немцы. Во время войны именно фотография Скригина украшала плакат, который обещал награду за поимку известного преступника и партизанского вождя Йосипа Броза, называемого Тито.

награда
од
100.000
РАЈХСМАРАКА У ЗЛАТУ!

**100.000 РАЈХСМАРАКА У ЗЛАТУ ДОБИЋЕ ОНАЈ КОЈИ ДО-
ВЕДЕ ЖИВА ИЛИ МРТВА КОМУНИСТИЧКОГ ВОЂУ ТИТА.**

Овај злочинац бацно је земљу у нај-
већу несрећу. Као болшевички агент, овај
скриватељ цркава, ђепов и друшких раз-
бојника хтео је да образује у земљи совјет-
ску републику, а к томе је усбризго да је
он позван да „ослободи“ народ. За оствар-
ење тога циља он се спрема у шпанском
грађанском рату и у Совјетској Унији, где
је упознао све терористичке методе
ГПУ-а, методе скривања култура и
животињског уништавања људских жи-
вота.

Ова његова „ослободилачка акција“,
која је имала да утре пут болшевизму,
том најгрознијем политичком режиму на
свету, одузела је имање, добро па и жи-

вот хиљадама људи. Она је само пореме-
тила мир сељака и грађанина и бацила
земљу у неписану беду и невољу. Пору-
шене цркве и спаљена села тргови су
којима је он прошао.

**СТОГА ЈЕ ОВАЈ ОПАСНИ БАН-
ДИТ У ЗЕМЉИ УЦЕЊЕН СА 100.000
РАЈХСМАРАКА У ЗЛАТУ.**

Онај који докаже да је овог зло-
чинца учинио безопасним или га преда
најближој немачкој власти не само што
ће добити награду од 100.000 Рајхсма-
рака у злату, него ће тиме извршити и
једно национално дело, јер ће ослободи-
ти народ и отаџбину од бича болшевичког
кровоног терора.

**Врховни заповедник
немачких трупа у Србији**

Признание...

Сам же автор фотографии Жорж Скригин тоже был в партизанах.

Но в особой группе: в партизанских артистах. Да-да, вы не ослышались. В 42-44 годах югославские партизаны с качестве сопровождения не только с собой кашеваров возили, но и артистов. А артисты давали балетные и оперные представления на освобожденных территориях. Первое представление, например, было оперно-балетным и собрало население боснийского города Яйце (да, есть такой город героический в Боснии, пример партизанского сопротивления). Опера и балет в Яйце! Во время войны! ...Господи, даже сегодня в провинциальном Яйце не знают этих слов, но вот во время войны были в Яйце и храбрость, и сопротивление, и опера, и балет!

Девятьсот представлений дал Партизанский театр: ставили Толстого, Чехова, Нушича, Гоголя. После операции «Вайс» поставлен балет на музыку Гершвина «Рапсодия в голубом».

А душой театра был Скригин.

Вот он на фотографии с балериной Мирой Саниной (позже примой Белградского театра, женщиной, в которую был влюблен сын Черчилля Рэндольф, который посетил штаб Тито во время войны и там познакомился с балериной).

После войны он ушел в кинематографию, снял более двадцати фильмов, был генеральным директором Союза кинематографистов Югославии, но в памяти остался все же как непревзойденный мастер фотографии... мастер военной фотографии.

Беженка Крыжополька

Беженец

Он же был любимым фотографом Иосипа Броза Тито, уже не преступника с немецкого плаката, а маршала и Президента Социалистической Федеративной Республики Югославия.

Умер Скригин в девяносто седьмом году, почти сразу же после смерти Социалистической Федеративной Республики Югославия.

Рассказывают, что его приглашали в Белый Двор*, чтобы он сделал фотографию Милошевича.

* *Белый двор* (серб. Бели двор) — дворец в Белграде, одна из резиденций Слободана Милошевича.

И мэтр отказался. Правда это или только легенды — доподлинно неизвестно.

Сам Скригин, когда ему задавали этот вопрос, только загадочно улыбался. Он все-таки оставался актером. Почему бы и не поиграть, если публика желает...

А вот — любимый художник Иосипа Броза Тито.
И тоже — Георгий.

В свое время десятилетний Миша Прудников с родителями покинул Россию в боевом восемнадцатом году.

Родным городом для него стал сербский город Ужице. Впрочем, городом в те времена его можно было назвать с натяжкой, но, впрочем, мальчишек никогда не интересует наличие мостовой возле муниципалитета...

А всего остального: свободы, гор, воздуха и света было в изобилии. В Ужице он вырос, в Ужице — женился, в Ужице родился и его сын — Георгий Михайлович Прудников, которого все звали по-сербски Джордже.

Вот он-то тот Георгий, который Джордже, и есть второй герой нашей истории.

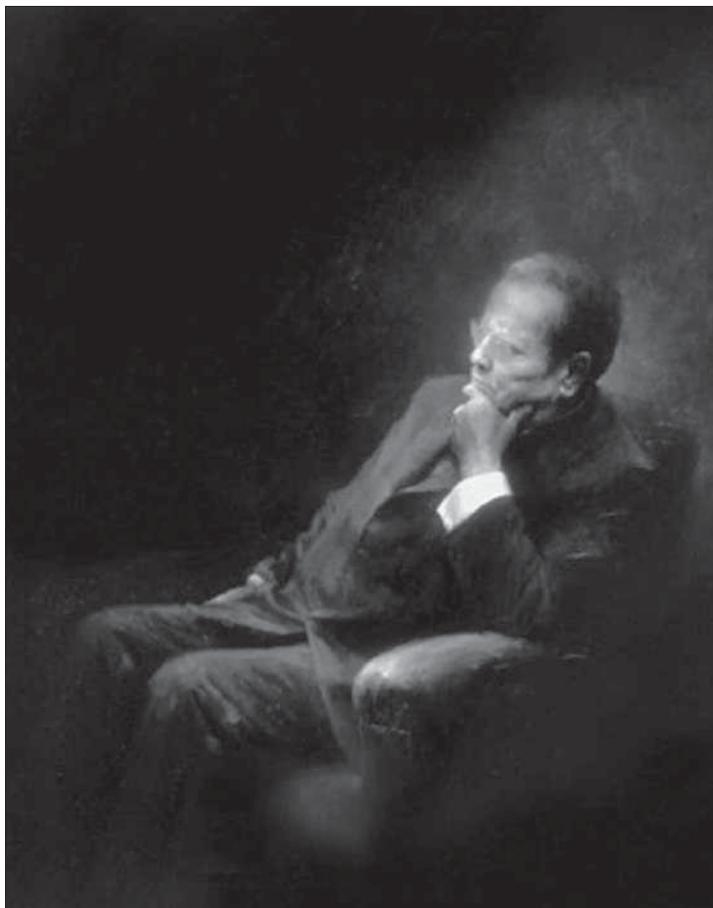
Какая мечта может быть у мальчика, который родился в краю гор и света? . Наш Джордже мечтал об одном — перенести этот свет и эти горы на бумагу. Родившись на свет художником, он мечтал быть только художником. А когда Прудниковы переехали в Белград и мама Радмила десятилетнего Джордже привела в художественную школу, далее в его жизни все определялось этой страстью — живым писанием на холсте.

Жил, рос, поступил в Художественную Академию, потом — в Академию прикладного искусства, затем Вена и Милан, выставки в Риме и Лиссабоне, Париже и Нью-Йорке, его радостно включают в свои объятия французская Академия науки и искусства, американское Общество портретистов, канадцы и испанцы...

А он рисует... рисует... рисует, стараясь передать темноту темного и свет светлого. Везде.

На всех картинах.

...светотъма отбеливает лица получше «Тайда», а восковые лица делают более очевидной банальнейшую истину: мы всегда одиноки и никогда не можем остаться в одиночестве.

Портрет Иосипа Броза Тито

Два русских мальчика.
Два балканских художника.
Национальная гордость Сербии.
Ну, и наша, конечно.

***Ирина Антанасиевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры славистики Белградского университета. Живет в Белграде (Сербия).*

Бранислав НИКОЛИЧ

РУССКИЕ В ГОРОДЕ ПЕЧ

На юго-западе Сербии, в северной Метохии, под горным хребтом Высокие Проклетики, на берегах реки Бистрицы, расположены город Печ и монастырь Печская патриархия, многовековой центр православной сербской духовности и кафедра сербской православной церкви.

После пятивекового турецкого ига в Балканской войне 1912 года черногорские войска освободили Печ от турок, но вскоре началась Первая мировая война и остановила развитие Печской области, известной сельскохозяйственной, животноводческой и ремесленной деятельностью в плодородной равнине Метохии. Данная область граничит с Албанией, и поэтому имеется постоянный прилив албанцев, особенно в военные и смутные времена.

После 1920 года в Печ начинают приезжать российские беженцы, которые много способствовали хозяйственно-общественному развитию Печской области. Русские много способствовали развитию Сербии и Черногории после 1920 года, и в г. Печ есть много воспоминаний об их работе, в том числе данные в книге «Российские беженцы в г. Печ в воспоминаниях младших современников» Райка Б. Радоевича в издательстве Краеведческого клуба печанцев в Белграде, Белград, 2005 год. О них писали в ведущей

газете «Политика: д-р Бранислав Николич (14.05.1994 и 31.08.2016), д-р Миодраг Петрович (06.06.1994), Милое Станимирович (1994 год), Никола Й. Маринович (фельетон, 1994 год), но после 1945 года и вплоть приблизительно до 1990 года очень мало и недостаточно было написано о благородной и честной работе российских беженцев в Сербии.

Приблизительно в 1970 году литератор из г. Сараево Изет Сарайлич написал стихотворение, которое начинается со слов:

Невыгодно здесь любить Россию
об этом знает даже и таракан
если хотите спокойно уйти на пенсию
любить Древнюю Грецию — лучший план.

У Изета были неудобства из-за этого стихотворения, а сегодня тоже выгодно хвалить Запад, а не Восток. Русские, сербы, армяне и греки больше всех пострадали в двадцатом веке, а о правде и демократии больше всего говорят в государствах, из которых много зла вытекло в тот период.

Между Первой и Второй мировыми войнами в г. Печ работало около 35 российских инженеров и техников, 12 врачей, 15 преподавателей и учителей и около 40 чиновников. Среди них были известные и знаменитые личности, в том числе в Российской империи, как, например:

генерал царской армии Сальников Никита Васильевич (1883 г., станица Ережинска — 1979 г., Белград), приехал в г. Печ в 1920 году,

- Педанов Георгий (1890 г., Полтава — 1960 г., Обреновац), врач династии Романовых,

- Тяпкин Аркадий Николаевич (1893 г., Починке — 1947 г., Белград), окончил Машиностроительный факультет в Москве и был игроком сборной Российской империи по футболу, а род Тяпкиных приобрел потомственное дворянство в конце XIV века,

- Федоров Степан Харитонович (1888 г., Киев — 1956 г.), полковник царской армии из старинной русской дворянской семьи и дворянского рода, который имеет более чем 600-летнюю историю,

- Кравченко Алексей Пантелеевич (1893 г., Херсон — 1944 г., Печ), капитан царской армии, чей сын Михаил погиб в качестве офицера ЮНА,

- Чернявский Сергей Владимирович (1900 г., Чита — Забайкалье — 1943 г., Белград), чей отец Владимир был генералом Российской империи.

До 1920 года в г. Печ практически не было инженеров, и прибытие русских означало не только хозяйственное, но и цивилизационное возрождение Печи:

- Домоховски Казимир, электроинженер, директор гидроэлектростанции в Радавце у Печи,

- инженеры, которые работали при строительстве дорог и железной дороги: Козлов Леонид Павлович; Кригер Роберт Васильевич; Лопирев Павел Павлович; Василий Мусников Царенко; Чистов Олег Александрович; Сатаров Николай Александрович; Новицкий Илья Викторович и др.

- инженеры лесного хозяйства: Мамонтов Владимир; Мотренко Евгений Петрович и др.

В период с 1925 по 1940 год была построена гидроэлектростанция на истоке Белого Дрима в Радавце возле Печи, и в тот период Печ получила электрическое освещение (1934), шоссеюную дорогу через гору Чакор в Черно-

горию Печ — Андриевица протяженностью 70 км (1925), железную дорогу Печ — Приштина протяженностью 80 км (1936), городской парк «Карагач», новую гостиницу «Корзо», и Печ от отсталого турецкого провинциального городка становится урбанизированным городом. Огромная заслуга в развитии Печи и прилегающих районов принадлежит русским, российским инженерам, техникам, врачам, преподавателям и другим интеллектуалам, которые честно работали, инвестировали себя и свои знания для развития Печи как своей новой родины.

В апреле 1941 года Печ и вся Метохия были присоединены к фашистской великой Албании, в зоне муссолиниевской фашистской Италии. В тот период в Печи было запрещено использование сербского языка в школах и официальных институтах, единственным официальным языком стал албанский, и почти все русские покинули Печ, но они вернулись после 1945 года.

До 1941 года в Печи работало много русских, врачей, преподавателей, учителей, чиновников, и всем им принадлежит большая заслуга в общественном, культурном, образовательном и спортивном развитии Печи и прилегающих районов.

Первый футбол в Печ принес Аркадий Н. Тяпкин. Генерал Никита В. Сальников преподавал историю и был директором Государственной гимназии в Печи.

До 1941 года преподавателями в Печеской гимназии были: Войшифилова Мария, Грабовский Станислав, Гребников Тодор, Юницкий Глеб, Александар П. Калмыков и его супруга Мария, Алексей П. Кравченко, Лендинский Валентин, Нечаев Андрей, Никольский Павел, Новицкий Семен, Никита Сальников В., Чистосердов Петр, Степан Федоров Х.

Врач Педанов работал в Печи с 1927 по 1930 и с 1946 года, когда он стал руководителем больницы, и находился в этой должности вплоть до своего ухода на пенсию в 1955 году. Жители Печи глубоко уважали и ценили его, и если кто-то заболевает, основным вопросом был: осмотрел ли его врач Педанов? что сказал Педанов? Самым главным было то, что сказал Педанов.

Брачная пара, Гладелин Николай Федорович и Гладелина Александра Оскаровна, жили и добросовестно работали в Печи с 1921 по 1959 год, когда они ушли на пенсию и переехали в Ровинь.

В Печи работали и врачи: Европин Александр Кузьмич (1860–1942), Коберидзе Михаил Спиридонович (1890–1942), Новицкий Семен, Симонов Сергей Иванович с супругой врачом, Чистов Владимир Сергеевич (1889–1957) и три брата — зубные врачи — Гребеников Алеша, Тоша и Степан, которого расстреляли фашисты в 1942 году. В Печи, Истоке и Джаковице работали ветеринары: Бойко Аркадий Андреевич (1892 года рожд.), Серебряков Павел Иванович и Василий Иванович Музолевски.

Было довольно много чиновников и ремесленников (Биркин, Виноградов, Гусаков, Воронцов, Гришко, Зеленский, Мамонтов, Маслов, Соломка, Чернявский, Шкинев и др.), которые способствовали более быстрому развитию и градостроительству.

Сергей Владимирович Чернявский, фотограф Печи с 1921 года, создал художественную фотостудию. От супруги Цветы Станевич из Печи у него были дочери Лидия (1930) и Татьяна (1933) и сын Светислав — Светик (1928), которые окончили гимназию в Печи. Светик окончил факультет лесного хозяйства и был директором лесхоза в

Печи, где он умер и похоронен в 1992 году. Светик женился в Печи на Маре Д. Джокич, от которой у него есть дочь Ирина, рожденная в Печи в 1971 году. Ирина Чернявская Шантрич окончила факультет изобразительного искусства и относится к известным художникам, до 1999 года она жила в Печи, но после изгнания сербов и албанизации Метохии переехала в Белград.

Дядя Ирины, Драго Д. Джокич, является известным скульптором, на счету которого несколько десятков самостоятельных выставок и признаний.

В 1941 году фашисты выгнали в Сербию порядка 200 000 сербов, черногорцев и русских с территории Косова и Метохии и поселили порядка 200 000 албанцев из Албании. После 1945 года часть сербов, черногорцев и русских вернулась, но остались почти все приезжие албанцы.

В Печской гимназии в 1948 году из 15 преподавателей четверо были русскими, а также было еще двое русских преподавателей: Калмыков Александр Павлович (1895–1951) и его супруга Калмыкова Мария Федоровна; Чистосердов Петр (1896–1948); Шилов Евгений Петрович (1900–1976, Кралево); Нечаев Андрей (1893–1963) и Федоров Степан Харитонович. Жители Печи уважали и ценили всех их как настоящих и добросовестных педагогов.

Многие из них рассеялись по Сербии и там остались. Генерал, профессор Никита В. Сальников после Печи находился на службе в г. Цегине, Парачин, а в октябре 1944 года он был в г. Смедеревска Паланка. В соседнем городе Велика Плана был маршал Толбухин со своими красноармейцами.

Мало кому известно, что в 1914 году Никита Сальников был профессором в каком-то военном училище у тогдашнего младшего офицера Федора И. Толбухина. Маршал

Толбухин узнал, что его профессор находится рядом, и отправил своих людей, чтобы они привели к нему Никиту. Он с радостью поприветствовал его и защитил в те беспокойные времена. Никита, а также его сын Виктор, который родился в 1927 году в Печи, потом стали профессорами на Факультете машиностроения в Белграде, в котором они скончались.

Большая заслуга в развитии Печи в промежутке между двумя войнами принадлежит Аркадию Н. Тяпкину, который происходил из старинного дворянского рода.

Семья Тяпкиных является старинным русским дворянским родом, который происходит от Василия Варгоса, участвовавшего в битве на Куликовом поле на реке Дон в 1390 году, в которой князь Дмитрий нанес поражение татарам. Младший сын В. Варгоса по прозвищу Тяпка (сечка) был родоначальником рода Тяпкиных. В книге «Российские беженцы в Печи» (автора Р. Радоевича, в издательстве Краеведческого клуба печанцев в Белграде, 2005 год) представлено достаточно много данных о семье Тяпкиных.

Профессор д-р Дмитрий А. Тяпкин родился в Печи в 1926 году, где он вырос и окончил гимназию в 1945 году. После этого он приезжает в Белград, где окончил электротехнический факультет, затем получил докторскую степень, а также был профессором и деканом этого факультета, о чем писали Джурич и Смилянич. В Печи Дмитрий был очень популярным среди своих ровесников, был отличным учеником, играл в футбол за ФК «Будучност», друзья ласково звали его Макой. Он не забыл своих печанцев, встречался с ними до конца и как дружественный и искренний товарищ был примером подражания для младшего поколения. Он умер и был похоронен в Белграде в 2016 году.

Отец Дмитрия Аркадий (Починки, 1893 г. — Белград, 1947 г.) окончил машиностроительный факультет, а потом и военно-инженерное училище в Санкт-Петербурге в 1917 году. Аркадий приехал в Печ в 1921 году работать над строительством дороги Печ — Андриевица, а потом перешел работать в городскую администрацию, где остался вплоть до 1947 года. Со своим знанием, настойчивостью и многолетней работой он больше всех способствовал тому, что Печ из захолустного средневекового турецкого городка стала урбанизованным европейским городом. В тот период, в промежутке между двумя войнами, по проектам и под экспертным надзором Аркадия Тяпкина в Печи построены городской водопровод от источника «Црна вода» над Патриархией, гидроэлектростанция на истоке Белого Дрима (1934), гостиница «Корзо», Большой парк «Карагач», Малый парк возле Бистрицы, многие водонапорные башни и частные дома в Печи. Аркадий был игроком сборной Российской империи по футболу, первым принес футбол в Печ, является учредителем футбола и альпинизма в Печи, но ни одна власть не удосужилась назвать в его честь хотя бы одну улицу в этом городе.

Супруга Аркадия Вера (Москва, 1893 г. — Белград, 1976 г.) окончила гимназию в Москве. Сестра Аркадия Дарья (Починки, 1887 г. — Печ, 1947 г.) окончила Московский институт благородных девиц. Николай А. Тяпкин (Тула, 1859 г. — Печ, 1937 г.), отца Аркадия и дед Дмитрия, окончил машиностроительный факультет в Москве. Потомственный дворянин из Тульской губернии был владельцем поместья Починки (у Тулы), которое граничило с Ясной Поляной Толстого.

Профессор д-р Дмитрий (Мака) Тяпкин свою трудовую жизнь проработал в Белграде, где он продолжил дело отца и своей интеллигентской, дворянской семьи.

Сыновья Дмитрия, Владимир и Николай живут в Белграде, где есть достаточно много потомков русских переселенцев третьего и четвертого поколения:

Хази Борис и Ненад, сыновья Томислава Соломка (1931–2017), и внуки Соломка Луке (1902–1973),

- потомки Степана Х. Федорова, у которого было четверо детей,

- Ирина Чернявская-Шантрич и т. д.

В Печи, старом центре Сербской православной церкви, кафедре сербских архиепископов и патриархов, до июня 1999 года жило приблизительно 20 000 сербов и черногорцев, а согласно официальной переписи 2011 года их было только 30. Это является результатом западной демократии и «международных миротворческих сил». Среди этих 30 оставшихся нет русских.

У русских и сербов одна вера, одно происхождение, почти одинаковые языки, у них всегда были общие враги, и судьба русских в Печи была такой же, как и у сербов. В конце XX века города Печ и Тобольск, Тюменская область, стали городами-побратимами, но военные и смутные времена остановили братское сотрудничество.

Сербы жили в Печи свыше тринадцати веков, но в настоящее время там их практически нет, кроме кое-кого в окрестных деревнях, и поэтому очевидно, что когда-то православная Метохия теперь исламизирована и албанизирована.

Бранислав Николнич — доктор филологических наук, профессор кафедры славистики Белградского университета. Живет в Белграде (Сербия).

Фотография. Разоружение войск генерала Корнилова.

Август 1917 г. К выставке «Великий Октябрь».

Место и время события: г. Петроград, 1917 г.

Пост. в из Центрального музея Революции СССР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Несиба ПАЛИБРК-СУКИЧ

РУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ГОРОДЕ ПАНЧЕВО

Поселение русских беженцев в городе Панчево началось еще в начале 1919 года, одновременно с началом первого поселения русских в Королевстве Югославия. Город Белград расположен сравнительно недалеко от Панчево (в 20 км), и именно поэтому панчевская русская колония стала одной из крупнейших в Королевстве. На весь период своего существования в ней насчитывалось от 500 до 1200 членов-русских.

Панчевской русской колонии особое значение придавало существование Русского санатория Красного Креста имени Короля-Витязя Александра I Объединителя, который в Панчево существует с 10 марта 1920 года. В санатории трудятся известные русские врачи, а лечиться приезжают сюда русские со всех концов тогдашнего Королевства Югославии. Санаторий становится местом встречи русских из города, местом хранения национальной культуры и языка. О значении, которое русский санаторий имел для русской эмиграции, писал (по поводу отмечания двадцатой годовщины его существования) известный русский публицист В. Гордовский, которому не один раз приходилось посещать его. «Да, здесь хорошо. Здесь мы чувствуем

себя не как в больнице. Благодаря особенной русской сердечности врачей и сестер мы как бы у себя дома, в своей громадной родной семье, где творится великое дело любви и помощи ближнему. Сотни и тысячи измученных и больных получают здесь исцеление. Сюда приезжают умирать старые, усталые и изнемогшие здесь находят последнюю ласку и заботу. Здесь же под опытным наблюдением доктора А. С. Мандрусова многие будущие русские граждане впервые увидели свет. В жизни русской эмиграции Панчевский санаторий — величина более чем необходимая... За двадцать лет моего пребывания в эмиграции проведенные здесь дни — самые лучшие дни, — говорил почтенный русский юрист, — здесь я нашел полный покой, заботу, ласку и внимание... отдых душевный и физический».

В период между двумя мировыми войнами в Панчево существуют крупная церковная община, а с первых дней существования санатория, в самом санатории, и русская капелла, посвященная Св. Николаю Мирликийскому. На местном православном кладбище похоронено примерно 1300 русских. В настоящее время сохранилось около 30 памятников.

Многие знаменитые в политике, в искусстве или в науке русские посещали Панчево или жили в нем. Среди них Владимир Алексеевич Мошин, известный ученый, палеограф, византолог, славист. Родился в Санкт-Петербурге в 1894 году. В Королевство СХС он эмигрировал в 1920 году. Учился он в Петербурге, Тифлисе и Киеве. Диссертацию защитил в Загребском университете. Лекции по византологии читал в Белградском университете и на Философском факультете в Скопле. Он занимал пост директора архива Югославской академии наук и искусств в Загребе,

затем был учредителем Археографического отдела в Национальной библиотеке в Белграде, выполнял работу по описанию кириллийских рукописей македонского происхождения в Государственном архиве Македонии. Он является автором многих научных трудов, комментатором и издателем памятников славянской письменности на Балканах. Его научная деятельность осуществлялась на территории всей бывшей Югославии, причем некоторое время (с 1931 по 1939), в период тесного сотрудничества со знаменитыми учеными, византологами Белградского университета Острогорским и Соловьевым, он жил и работал в городе Панчево.

До Второй мировой войны он является членом Русского археологического общества в Югославии, Русского научного института в Белграде, Слованского Устава в Праге, Института Кондакова, Югославского исторического общества и Научного общества в Скопле; после Второй мировой войны — членом комиссии византологов при Совете академии ФНРЮ, членом-корреспондентом Македонской академии наук и искусств, членом Международного общества историков бумаги в Голландии. Он является кавалером орденов: Святой Анны 4-й степени, Святого Станислава 3-й степени, Святой Анны 3-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами, орденом Труда с Красной Звездой (1978).

Илья Голенищев-Кутузов, Екатерина Леонидовна Таубер, поэтесса, тоже жили в Панчево, потом Юрий Викторович Офросимов... и многие другие. Панчево часто посещал генерал, барон Петр Николаевич Врангель. Важной датой для русской эмиграции можно считать 20 сентября 1922 года, когда П. Н. Врангель на последнем заседании Русского

Совета, состоявшегося в Панчево, принял решение о ликвидации этого Национального правительства в изгнании.

Во всех общественных структурах, в здравоохранении, в просвещении, в городском управлении, в судебной сфере, потом в качестве инженеров, в Панчево работали русские эмигранты. Непосредственно после окончания Первой мировой войны Сербия, только что вышедшая из войны, очень нуждалась в образованных кадрах, в связи с чем, благодаря своему образованию, была привлечена большая часть русских эмигрантов. По доступным статистическим данным, примерно 62% эмигрантов-русских, прибывших в Королевство С.Х.С., имело среднее образование, 13% — высшее. Лишь только 3% эмигрантов — неграмотные.

В городе Панчево в период между двумя мировыми войнами сербские и русские интеллигенты установили тесное сотрудничество, в особенности в сфере расширения идеи панславянизма и общеславянской солидарности, в результате чего была выдвинута инициатива об основании широкого движения русско-югославской взаимности. Тогда было учреждено Русско-югославское содружество и непосредственно потом Русско-югославская лига в городе Сараево и такая же организация в городе Загреб.

Нельзя забывать и большую помощь, которая жителями города Панчево была оказана русским беженцам пожертвованиями, сердечным приемом и работой в благотворительных организациях. С самого начала прибытия русских беженцев в Панчево «Коло српскихсестара» и «Добротворна задруга Српкињапанчевачких» принимают участие в гуманитарной благотворительной работе для удовлетворения нужд русских беженцев. Благотворительная деятельность этих организаций была в особенности

плодотворной в 1923 году, когда был создан денежный фонд, предназначенный для оказания помощи самым бедным русским и их семьям в Панчево. В 1924 году была создана «Рускатрпезарија» — кухня, обеспечивающая питание для самых бедных русских жителей.

Культурная история города Панчево тесно связана с историей русской эмиграции. Русские эмигранты, проживающие в Панчево в период между двумя мировыми войнами, были включены во все виды культурной и общественной жизни, и в особенности они принимали активное участие в деятельности Французского клуба. Они читали лекции и курсы по французскому языку. Секретаршей клуба некоторое время была русская Кира Сидненко. Госпожи Бутакова, Масальски и Лидия Минакова преподавали французский язык. Русская Елена Николаевна Спиридонова в городе основала частную французскую школу с детсадом, а Французский клуб в Панчево стал самым активным в государстве, когда работать в клубе стала преподавательница французского языка Мадлен Ермолаева.

В настоящее время в городе Панчево живут потомки русских семей, родители (предки) которых в Королевство СХС прибыли в начале прошлого века. Это семьи: Успенский, Орлов, Чернышевский, Паталов, Мордвинов, Сулов, Стукало...

Несиба Палибрк-Сукич родилась в сербском городе Нови Пазар в семье эмигрантов второй волны. Живет в городе Панчево (Сербия).

Фотография. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде. Манифестация у Государственной Думы.
Фотограф: Штейнберг Я. г. Петроград.
Место и время события: г. Петроград, февраль-март 1917 г.
Манифестация и митинг у Таврического дворца.
Коллекция ГМР.
© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Елена РАКИТА

ТОЧКА РАЗЛОМА

Наша беседа с Ольгой Охветкович, внучкой белого офицера в изгнании, обозначила точки разлома и опоры ее семьи в эпоху Великой русской революции и последующие годы. Смена смысловых парадигм революции, переосмысление минувшего подвели разговор к вопросу о трагизме революции для многих поколений россиян.

Один из первых специалистов по информационным технологиям в Сербии, милая женщина с умными и строгими глазами, математическим складом ума и характера, Ольга активно заинтересовалась своими русскими корнями в зрелом возрасте. Она не владеет письменным русским, потому ее мысли и выводы пересказаны мною с сербского языка, двоюродного брата нашему языку.

Вынужденный разрыв

Николай Васильевич Архангельский и Любовь Ивановна Козлова поженились в феврале 1913 года, вместе прошли по дорогам Первой мировой войны и к началу

революции оказались в Москве с маленькой дочкой, 1916 года рождения, на руках. Николай Васильевич был штабс-капитаном, награжден Императорским и Царским орденом Святого Станислава III степени. Он открыто и заинтересованно воспринял революцию, пытался работать и вписаться в новую жизнь. Однако окружение к царскому офицеру относилось враждебно, с недоверием, дошло до реальных угроз содрать на ногах кожу в виде офицерских лампас. Обстоятельства заставили Архангельских уехать на юг России. Семья была буквально вырвана из своей привычной среды, а отца семейства такая ситуация подтолкнула пойти навстречу Белому движению. Вынужденное отделение от родственников, дома, отчизны стало точкой разрыва судьбы, и последующее движение было без возврата.

Реальность без утопии

Изнуряющие походы с войсками Деникина и Врангеля привели семью в порт Крымского полуострова, в Феодосию, откуда в ноябре 1920 года на корабле «Австрия» приплыли к Константинополю. Главным воспоминанием того времени, запечатлевшим невыносимые условия и неясность положения, были два месяца карантина на корабле из-за эпидемии сыпного тифа. Отсутствие питания, запасных комплектов одежды, грязь, вши, теснота, болезни, запрет турецкой стороны спуститься на берег усилили ощущение полной катастрофы. Французские власти отказали в приеме, несмотря на имеющиеся визы. Немыслимый ком несчастий,

казалось, раздавит все и всех окончательно. Думалось, что попытки выпросить у судьбы снисхождение бесполезны. Ненужные никому, без средств существования, с умирающей маленькой девочкой на руках, измученные и погрузившиеся в темноту страха и отчаяния Архангельские, как и тысячи других русских, все-таки обрели помощь. Предложение о приеме русских эмигрантов на свою территорию пришло из Королевства сербов, хорватов и словенцев. Их защитником, о котором с благодарностью и почтением вспоминает каждый потомок эмигрантов, был государь Александр I Карагеоргиевич. 17 декабря 1920 года корабль «Австрия» прибыл в Которскую бухту, дочь умерла незадолго до высадки. Отсюда Архангельские двигались в потоке людском, невольно постигая новый мир, заблудившийся в остатках Османской империи и Австро-Венгерской монархии. Белград, Любия, села недалеко от Приедора стали географическими пунктами проживания. Небольшой городок-замурышка Грачаница в северо-восточной части Боснии надолго задержал у себя. Николай Васильевич получил небольшую пенсию за ранения и прежнюю службу, а будучи энергичным человеком, работал начальником железнодорожной станции и учителем в Боснии. В 1922 году родился сын Александр, а в 1923 году дочь Вера. Беженская убогость не слишком тяготила, преодоление трудностей и зарабатывание средств на пропитание было привычным делом. Отстраненность от жизни местных, в некоторой степени добровольная изоляция от чужого непонятного уклада жизни оставляли простор для сохранения своих традиций. Русский язык был главным связывающим звеном с земляками. Из-за

удаленности проживания встречи были редкие, но русская речь объединяла и грела теплотой и душевностью. Письма от родственников из России оставались тревожными ниточками, все же связывающими семью с родней. С каждым годом письменные ниточки теряли свою прочность, ожидание вестей превращалось в беспокойные месяцы. Позже годы безмолвия станут черной дырой в памяти, а о жизни и смерти ушедших в мир иной родственниках, уцелевших на родине, станет известно быстрее отправившимся на небеса в Сербии, чем живым членам семьи Архангельских. Николай Васильевич сумел выучить сербский язык за короткое время, сдать экзамен и стать учителем в школе. Его супруга так и не избавилась от русского акцента, с детьми разговаривала на родном языке. Уединенное проживание располагало к чтению книг, особое предпочтение отдавалось российским классикам. От родного русского дома сохранилась лишь деревянная березовая ваза, а нательный золотой крест Любви Ивановны, как золотой запас родины, был потрачен на пропитание в самые немилосердные моменты. Отпиливая кусочек за кусочком, семья взамен получала силы для жизни, отчаяние отступало.

Была ли точка опоры? Была, но шаткая. Вести из России приходили через газеты, слухи и рассказы соотечественников. В целом понятно, что Советы укрепляли свои позиции. Будущее все яснее очерчивало жизнь без утопических иллюзий о возвращении на родину. Все внятней становилась сербская речь, устраивался быт, появлялись знакомые среди местных, свыклись с балканским образом жизни, заработали авторитет. В 1926 году члены семьи получили гражданство Королевства

сербов, хорватов и словенцев, тем самым перешли из ранга иностранных чужаков в своих. Дети учились в русских учебных заведениях, существовавших с разрешения сербского государства, но были уже не так обособлены, как родители. Новых знакомств с белоэмигрантами не заводили, старые поддерживали на расстоянии. Семья жила своей замкнутой и отстраненной жизнью, редкие поездки в Белград, Белую Церковь для свидания с детьми были главными событиями для родителей. Движение времени изменяло страны, людей, предметы, идеи, понятия, но ошибочные решения поменять было невозможно. Свои ошибки Николай Васильевич и Любовь Ивановна понимали, однако открытое признание случилось позже. Для них настало новое время по причине наступления Второй мировой войны и оккупации гитлеровскими войсками Югославии.

Возникновение Русского корпуса встряхнуло всю белую эмиграцию, надежды на возвращение и отвоевание своей страны будоражили русское сообщество. Вероятно, будь Архангельские ближе к эпицентру событий, сын и отец влились бы в ряды корпуса. Но они проживали в глуши, в Боснии, к тому моменту уже части Независимого государства Хорватии, где приходилось скрываться от всех вооруженных групп, дабы не быть вовлеченными в зверства войны. 1 января 1943 года от тифа умер Николай Васильевич; болея, он вновь вспоминал несчастный корабль «Австрия», покинувший навсегда берега Крыма. Прогнанный из своего московского дома, забредший по принуждению в глубокую провинцию Боснии, отец семейства Архангельских не встретил своих оппонентов, бойцов Крас-

ной Армии, к которым у него остались претензии. К его детям красноармейцы не имели вопросов, ведь потомки уже были иностранными гражданами. В 1941–1943 годах Вера проживала и училась в русской гимназии в Белграде под оккупацией немцев, получила хорошее образование и строгое воспитание. Свои знания, стиль в одежде и подчеркнутую аккуратность во всем передала рассказчице данной истории, своей дочери Ольге. Ее брат Александр с начала войны до 1944 года продолжал оставаться в Боснии, где в небольшом селе, в подвале дома его прятала мама от всех, независимо с какой стороны они приходили. Приход в Югославию Красной Армии семья восприняла с некоторым опасением, но без больших тревог. Любовь для безопасности уничтожила документы, касающиеся связи с Белым движением. Репрессий со стороны пришедших красных они не испытали, встреч с ними не имели. Архангельские оказались одними из немногих, кто не бежал в другие страны, не спасался от красного террора, вновь появившегося в их жизни. Напротив, стали востребованы из-за своих способностей, владение родным русским языком помогло найти работу в Военной академии в Загребе. Несмотря на то, что сестра и брат не имели высшего образования, они прекрасно вошли в коллектив и продвигались по карьерной лестнице.

Возможно ли повторение истории? Оно произошло в 1948 году, когда Александра лишь за некорректное высказывание о новой югославской власти осудили и отправили в тюрьму на несколько месяцев. Вновь по решению государства он стал противником режима Тито, а русские корни и родители были отягчающим

обстоятельством. Второе поколение Архангельских попало в круговорот политических репрессий. Будучи пассивным наблюдателем, старающимся быть незамеченным, работающим на югославское государство на деле, Александр повторил судьбу родителей. Две генерации желали остаться в мире с окружением, каждый раз им не удавалось это сделать на своей земле. После освобождения из мест заключения человек не оправился, жил в постоянной тревоге. Страх сопровождал членов семьи от встречи с революцией в России в 1917 году до последних дней жизни в Югославии. Теперь русский язык оказался под запретом, на нем говорили исключительно дома. Поход в Русский Дом в Белграде откладывался на десятилетия, никто не хотел попасть во враги народа. Полная незащищенность перед государственной машиной в Югославии вновь напоминала трагедию отъезда из России, а мучительные вопросы о правильности выбора не оставляли сил.

Жизнь продолжалась, у Веры произошли изменения, она вышла замуж, появились дети. Интеллигентный и образованный муж сербского происхождения, военный человек настоял на отказе от русского языка в семье в целях самосохранения. Стоило понять, что происходит, и оставаться настоящими борцами, поколением активных участников событий. Любовь Ивановна некоторое время жила в Загребе, куда на лето приезжала ее внучка Ольга. По приезде домой девочка рассказывала друзьям, что она побывала в России, ведь там, у бабушки, каждый говорит на русском. В доме, в гостях, на посиделках, при встречах бывшие граждане Российской империи общались на родном языке. Их оставалось все

меньше, им нечего было делить, а притяжение к общим воспоминаниям нарастало.

Спустя сто лет с момента 1917 года, когда было упразднено будущее на родине для части ее граждан, кровная белоэмигрантка Ольга впервые побывала в Москве. Почему же кровная? По белым предкам с красными лампасами на офицерской форме, которую ее дед с гордостью носил перед строем русских солдат до страшной поры, пока революция не поделила мир на два света.

Мы подошли к концу притчи. Мы можем интерпретировать значение Великой русской революции до бесконечности, оценивать негативные и положительные стороны данного события, описывать страхи и вынужденные странствия, пробовать понять произошедшее с разных углов существования, оправдывать или осуждать... Можем, но изменить произошедшее сто лет назад не получится. Попытаемся вспомнить об ошибках, которые Николай и Любовь Архангельские завещали не повторять своей внучке Ольге.

Не быть идеалистами, ощущать ситуацию, но при том оставаться со своим народом и не покидать родную землю. Глобальная ошибка для простых людей, не замеченных в ветвях власти, происходит, когда человек сам отнимает у себя родину. Лучше терпеть лишения дома, чем быть постоянным иностранцем, беженцем, изгнанником. Лучше увидеть смерть близких, чем даже не подозревать о ней долгие годы. Лучше вместе состариться с сестрой и братом, чем прочитать о них в архивах. Одна ошибка порождает последствия, к революции присоединяются войны, репрессии, и положение целых поколений становится невозможно поменять. Полная

революционная дезориентация по всем направлениям приводит к неминуемым, неисчислимым, ненужным жертвам, а потому стоит революционно менять себя, но не мир.

Елена Ракита является членом Совета русского национального меньшинства в Сербии. Занимается корректировкой переводов. Живет в Белграде (Сербия).

Фотография. Выступление В.И.Ленина на трибуне в Таврическом дворце. Петроград, апрель, 1917 год. К выставке «Великий Октябрь». Место и время события: г. Петроград, 1917 г.
Пост. в из Центрального музея Революции СССР.
© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Михаил АРАНОВ

БАРЖА СМЕРТИ

Полковник Александр Петрович Перхуров демобилизовался из армии в декабре 1917 года. И тут же отправился в Бахмут к своей семье, которую не видел в течение долгого времени. Бахмут — это один из старейших городов Донбасса. Там его ждали жена Евгения, дочь и сын. Семья надеялась, что наконец-то начнется спокойная жизнь. Но спокойной жизнь не получалось. Не мог русский боевой офицер быть равнодушным к судьбе Родины, где власть захватили люди «без чести и совести». Перхуров вступает в Добровольческую армию генерала Корнилова. В начале 1918 года Корнилов направляет его в Москву к Савинкову. Борис Савинков назначает Перхурова начальником штаба тайной офицерской организации: «Союз защиты Родины и Свободы». Слезы жены не остановили Перхурова. Перед отъездом в Москву он вытащил из кармана листок бумаги с карикатурой: «Ленин и Троцкий насилуют Россию на Красной площади». Показал жене. Звероподобные Ленин и Троцкий, и девушка — «Россия». И эта юная особа «Россия» была так похожа на его жену Женю. Ту юную, какой она была лет десять назад. Откуда эта карикатура появился у него, трудно вспомнить. Кажется, кто-то из корнилов-

ских офицеров с пьяной улыбкой засунул ему в карман. «Смотри, что может случиться с тобой и с нашей дочерью, если я не выполню свой долг — сразаться с этой красной чумой», — произнес Перхуров, обнимая жену. Больше он семью не увидит.

В мае 1918 года Савинков посылает Перхурова в Ярославль для подготовки антибольшевистского восстания. Все началось в ночь на 6 июля 1918 года. У Леонтьевского кладбища, где находились оружейные склады красных, собралось около ста человек. Вскоре выяснилось, что винтовок ни у кого нет, на всех только 12 револьверов. В темноте казалось, что людей с полковником Перхуровым гораздо больше, чем в действительности. Это внушало некоторую уверенность, но шли осторожно, стараясь себя не выдать. В дежурной комнате при складе горел свет. Было видно, что там находились люди. Вероятно, начальство складской охраны. Когда подошли близко к складам, их заметил часовой и окликнул: «Кто идет?» В ответ прозвучал уверенный и веселый голос: «Свои. Не вздумай, чужак, стрелять. Своих побьешь». Уже другой часовой снова спросил: «Да кто такие?» В ответ опять прозвучало: «Да свои же. Своих не узнаешь?» Когда приблизились вплотную к часовым, сказали: «Мы повстанцы. Клади оружие, никто вас не тронет». Часовые безропотно положили на землю винтовки. Офицеры, имевшие при себе револьверы, отправились в дежурную комнату. И также без выстрелов обезоружили находившихся там людей. Вскрыли складские помещения, стали разбирать оружие. Выкатили несколько пушек. Не забыли перерезать телефонные провода, связывающие склады с городом. Полковник Перхуров приказал построиться, пересчитал свое

войско. В строю оказалось больше людей, чем прежде. Многие из караульных встали на сторону восставших. Из складской конюшни привели лошадей. Их хватило только на запряжку двух орудий и телегу с ящиками снарядов. На эту же телегу бросили связанных большевиков из складского начальства. Хотя они клялись, что будут служить мятежникам, доверия им не было. Ждали, когда придут два броневика. Но прибыл только один. Доложили, что второй неисправен. Строем двинулись в сторону Ярославля. На окраине города их встретил отряд конной милиции. Полковник Перхуров приказал подготовить орудия к стрельбе. А бойцам рассредоточиться поперек улицы. Но пока огонь не открывать. Конница двинулась на перхуровцев. Конников было около тридцать. Кто-то из восставших не выдержал и выстрелил. Один всадник упал с лошади, видимо раненный. Остальные остановились. Это оказалась конная милиция большевиков. Кто-то из офицеров крикнул: «Сдайте оружие и отправляйтесь по домам. Кто хочет, присоединяйтесь к нам». Милиционеры тут же сдали оружие. Заявили, что присоединяются к восставшим. Правда, один, похоже из евреев, стал кочевряжиться. Но у него свои же милиционеры отняли пистолет. Полковник Перхуров сказал еврею: «Идите домой». Но когда полковник отошел, начальник его штаба приказал своим офицерам: «Разберитесь с этим непослушным». Непослушного живо скрутили. Бросили на телегу, на которой лежали связанные большевики. Милиционерам выданы были расписки с указанием номера отобранного револьвера. Потом оружие сложили в автомобиль, который ждал недалеко. В автомобиль поместили и раненого милиционера, отвезли его в ближайшую аптеку. Там сделали перевязку.

В госпиталь раненого милиционера аптекарь отвез на своей пролетке. В ту же ночь к заговорщикам присоединилась часть населения Ярославля. Их вооружили захваченными на складе винтовками. Вскоре пришло донесение, что взят без единого выстрела, разоружен и арестован Особый коммунистический отряд, захвачен Губернаторский дом, в котором находились исполком и ГубЧК. Восставшие завладели почтой, телеграфом, радиостанцией и казначейством. Таким образом, в руках повстанцев оказался весь центр Ярославля, а затем и заволжская часть города. «Убитых и раненых ни с одной стороны нет», — писал в своих воспоминаниях полковник Перхуров.

Первой жертвой стал Семен Нахимсон, председатель Ярославского губисполкома. Какой-то озверевший юнкер зарубил его в гостинице «Бристоль», где проживал Нахимсон. Перхурову же донесли, что Нахимсон оказал сопротивление. После расправы с Нахимсоном группа офицеров направилась на квартиру председателя Ярославского горисполкома Давида Закгейма. Его вызвали во двор. Спросили: «Ты Закгейм?» Он ответил, что его имя Закгейм. Позвали соседей, которые подтвердили, что это и есть Закгейм. Тут же Давид Закгейм был убит двумя выстрелами в голову, а затем грудь его прокололи штыком. Тело Закгейма выволокли на улицу и выбросили у ворот. В течение нескольких дней труп Закгейма валялся на улице и служил предметом издевательства горожан.

«Сытые, толстопузые буржуи, маклаки с толкучего рынка, отставные штаб- и обер-офицеры и черносотенцы, проходя мимо, останавливались и злобно издевались над бездыханным трупом Закгейма, плевали в лицо». В своих воспоминаниях полковник Перхуров писал, что «офицер,

который руководил арестом большевистских руководителей, за бессудное убийство был отстранен от должности». Штаб восставших разместился в здании гимназии Корсунской. В городе развешивали воззвания о добровольной мобилизации. Вскоре гимназия была заполнена людьми всех возрастов. Гимназисты, чиновники, железнодорожные и фабричные рабочие — все готовы были встать в строй мятежников. Несколько позже стали появляться толпы крестьян из близлежащих деревень. Всех добровольцев записывали, выдавали оружие и отправляли на комплектование полков. Большинство крестьян в полки не явилось. С оружием разошлись по своим деревням. Арестованных большевиков и их сторонников поместили на баржу, которую отвели от берега и установили посередине Волги. Трюм баржи высотой с человеческий рост был заполнен дровами. Чтобы разместить там заключенных, пришлось выбросить часть дров. На дне баржи было сыро. Стояли лужи затхлой воды. Несколькими днями позже в трюм баржи мятежники бросили сильно избитого человека. Кто-то из арестантов узнал в нем комиссара Перельмана с Локаловской мануфактуры из села Гаврилов Ям. Об этом сообщили военкому Александру Флегонтовичу Душину, левому эсеру, который тоже находился на барже. Душин пробрался сквозь плотную толпу к Перельману. Тот сидел на бревне, тяжело облокотившись о поленницу.

— Жив? — обратился Душин к комиссару. Тот с трудом разжал окровавленный рот:

— Не дождутся. Но скажу тебе, Душин, сильно болит голова.

— Подожди, Исаак, каким-то чудом среди нас врач имеется. Федор Игнатьевич, — негромко позвал Душин.

— Для вас чудо, а для меня несчастье, — раздается из полумрака вежливый голос.

— Ах, господи, не знаю, как вас нынче называть. Но сегодня, уж не обессудьте, для нас вы — товарищ Троицкий.

— Товарищ по несчастью, — Перельман устало прервал Душина. Осмотрев комиссара, доктор сказал, что серьезных повреждений нет. И добавил удрученно: «Болит голова, говорите? Не исключаю сотрясения мозга. Пациентам с сотрясением мозга предписывается постельный режим на пять суток», — не скрывая грустной иронии, закончил Троицкий

— Постельный режим. Это мы сейчас живы, — засуетился Душин, — товарищи, давайте бревна. Укладываем их на пол. А то на полу сырость.

На бревна бросили охапку сена. Сено лежало в углу баржи. Тюремщики проявили старорежимный гуманизм. На эту постель уложили Перельмана.

— А вот кого не ожидал здесь встретить, так вас, Федор Игнатьевич, — чуть позже обратился Душин к доктору Троицкому, — вы-то, за какие грехи?

Доктор Троицкий — обеспеченный, уважаемый в Ярославле человек. Первым в городе стал владельцем автомобиля.

— Наверное, Перхурову мой автомобиль приглянулся, — обреченно отвечает доктор.

— Вот за этот грабеж Перхурова уж точно шлепнем, — сказал кто-то зло за спиной доктора.

Утром к барже подплыла лодка. С лодки подали мешок хлеба и две литровых бутылки подсолнечного масла. Хлеб и масло разделили справедливо на всех. Всех было сто девять человек. Список арестантов составил Душин. «Их

имена будут начертаны золотыми буквами в Ярославском музее», — говорил он. «Какой вы военком, однако, романтик», — невесело улыбнулся доктор Троицкий. Душин в ответ только сжал кулаки. Зачерпнули измятой бадьей из Волги воды. Не всем удалось напиться. Вылезали на палубу несколько раз, чтоб набрать воды. Никто не стрелял с берега по арестантам. «Вот и закончился наш пир, — тихо произнес доктор Троицкий. Помолчал и добавил, — пир во время чумы». Прислушался к канонаде с левого берега Волги. Стреляла по Ярославлю красная артиллерия. Заговорил снова: «Вчера ночью высунулся из трюма, Ярославль наш родной весь в огне. Все горит и горит». Рядом с баржей раздался взрыв. Люди втянули головы в плечи, прижались к поленницам. Баржу закачало. Дрова посыпались на головы арестантов. Кто-то, верно, подумал: «Слава Богу, что все поленницы с левого борта. Может, спасут от снарядов. Ведь свои и угробят». В носовой части загрохотало. Взрыв. И тишина. Слышно, как посыпались дрова. Потом дикий вопль. Кинулись на крик. Стали разбирать разбросанные бревна. Военком Душин со страхом подумал, что там лежит Исаак Перельман. «Доктор, доктор», — закричал он. «Я уже не нужен», — слышит он голос Троицкого. Душин с ужасом видит среди бревен окровавленную шинель Исаака Перельмана, его развороченную грудь. Рядом — с оторванными ногами — Криш Гришман, застывший, в последнем крике, с широко открытыми глазами. Над их головами в корме баржи зияла огромная пробоина. Гришман — из тех милицейских конников, которых перхуровцы встретили в первый день мятежа. Еще пару часов назад Перельман хрипло говорил, передавая бадью с водой Гришману и отстраняя протянутые руки других сидельцев:

«Никак не могу. Это мой брат по крови, там последний глоток остался». «Что значит брат, — пытался возражать латыш Мартин Кушке, облизывая пересохшие губы, — мы, коммунисты, все братья по крови. Революция нас породнила». «Ну-ну, товарищи, — миролюбиво говорил немец Фриц Букс, — я сбегай за водой. Ничего не стоит. Я знаю, как воды набрать, чтоб беяки не видели». Фриц Букс, солдат интернационального полка. Его перхуровцы взяли в госпитале. Прошло еще три мучительных дня. Теперь артиллерия красных стреляла по центру Ярославля. Взрывы около баржи прекратились. Стояла невыносимая жара. Люди задыхались в трюме. При попытке выйти на палубу арестантов встречали пулеметные очереди перхуровцев. Тела мертвых арестантов посинели, распухли, издавали тяжелый тлетворный запах. И смрад из отхожего места казался теперь запахом дешевого одеколona. Отхожее место возникло в середине баржи. И это было коллективное, большевистское решение — так как одна часть арестантов разместилась в носовой части, другая в задней части баржи. Еды не было уже три дня. Несколько смельчаков вышли на палубу, стали кричать, что умирают от голода. Но их никто не услышал. На набережной горел магазин Меньшова. И пулеметчики, что обстреливали баржу, грабили магазин. Это было хорошо видно. Кто-то тащил на плечах мешок с продуктами — магазин был солидный, не какая-нибудь овощная лавка. Это арестанты прекрасно знали. Вот двое тащат ящик, видимо, с водкой. Ну не квас же воровать, рискуя получить пулю от Перхурова за мародерство. А арестантам самое время бежать с баржи. Кто-то спрыгнул в воду, за ним еще один. Еще двое. Все плывут к набережной горящего Ярославля. До левого бе-

рега, где сосредоточена артиллерия красных, совершенно ясно, не доплыть. В этом месте ширина Волги больше версты. Перхуровцы уже встречают пловцов короткими очередями. И вот уже один исчез в волнах. Второй потонул, третий. Люди, оставшиеся на палубе баржи, торопливо прячутся в трюм, спасаясь от пуль. Еще день прошел в духоте. Тяжелый запах разлагавшихся трупов был невыносим. Решили, раз не удастся похоронить комиссара и его товарища по-божески, то надо похоронить в водах Волги. Предложил это решение Душин. Но как вынести трупы? Перхуровцы не дают высунуться из трюма. Душин что-то пытался объяснять, от кого-то требовал помощи, чтобы вынести трупы на палубу. Но его уже никто не слушал. Голод сводил животы, заставлял забыть о похоронах. Некоторые арестанты уже не могут встать, бессильно лежат в грязных лужах. Доктор Троицкий сидит на бревне, обреченно глядя в стену баржи. Есть уже не хотелось. И это не тревожило доктора. Невнятный шепот будто вернул его к жизни. Над ним склонился немец Фриц Букс: «Доктор, у нас живот пустой, а мои соплеменник живают и живают». «Жуют?» — спросил доктор. «Ja, ja, — взволнованно сбился на немецкий язык Букс, — конечно». На барже были еще арестанты, ярославские обыватели из немцев. Арестованы были по доносу: «укрепляли советскую власть». Перлину, начальнику контрразведки, некогда было разбираться. Проще отправить на тюремную баржу до «лучших времен». Но немцам разрешили взять по котомке еды. По законам военного времени — на три дня. Про эти котомки узнал преданный делу революции большевик Фриц Букс. И сейчас революционная законность требовала делиться. Соплеменники Фрица Букса

не сопротивлялись. Вытряхнули остатки своей еды. Были там хлеб и сало. Сало резали куском стекла от выбитого взрывом иллюминатора. Доктор Троицкий вроде ожил. Настойчиво предупреждал, чтоб не набрасывались на еду. Кто-то его послушал, ел малыми порциями. Но кто-то уже корчился от боли в животе. Кто-то лежал облитый рвотой. Еды хватило на один день, но на всех. На следующий день было тихо. Стоял сильный туман, моросил дождь. К барже на катере подплыли офицер и какая-то барышня. Они ломали хлеб на кусочки и бросали с лодки на баржу. Все арестанты высыпали на палубу. Но повезло немногим. Хлеба было мало. Многие куски падали в воду. В барышне арестанты узнали артистку Барковскую. Пела в ресторанах. Раньше для красных, а нынче для белых. Но, как видно — добрая душа, раз хлебушка изволила подвезти арестантам.

В своих воспоминаниях Перхуров писал: «Положение арестованных на барже было ужасным, потому что нельзя совершенно было туда подвезти пищи. Я помню тот скандал, который был поднят мною, когда я узнал, что арестованным несколько дней совершенно не давали никакой пищи. Я немедленно приказал регулярно доставлять пищу. Вызвался для этой цели один офицер-латыш, он заявил, что туда пищу доставит. С ним увязалась певичка Барковская. При возвращении офицер-латыш был ранен в голову и погиб. Больше я не мог рисковать своими подчиненными». Это был уже пятнадцатый или четырнадцатый день. Со стороны Ярославля слышен был глухой гул взрывов. Видимо, красные теперь обстреливали город с севера. Левый берег второй день молчал. Душин записал на клочке бумаги: «Два дня баржу не обстреливали». Он

еле шевелил языком, но твердил одно: «Золотыми буквами наши имена в музее». Доктор Троицкий с сожалением глядел на Душина: «А ведь такой сильный человек был. И что стало... Судьба человека в руках Бога. Смеет ли он бросать вызов Богу?» Доктор мысленно начертил огненными буквами на серой стене трюма эти две последние фразы. Ответ не заставил себя ждать. Загремели взрывы около баржи. Баржу резко качнуло, и она понеслась вдоль Волги. Кто-то рядом с доктором проговорил: «Канат порвало». Этим канатом перхуровцы крепили баржу к набережной. «Во. Несется как самолет», — как-то по-детски хихикнул Душин. Доктор Троицкий мельком взглянул на военкома. Озадачила мысль: «Не в себе нынче наш Флегонтович». Тут же раздался пронзительно-тяжелый свист. «Ложись!» — заорал Душин. Все попадали на пол. Снаряд пролетел мимо. Правый борт баржи пронзали иглами пулеметные очереди мятежников. Борт просвечивал на солнце как решето. По левому борту била артиллерия красных. «Они думают, что беляки на барже тикают, — доносится до доктора шепот Душина, — надо как-то им дать знать. Иначе нам каюк». В носовой части разорвался снаряд. «Опять по Перельману», — Троицкий, вжимая голову в плечи, прижался к поленице. Из носовой части баржи слышны вопли. И сквозь грохот взрывов и стоны умирающих вдруг раздается неожиданно твердый голос Душина: «Сейчас будет излучина реки, и нас прибьет к левому берегу. В этом месте до берега недалеко. Надо плыть к нашим. Кто со мной?» Казалось, что голос Душина слышит только доктор, но несколько арестантов подняли головы. «Кто со мной?» — опять кричит Душин. Вот он и несколько человек выбираются на палубу. Ползком до края борта.

Доктор в окно иллюминатора видит, как тяжелым брассом плывут смельчаки к берегу. Вот один взмахнул руками и исчез в волнах. «Боже, только бы не военком», — с тревогой подумал Троицкий. В окно баржи он замечает, что берег недалеко. Красные обнаружили пловцов и перестали стрелять. Поздно ночью катер с красноармейцами подтащит баржу к берегу. Из 109 пленников живыми были 75 человек. А война продолжалась...

Командующий фронтом Гузарский в донесении Аралову (копии Троцкому и Муралову): «Не стал бы требовать еще химических снарядов. Подтверждаю необходимость присылки: во-первых, стойкого однородного отряда в тысячу человек, желательно латышей или китайцев. Тогда успех гарантирую. В ночь на 16 июля Перхуров с отрядом в пятьдесят человек покинул Яро-славль на пароходе. Своему помощнику, генералу Карпову П. П. он предложил уйти из города вместе с ним. Тот отказался, заявив, что Ярославль его родной город и здесь вся его семья. Генерал Карпов П. П. и его семья были расстреляны большевиками в сентябре 1918 г.

Доктор Троицкий стоит под морозящим дождем на Богоявленской площади. Глядит на ядовито-зеленые, будто покрытые злой плесенью купола церкви Богоявления. Темно-красные стены церкви разрушены. Час назад дохлый пароходик, надсадно пыхтя, доставил несколько бывших узников баржи на правый берег Волги. Среди них был и доктор Троицкий. На прощание обнялись. Особенно крепко — Троицкий и эсер Душин.

— Куда? — спросил доктор Александра Флегонтовича.

— В свою деревеньку Борисовку, жену навестить, детей, — как-то невесело отозвался Душин.

Красные кирпичи церкви Богоявления разбросаны по площади. И стены ее будто плачут кровавыми слезами. Площадь застыла в мертвой тишине. И только едва шелестит дождь. Доктор Троицкий медленно крестится, шепчет: «Боже, сохрани жену мою Марфу Петровну и доченьку мою Ксеньюшку». И сразу заныло сердце в горьком предчувствии. Вышел на пустынную Углическую улицу. Мертвые, разбитые здания. Груды камней на мостовой. Обрушенные крыши. Остовы сгоревших домов. И тишина, убивающая надежду. Ни одной живой души. Вот на уцелевшей стене разрушенного дома оборванный листок, в углу его двуглавый орел под короной. Доктор читает: «Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности». Дальше листок оборван. И где-то внизу его огрызок, и там: «Полковник Перхуров». Вдруг за спиной шум, крики, разрываемые женским и детским плачем. Толпа молодых женщин с детьми и совсем юных девушек, окруженная отрядом солдат. Троицкий всматривается в лица конвоиров — китайцы. Их неподвижные физиономии под буденовками внушали непонятный страх. Доктор оглядывается. Старушка, закутанная в черный платок, хватаясь за обгоревший столб, опускается на землю. Троицкий подбегает к ней, за спиной слышит омерзительно визгливый, будто кошачий вопль: «Замолчати!» И выстрелы, выстрелы. Китайцы стреляют над головами женщин. Матери прижимают к себе замерших в страхе детей. Конвоиры толкают их прикладами в спины. «Быстро,

быстро!» — слышатся опять писклявые нерусские голоса. Процессия уже скрылась в переулке, а доктор все слышит корявое: «Быстро». Троицкий наклоняется над женщиной, сидящей у стены. Поднимает с ее лица черный платок.

— Что с вами? Вам плохо? — спрашивает он.

— Боже! Что же это делается. За какие грехи все это, — разрывающие душу рыдания слышатся из-под черного платка.

— Что такое? — тихо спрашивает Троицкой, уже догадываясь, что женщина провожала кого-то в той жуткой толпе.

— Боже, за что?! Внучку мою и дочку мою повели на бойню. Мало им извергам, зятя убили. Поручик, ведь мальчишка совсем. А дочку-то за что? С ребенком...

Доктор Троицкий отходит от рыдающей женщины. Бредет среди пустынных развалин. Вот храм Сретения Господня. Колокольня изрешечена снарядами. «Гибнет, гибнет Русь православная», — какая больная, уставшая мысль! И тут же, как удар ножом в сердце: «Боже, что же с моей семьей?!» Вот и его — Сретенский переулок. И дома вроде бы целые. Только в некоторых выбиты окна. Доктор опять перекрестился, глядя на храм. Обращает внимание на листки, что наклеены на стены домов. Это большевики расклеили свой декрет: «Завтра, 23 июля 1918 года в восемь часов утра все мужское население города должно явиться на вокзал. Ко всем уклонившимся будет применена высшая мера наказания». «Опять расстрел», — тупо отмечает доктор. И дальше по переулку видны эти серые листки. Вот дом Менделя: «Одежда. Меха». Выбиты окна и двери. Магазин разграблен. Еще квартал, его дом — дом доктора Троицкого. На первом этаже он

принимал больных. Троицкий видит груды кирпичей. Обгоревший остов здания. Одна стена целая. Открытая часть комнаты на втором этаже. Его гостиная. У стены стоит буфет. Гордость семьи. Приобрел в мебельном магазине Голкина. Хозяин сам пришел к доктору Троицкому.

— Вот мебель итальянскую получили, фабрика известная «Asnaghi Interiors». К вам, Федор Игнатьевич, к первому пришел. Помню, помню, как вы сына моего с того света вытащили. Ко мне уже и от Щапова Петра Петровича (городской глава Ярославля) приходили. Но я повременил, пока от вас намерение не поступило. Особенно советую буфет, — Голкин говорил длинно и витиевато.

Но Троицкий знал отменный вкус мебельщика и, не глядя, согласился. Что касается содержимого буфета — особой ценностью был в нем китайский сервиз на двенадцать персон. Достался на свадьбу от родителей жены, известных ярославских купцов. Дверцы буфета распахнуты настежь. Видно было, что полки его пустые. Доктор смотрит на свой разрушенный дом, и мысль, как механический стук часов: «Уже побывали, побывали». Кто-то коснулся его плеча. Оглянулся, за спиной стоит дворник Абыз. Татарин.

— Федор Игнатьевич, горе-то какое, — Троицкий слышит робкий голос Абыза.

— Где? Где моя семья? — срывается на крик Федор Игнатьевич.

— В покойницей при госпитале, — произносит несмело дворник, — третьего дня приходил туда. Говорю, хороший человек был доктор, Федор Игнатьевич. Дай-

те я похороню его жену и дочь. Мало ли кто объявится, могилу показать. Про вас-то люди говорили, что баржа потопла. И все вместе с ней. А в покойницкой ответ — вы не родственник. Тел не выдаем.

В госпитале были все незнакомые люди. Нежданно появилась медсестра. Практику проходила у Троицкого. Узнала доктора, испуганно взглянула на него. Прошептала тихо: «Боже, это вы?» Потом появился Петя Воровский — коллега и друг тех мирных дней. Обнялись. Троицкий подолом грязной рубахи вытер слезы. Втроем, и Абыз с ними, прошли в морг. Санитар, дежуривший там, сказал, что день назад все невостребованные трупы похоронены в общей могиле на Чурилковском кладбище. До погоста ехали молча. Петя раздобыл госпитальную карету. Запряжена похоронной клячей. Слез Федор Игнатьевич не вытирал. Они смешались с дождем. И сдавленный крик, рвавшийся из груди, казалось, оглушил его. Он не слышит, что ему говорит Петр. Среди тощих берез и осин на поляне свежий холм. И посреди него деревянный кол с куском фанеры, на которой что-то написано чернильным карандашом. Надпись размыта дождем. Доктор Троицкий тихо плакал, обхватив березу. Обратный путь — по дорожной грязи. Скрип несмазанных колес. И хвост клячи мерно раскачивается в такт ее медленных шагов. Боль уходила. На смену ей надвигалась оглушающая пустота. Доктор Троицкий чувствует на своем плече руку Петра Воровского. И тепло руки друга будто возвращает его к жизни.

— А как ты пережил все это? — спрашивает он Петра.

— Я ж тебе рассказывал по дороге.

— Извини. Я прощался с женой и дочерью.

— Известно как. Врачи нужны и красным и белым. Я знаю, ты был на барже. Ее уже окрестили «баржей смерти». А ты? Теперь-то как?

Троицкий показывает бумагу, которую получил при освобождении с баржи. «Иди к нынешним властям. Я уж не знаю к кому. Они разместились в гостинице «Бристоль». Она — одна из немногих уцелела. Покажи им свою бумагу, а то завтра загонят на вокзал. Декрет-то читал?» — торопливо говорит Воровский. До гостиницы «Бристоль» Троицкий опять шел по родному Сретенскому переулку. Длинный летний день к вечеру развиднелся. Тучи рассеялись. Солнце стояло низко над домами и било в лицо нежаркими лучами. Около его дома находилась подвода с лошадью. Двое мужиков на веревках спускали тот самый итальянский буфет. Третий торчал у телеги.

— Вы это чего? — возмущенно спросил Троицкий.

— Чего, чего. А вот через плечо, — услышал он в ответ, — твое, что ли?

— Да, это моя квартира, — неизвестно откуда хватило сил резко ответить.

— Было ваше, стало наше. И проваливай, господин хороший. А то доложим куда надо. Будешь париться на вокзале. Ваших там уже полный зал. А если что — и до оврага возле Леонтьевского кладбища недалеко. Седне с утра там офицерских дамочек со всеми ребятенками ихними шлепнули.

Доктор Троицкий с ужасом вспоминает утреннюю процессию под охраной китайцев. И плачущую пожи-

люю женщину в черном платке. Он растерянно оглядывается. Буфет уже на земле. Мужики, что возились с ним, стоят около доктора. Один молодой и пригожий блондин. Другой — обросший звериной бородой.

— Что, не верит гражданин-барин? — говорит бородатый, — мы ж оттудова и приехавши. Забросали овражек землей и приехали.

— Значит, мой буфет вам в награду?

— Поговори ешо, поговори, — равнодушно, без злобы отзывается мужик, что стоял раньше у телеги.

Бородатый и молодой берут доктора под руки, один из них произносит:

— Ну не заставляй ты нас, мил человек, брать грех на душу. Иди отселе ради Бога.

Мужики доводят Троицкого до переулка. Толкают в шею. Не оглядываясь, доктор медленно плетется вдоль разрушенных домов. А за спиной слышит голоса мужиков. Молодой: «Может, и верно, поставец-то евонный». Суровый бородатого: «Васька, сколь раз тебе говорено: не поставец, а буфет. И шо, зря, что ль мы в город приперлись. Степан Евграфович заказывали буфет голландский. Или еще какой заграничный... Обещал знатно расплатиться. Вот и ты своей Верке обнову справишь». «Да уж, справишь. Дождешься щедрот от Степана Евграфовича. Мироед», — отзывается молодой. Голоса удаляются. Глухой гул наполняет голову Троицкого, то ли набат с дальнего храма, то ли гроза надвигается из-за Волги. Он не помнит, как добрался до гостиницы. Кому-то он там показал свою бумагу. Кто-то что-то сочувственное говорил ему. Только одна фраза врезалась в его память: «За белый террор мы ответим

красным террором». Определили комнату при госпитале. Просили завтра приступить к работе: «В госпитале рук милосердных не хватает». Доктора резануло слово «милосердных». Он вглядывается в лицо говорившего. На него глядели стеклянные, неподвижные глаза палача. Запомнился не человек, а его мертвящий взор. И мрачное предчувствие, связанное с этими взглядом, не обмануло. Еще раз пришлось увидеть эти глаза. В своей комнатенке доктор Троицкий упал на кровать и тут же погрузился в тяжелый сон. Утром его разбудил Петр Воровский. Сказал, что велено двум врачам прибыть на вокзал, при необходимости помочь больному.

— И еще, это уже конфиденциально. По-русски — на ухо, — угрюмо продолжает Воровский, — при оказании врачебной помощи строго ориентироваться на социальную принадлежность страждущего...

— Если буржуй — пусть подыхает. Нечего на него пули тратить, — угрюмо заканчивает доктор Троицкий фразу своего товарища. Петр Воровский обреченно кивает головой.

Вокзал был окружен вооруженными солдатами. Зал ожидания переполнен мужчинами разных возрастов. Были и старики, равнодушно смотревшие на мир слезящимися глазами. И дети — подростки тринадцати-пятнадцати лет. На одной группе Троицкий задержал свой взгляд. Мальчишки, совсем маленькие, верно шести и пяти лет, испуганно оглядывались по сторонам. Прижимались к пожилому мужчине в шляпе. Мужчина что-то успокаивающее говорил мальчишкам. Троицкий слышит только конец его фразы: «...вы всю бомбежку просидели в подвале со мной, вашим дедом... не забудь-

те сказать — дед учитель, учитель, всего лишь учитель словесности», — выкрикнул мужчина и вдруг схватился за грудь, закачался. Мальчики тянутся к нему ручонками. А мужчина, судорожно заглывая ртом воздух, пытается опереться о стену. Дети растерянно смотрят на деда, лежащего у их ног. Петр Воровский осторожно развязывает галстук на его шее, расстегивает рубашку. Стетоскопом приникает к его груди. Щупает на запястье пульс. «Мертв, — говорит он Троицкому, — надо как-то его внуков вывести отсюда».

В дальнем углу зала толпа особенно плотная. Там вход в комнату. Солдаты заталкивают туда людей, на лицах которых Троицкий видит маску неподдельного страха. Раздвигая толпу, врачи идут к этой злополучной комнате. Натолкнувшись на жесткий взгляд солдата, стоявшего у двери, Воровский уверенно говорит: «У нас мандат». Делает вид, что лезет в карман своего пиджака. Солдат показывает рукой на дверь: «Проходите, товарищи». В комнате за столом сидят несколько человек в военной форме. В центре — вчерашний знакомец Троицкого со «стеклянными глазами». Тот, что из гостиницы «Бристоль». Увидев врачей, он растягивает рот в приветливой улыбке, но глаза все такие же неподвижные, стеклянные.

— Что случилось? — спрашивает он.

Несколько солдат, прежде скрытых в глубине комнаты, отталкивают группу испуганных мужчин, стоящих перед столом чекистов. Троицкий уже понял, что имеет дело с «товарищами» из ЧК.

— Понимаете, — неуверенно начал Воровский.

— Дело не терпит отлагательства, — грубо оттолкнув Петра, жестко говорит Троицкий. Он вдруг вспомнил,

что человека в шинели с красными петлицами и стеклянными глазами, с которым познакомился в гостинице «Бристоль», зовут Губер. Троицкий почти кричит:

— Товарищ Губер, умер от сердечного приступа старый человек. Я знаю — это педагог. Моя дочь училась у него. С ним внуки — дети...

Троицкий знает, что сейчас его спросят, кто родители этих детей. Как связаны эти родители с Перхуровым? И он отчаянно врет: «Их мать умерла от тифа. Отец — инвалид войны, погиб в разрушенном снарядом доме. Свидетель — доктор Воровский». Троицкий ловит испуганный взгляд друга. Губер подымает глаза на Воровского. Тот орет, пересиливая страх: «Подтверждаю». Троицкий с ужасом думает, сейчас его спросят как фамилия умершего старика — учителя, которого он якобы прекрасно знает. Но он этого человека первый раз в жизни видел. Но спасает Петя Воровский, он вынимает из своего кармана паспорт, обращается к Губеру:

— Вот документ умершего, я его взял при осмотре трупа.

Губер пердает паспорт рядом сидящему чекисту:

— Проверьте по списку подозреваемых.

Тот начинает рыться в своих бумагах, слюнявит палец, перелистывает страницы паспорта. Солдаты к столу подталкивают испуганных мужчин.

— Как связаны с мятежниками!? — орет Губер. — Какой офицерский чин имеете? Не врать мне, не врать!

— Унтер-офицер с германского фронта, — с отчаянной смелостью выкрикивает один из допрашиваемых мужчин, — Георгиевский кавалер.

— А ну покажи руки, — подозрительно говорит сидящий рядом с Губером чекист, который до того листал паспорт умершего старика. Георгиевский кавалер протягивает ему ладони.

— Мягонькие, сразу видно, что из буржуев, — зло шепчет чекист.

Губер кивает головой своему подчиненному. Тот выплевывает, не то утверждая, не то спрашивая: «Шлепнуть». Солдаты подхватывают унтер-офицера под руки. Ведут к дальней двери, еле заметной в углу комнаты. Красноармейцы вводят еще несколько мужчин. Становится трудно дышать. Ужас этих людей передается врачам. И в мрачном полумраке вокзальной комнаты пауком шевелится незнакомое, нерусское слово «концлагерь».

— А вы что стоите? Забирайте своего покойника, — Губер зловеще улыбается. — Кальченко, Петров, проводите врачей. Да, доктор, документ умершего возьмите.

Петр Воровский прячет паспорт в карман. Солдаты, перекинув на плечах винтовки, ведут по вокзальному залу врачей. У Троицкого возникает ощущение, что их тоже арестовали. Но солдаты поднимают с пола труп старика-учителя. Кивают детям: «Пошли». На выходе с вокзала уже стояла повозка с лошастью. «Однако предусмотрительный этот товарищ Губер», — мелькнуло в голове Троицкого. Солдаты кивнули врачам. Один из них произнес: «С Богом». И скрылись в здании вокзала. Троицкий взглянул на мальчиков, подумал о своей погибшей семье, и боль, острая, как предсмертный крик, пронзила его.

— Что с тобой? — испуганно спрашивает Воровский, взглянув на побледневшего товарища.

— Отошло, — Троицкий обнимает за плечи мальчиков. — Я их возьму с собой. Согласны? — обращается он к детям. Те робко кивают головами.

— Похороним деда. А там видно будет, — говорит доктор Троицкий. — Петя, ты отвезешь старика?

Воровский молча садится в ноги покойного на повозку. Кучер трогает вожжи. Лошадь, обреченно опустив гривастую голову, застучала копытами по булыжной мостовой. Мальчиков звали Саша и Петя. Дети спали на полу. Федор Игнатьевич выпросил в госпитале больничный матрас, одеяло, пахнущее нечистым телом, и две простыни. Простыни были стираны, на редкость чисты, хотя в них зияли многочисленные дыры. Подушки достать не удалось. Это и были постельные принадлежности мальчиков. Кормились в госпитальной столовой. Детям выдавали одну порцию на двоих — овсянка или серое картофельное пюре. Зато чаю доставалось по стакану каждому и по куску черного хлеба. Видя голодные глаза мальчиков, Федор Игнатьевич подкладывал от своей порции несколько ложек в их тарелку. К осени в Ярославле открылись несколько трудовых школ. Старшего, Сашу, как сироту приняли в школу без проблем. Ему в ту пору было около шести лет. Сработала бумага Троицкого: «жертва белого террора». О «барже смерти» знал весь Ярославль. Позже — еще событие: вызвали в жилищный совет. Сказали, что идет уплотнение квартир буржуев. А ему, Троицкому Федору Игнатьевичу, положена жилплощадь. Троицкий сказал, что при нем дети-сироты. Тут же в соседней комнате оформили опе-

ку. Федор Игнатъевич с некоторой иронией подумал: «Вот времена настали. Никакой волокиты и бюрократии». Вернулся в комнату жилсовета. Женщина в красном платке, повязанном на лбу, как с плаката «Долой кухонное рабство», радостно сообщила: «На троих — вместо десяти метров даем комнату в двадцать метров». И как-то ласково взглянула на доктора Троицкого. Доктор вдруг вспомнил, что ему только сорок семь лет. Только или уже? Впрочем, тут же на память приходит строчка, кажется, из раннего Чехова: «В пролетку вскочил старик лет сорока». Ухмыльнулся. Уходя, послал женщине воздушный поцелуй. Женщина зарделась ярче своего красного платка. А доктор вдруг разглядел, что красный платок украшает очень милую девичью мордочку. Смотреть свое новое жилье отправились втроем. Младший Петя держался за руку Федора Игнатъевича. Саша внимательно рассматривал улицы, по которым проходили. Похоже, что-то узнавал. Когда подходили к дому, указанному в порядке, мальчики заволновались. С криком: «Это же наш дом!», бросились к открытому подъезду, помчались вверх по каменной лестнице. Доктор едва успевал за ними. А мальчики уже стучат в резную деревянную дверь, дергают медную дверную ручку. Из двери высывается неприбранная тетка, зло спрашивает: «Что надо?» «Это наш дом!» — громко хором кричат мальчики. «Чо, чо? Пошли отселе, — зло фыркает тетка, и, увидев интеллигентное лица доктора Троицкого, уже не сдерживая себя, орет, — чо приперлись, чо приперлись! Буржуи недорезанные. Мало вам Леонтьевского кладбища!» Федор Игнатъевич опять видит перед собой картину: толпа растерзанных женщин и детей и

китайцы, ведущие их на смерть. Ему становится нехорошо. «У меня здесь ордер на комнату», — тихо говорит он. «Покажи, — тетка угрюмо рассматривает ордер, зло бурчит, — лучшую комнату хапают. Вон за кухней, следующая. А я-то думала, моей доченьке Машке с ребятенком достанется. Из деревни едет». Тетка выдавливая слезу. Стучит осторожно в первую дверь от входа в квартиру. «Сергей Семенович, тут пришли, на Машкину комнату зарятся, и ордер есть», — тетка всхлипывает почти натурально. Из комнаты высовывается откормленная морда в полувоенном френче. Зло смотрит на тетку: «Что орешь как оглашенная!?» «Как же, как же. Вот...» — тетка тычет пальцем в сторону Троицкого. «Коли ордер есть — вот ключ, — френч протягивает руку с ключом, — последняя дверь по коридору». Кривя толстые губы, смотрит на свою соседку. А та все не унимается: «Как же, как же, Сергей Семенович, товарищ Перегуда, вы ж обещали похлопотать за мою Машку. Я ж вам отрез аглицкого сукна дала на костюм. Моего, царствие ему небесное, Петра Петровича. А тут эта комната уходит в чужие руки». Тетка причитает в полный голос. «Закрой пасть, Дарья, — сурово говорит мордастый Сергей Семенович, — а твоему Петру Петровичу нечего было водку жрать днями напролет. И отрез твой весь молью потрачен. Выбросил я его на помойку». «Гляди-ка, выбросил. А давеча в чем вы шли в горсовет. Костюмчик-то из моего сукна», — уже язвит неугомонная тетка. Дальше — уже за спиной Троицкого непотребный мат Сергея Семеновича. Троицкий шепчет мальчишкам: «Заткните уши». Мальчишки хихикают.

Потом — время сполохами пожара, тенью и мраком. Опять пошел на кладбище, где похоронены дочь

и жена. Теперь на могильном холме огромный валун. На нем надпись масляной краской: «Жертвам белого террора». Постоял в одиночестве. Слез не было. Были серые будни. Стоны раненых и больных. Острая нехватка лекарств и перевязочного материала. Затхлый, спертый воздух переполненных больничных палат. Ползли мрачные слухи: по деревьям ходят отряды чекистов. Ищут оружие из разграбленных воинских складов. Обыскивают дома. Где обнаруживают оружие, тут же расстреливают всех взрослых мужчин. Арестовали врача Петю Воровского: «За помощь мятежникам Перхурова». Стало известно, что в период мятежа Петр лечил Перхурова. Тот неожиданно заболел. Думали, тиф. Высокая температура. Понос. Позже выяснилось, что отравился лежалой рыбой. Конечно, он лечил Перхурова не под дулом револьвера. Вот это и есть главная вина врача Воровского. Дали десять лет. Троицкий присутствовал на суде. Петя увидел Троицкого, печально улыбнулся ему. Федор Игнатьевич не сдержал слез. Вышел из судебного зала на улицу. Стояла тяжелая зима двадцатого года. Пришел домой. Было холодно. Мальчишки сидели у тлеющего камина — это все, что осталось им от прежней жизни. Лег на диван. Развернул вчерашнюю газету «Известия». Где-то на последней странице маленькая заметка, выхватил глазами две строчки: «Расстрелян левый эсер Душин А. Ф. за содействие левозеровскому мятежу Марии Спиридоновой». Мелькнула неразумная мысль: «Как это Душин, сидя в глухой деревне Ярославской губернии, мог содействовать мятежу Спиридоновой?» «Значит, смог», — ответил человек со стеклянными глазами. Жизнь стала невыносимой.

И почему-то за всеми этими печальными событиями опять виделось доктору серое, точно изъеденное тюремной пылью лицо со стеклянными глазами палача. Поздно вечером доктор Троицкий возвращается из госпиталя домой. Идет снег. А жизнь, кажется, остановилась.

Михаил Аранов — писатель. Автор книг «Страх замкнутого» и «Скучные истории из прошлой жизни». Член Союза писателей XXI века. Рассказ «Баржа смерти» посвящен восстанию белогвардейцев в Ярославле в 1918 году, чему был свидетелем дед автора, работавший в то время на Локаловской мануфактуре. Живет в Ганновере (Германия).

Фотография. Группа красногвардейцев.
Место и время события: г. Петроград, 17 декабря 1917 г.
Коллекция ГМР.
© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Александра ЛЕБЕДЕВА

ДВА ДЕДА

*На основе воспоминаний
моего деда Бебриса Роберта Густавовича (1899–1978)
коммуниста с 1918 года, Героя Гражданской войны.*

Иоганн Бебрис и Роберт Бебрис, 1912 г.

Р. Г. Бебрис, И. Г. Бебрис, 1916 г.

Братья родились в Лифляндской губернии на юге Эстонии в местечке Антсла на хуторе в семье многодетного ремесленника — портного.

Мой дед Роберт Густавович Бебрис был ровесником прошлого века. Родился 10 декабря (по новому стилю) 1899 года. А брат его Иоганн Густавович Бебрис был на год старше — с 25 апреля 1898 года. Дед любил историю

и говорил, что каждый должен знать свою страну, в которой родился и жил, независимо от национальности. Усаживаясь рядом с ним на мягком диване, я внимательно слушала!

— Название нашей маленькой страны Эстония произошло от слова *Aestii* и было впервые упомянуто римским летописцем Тацитом в начале нашей эры. Так германцы называли народы, жившие на северо-востоке на берегах Балтийского моря. А первые поселения на этих землях возникли еще раньше — в первом тысячелетии до нашей эры на берегу реки Пярну — недалеко от сегодняшнего Таллина, и на островах Сааремаа и Иру.

— Ты знаешь, что эстонский язык относится к финно-угорской группе? — спрашивал меня дед. — Поэтому я и понимаю финский, норвежский, венгерский, шведский, а русский само собой! — засмеялся дед. Русский язык появился у нас в начале XVIII века, после победы России над Швецией в Северной войне. И в 1721 году Эстония вошла в состав Российской империи и разбилась на три губернии — Эстляндскую, Курляндскую и Лифляндскую.

Но я расскажу тебе о нашем времени, боевом и счастливом! Молодость человека — это лучшее время, даже если оно военное. Но это порой понимаешь много позже. Наше время молодости совпало с Революцией и с Гражданской войной. А когда было тяжело, мы пели, и становилось легче, а от счастья пели еще громче! — помню я слова моего деда.

Пел я с раннего детства, когда дрался с большими мальчишками и приходил домой в разорванной рубаше и с синяками! И тогда, когда отец бил меня розгами за то, что

я упустил в лес пару овец хозяина — мельника с соседнего хутора, на которого мы с братом Иоганном работали в летнюю пору. А после в лесу нашли только овечьи шкуры, их задрали волки. И я не получил за работу столько же мешков муки — сколько пропало овец. И в ту зиму оставил семью без белого хлеба. Ели отруби и гречневые лепешки с тмином.

Пел громко, со слезами, когда отец застрелил мою собаку Дика, которая заболела бешенством и носилась по лесным дорогам, кусая всех, кто попадался на ее пути.

И тогда, когда пошел с шести лет в церковно-приходскую школу. И за непослушание меня били линейкой по рукам и ставили в угол на горох. Тогда, всхлипывая, я до крови расковырял себе нос. Размазал кровь и слезы по лицу и повернулся к классу... После от моего вида, от ужаса мог «петь» наш престарелый учитель Карл. Класс замер в ожидании! Урок прервали. Взволнованный учитель словесности подбежал ко мне, вытер белоснежным кружевным носовым платком мое окровавленное лицо; взял меня на руки и отнес в свой кабинет; положил на коричневый кожаный диван; угощал сладостями и поил клюквенным морсом. А после отвез меня на своей пролетке домой. На удивление мамы и сестер, которые выбежали нам навстречу, думая, что в наши края заехал солидный господин из города.

Как же после этого можно было не петь! Учитель извинялся перед мамой и передо мной! Это был самый лучший день в моей школьной жизни!

Пел от счастья, когда отец подарил мне свою мандолину! Она висела на гвозде в нашей с Иоганном комнате.

Но мое брэнчание его раздражало, и брат выгонял меня в амбар, где я играл и орал во все горло! И наша корова Молли, и розовые поросята, куры и утки слушали меня с удовольствием.

И почему Иоганн никогда не пел? — удивлялся я. Видно, ему было и так легко! И учился он хорошо, и был любимчиком у родителей. Отец не жалел денег на его обучение. На осенней ярмарке купил ему вороного жеребца и справил мундир с серебряными пуговицами с изображением двуглавого орла, которого он тщательно, до блеска начищал.

В 1916 году Иоганн окончил Гатчинскую школу прапорщиков и после присяги был отправлен на фронт в Ригу. За участие в сражениях с немцами был произведен в подпоручики. С Первой мировой войны вернулся домой уже в звании поручика.

— Дедушка, а нам в школе о Первой мировой войне рассказывали очень мало!

— Да вы много чего еще не проходили. И будете ли вообще проходить?! У вас в школе история начинается с Октябрьской революции, — засмеялся дед. — Разве вам рассказывают о героях царской армии?

— А что, были еще революции?

— Да, была и Февральская, в которой мы принимали активное участие. И были свидетелями дальнейших событий. Помню, в феврале 1917 года наш губернатор Лифляндии барон Рейтерн набирал из местных в караул, в команду Императорского железнодорожного полка для охраны железной дороги, по которой должен был проследовать из Царского Села в Могилев поезд Николая II.

Роберт Бебрис, 1918 г.

Мне было тогда семнадцать. После окончания железнодорожного училища я работал с четырнадцати лет на железнодорожной станции и был тоже в числе избранных в караул. В руках я держал ружье и весь день гордо стоял на посту в цепи охраны Его Величества!

Это было последнее путешествие Императора Николая II перед отречением его от трона.

Воцарились беззаконие и безвластие. Все тогда стояли перед выбором: куда и за кого идти! Иоганн, рассказывал мне, что еще в окопах он прислушивался к агитации большевиков, меньшевиков и других! Даже немцы после газовых атак еще и к чему-то призывали! Они раскидыва-

ли свои листовки с дирижаблей. Мы их бочками называли. И с аэропланов Taube, удивительно похожих на птиц. Нам тогда было интересно послушать, что может быть дальше. И вернувшись после октября 1917 года в Эстонию, я встал на сторону большевиков. Сначала был агитатором в местном гарнизоне, участвовал в организации местных советов, а после стал секретарем партийной ячейки в городе Антсла и пребывал в ней так долго, как долго существовала Советская власть. Через пять месяцев, в марте 1918 года, после немецкой оккупации Эстонии, спасаясь, Иоганн перешел в Советскую Россию. И в Петрограде вступил в Пятую Красногвардейскую армию. Я пошел вслед за старшим братом. Что было бы с нашей мамой, если бы я тогда пошел воевать против брата! А были и такие семьи, где воевали друг против друга! Гражданская война — это самое страшное, что может быть! Вспомни Шолохова «Тихий Дон».

Мы вместе под Красным знаменем освобождали Петроград, Нарву, Псков от Юденича и Гатчину от казаков генерала Краснова. Помню, как после освобождения Гатчинской губернии на дворцовом плацу отмечали первый Первомай, и был парад частей нашего гарнизона. Цвели вишни, яблони, сирень. Мы гуляли с местными барышнями: танцевали, целовались, миловались... Мне было тогда восемнадцать, а Иоганну девятнадцать. Только и гуляй! В 1919-м наши дороги с братом разошлись по разным фронтам Гражданской войны: он устанавливал Советскую власть в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

Роберт Бебрис, 1920 г.

А я воевал на юге в Бессарабии и на Дону против добровольческой армии Деникина и гонялся по степям за батькой Махно. Помню, прятались мы в мазанке от артобстрела. Были молодые, бесшабашные! Пили мутную горилку, играли в карты и ждали приказа — когда и куда бежать...

Свистели и рвались снаряды! Мы считали: перелет! недолет! И спорили, в скольких метрах рвануло!

И вдруг после дикого свиста громыхнуло совсем рядом! Ну, все! — подумал я... Когда пыль и гарь рассеялись, увидели, что полхаты нет. А в той части, напротив, где сидели наши товарищи, развороченная земля, стены нет, поломанные деревья фруктового сада, поваленный плетень, разбитые горшки и летящая солома крыши. Как

же было нам после этого не петь! Опять повезло! И не знаешь, где и когда больше везло!

Да, моя милая девочка, — обняв меня, продолжал дед, — без песни я бы не дожил до этого дня! Сидим мы сейчас на нашей дачке под яблонькой. Бабушка в доме печет пирожки с капустой, пахнет душистым наваристым бульоном. Да уже и гости скоро должны подойти! Устроим пир на весь мир!

— Деда, а что было дальше? — прервала я его.

— Я свидетель тех дней и событий. Все происходило на моих глазах! Везение это большое дело!

Повезло мне и тогда, когда наш латышский стрелковый полк стоял под Псковом.

Я был уже командиром небольшого отряда и меня с депешей на автомобиле отправили в соседнюю часть. Автомобиль был гордостью нашего полка — трофейный германский «Presto», не металл, а броня! Говорили, что это автомобиль самого Деникина! Вот этот автомобиль нас тогда и выручил.

Дорога вела через поля и села. Жители провожали нас с удивлением и со страхом, глядя на нашу бронированную телегу без лошадей!

— Дяденьки, прокатите! — кричали босоногие мальчишки нам в след. За кукурузным полем мы остановились. Я достал планшет и сверился с картой. Дорога раздваивалась — одна вела лесом, а другая — понизу оврага по небольшому мосту через ручей.

Донесение мы доставили вовремя и к вечеру собрались обратно. Мой водитель что-то беззаботно напевал, а я думал о баньке и о гречневой каше с салом.

Темнело. Я задремал. Вдруг машина резко затормозила. Поперек дороги лежали поваленные деревья.

— Ну вот, рано радовались! Попали! — вымолвил я. Бандиты, кулаки, видно, выследили, когда мы туда ехали! Или им местные сообщили!? Теперь ждут где-нибудь в кустах...

— Быстро разворачивай машину — приказал я, — и поедем по другой дороге — через мост.

В темноте леса замелькали силуэты людей. Раздались выстрелы. Пули зацелкали по металлу машины!

— Гони, — заорал я, пригибаясь и заряжая винтовку.

За поворотом в овраге должен был быть спасительный мост. Но, подъехав ближе, обнаружили, что и он был разобран. Из леса к нам не спеша приближалась вооруженная группа людей.

— Ну, друг, — не раздумывая, скомандовал я, — терять нам нечего! Ручей неширокий! Давай задний ход, пусть думают, что мы к ним... сдаваться. А сами разгонимся и попробуем перелететь по мосту пару метров через ручей! Видишь, они же только середину моста разобрали, вытащили пару досок. Вон, под ивой валяются! Видно, तोпились?

Я бросил винтовку на сиденье, медленно встал, повернулся к ним лицом и поднял руки... Наш «Presto» медленно пополз им навстречу...

— Попались, красноперые?! Не стрелять! Берем живых! — орал, тряся наганом невысокого роста, коренастый, в белой папахе, в меховой черной безрукавке поверх зеленой атласной длинной рубахи. Она прикрывала когда-то синие галифе с красными лампасами. И в грязных стоптанных сапогах.

Окружала его такая же пестрая толпа: в ватниках, обмотанных кожаными ремнями; кто-то был в пальто или в мундире без знаков отличия. На ногах были лапти или ботинки с портянками.

Среди толпы выделялся один высокий, в фуражке, с седыми усами и бакенбардами, в распахнутой шинели без погон и в хромовых начищенных сапогах. На кителе висел полевой бинокль. Одной рукой он нервно оттягивал ремень портупей, другая лежала на открытой кобуре с револьвером.

— Ваше благородие, что прикажете с ними делать? — сплюнув, обратился к нему коренастый, в белой папахе.

— Да делайте что хотите! — поморщился тот, — мне нужен только автомобиль!

В нескольких метрах от них мы резко затормозили.

— Давай, гони! — крикнул я и упал на дно машины, вцепившись в спинку сиденья. Автомобиль со скрежетом на полной скорости рванулся вниз! И в клубах придорожной пыли перелетел на другую сторону ручья. Вслед раздавались выстрелы. Но мы были уже далеко...

Опомнились уже только у своих — с разбитыми головами и окровавленными лицами, с ушибами, но живые! От удара о землю мы чуть не вылетели из машины. Удержали металлические обручи кузова — кабины над головой. Но мы остались на своих ногах, а германский автомобиль — на своих колесах, только без глушителя и выхлопной трубы. С петель сорвало дверцу, и вылетели стекла. Но он и так был на ходу! В это сложно было поверить, что мы тогда ушли! Опять повезло! Главное — не теряться! Особенно тогда, когда уже и терять нечего!

Можно приключенческий фильм сделать, чего только не было!

Один из подвигов Иоганна описан в газете «Звезда Прииртышья», в номере, посвященном пятидесятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции! Помню наизусть!

«В 1919 году командир 228-го Карельского полка 26-й Златоустовской дивизии пятой Красной Армии Иоганн Бебрис провел операцию по захвату оружейных и продовольственных складов армии Колчака. Совершил пятнадцатикилометровый бросок в тыл врага — Уральского корпуса белых и в результате молниеносного нападения справился с задачей. На ста пятидесяти подводах, которые дали местные жители, Иоганн вывез все и надолго обеспечил дивизию всем необходимым. За этот подвиг Иоганн был награжден орденом Красного Знамени. И вместе с ним были награждены и бойцы четвертой роты Карельского полка пятой армии».

Они освобождали Омск, Семипалатинск, Павлодар, Иркутск, Красноярск, города Восточной Сибири от армии Колчака, от банд Попеляева и барона Унгеря.

Иоганн рассказывал, что у них служил и Ярослав Гашек — чех, из бывших пленных, перешедший на сторону большевиков, автор книги «Бравый солдат Швейк». Он заведовал интернациональной секцией политотдела пятой армии. И много писал юморесок о Гражданской войне. Не знаю, что он там увидел веселого?! Может, в штабе и было весело, и сытно, не знаю! Говорят, и фильм вышел по его произведениям, «Большая дорога». Надо будет посмотреть!

А сколько было еще невероятных историй!

Роберт Бебрис, 1932 г.

Не из книг, а из нашей жизни! В любую войну есть еще один общий враг, — это смертельные болезни — холера, сыпной тиф! Было со мной и такое!

В степях Бессарабии жарким сухим июлем 1920 года я опять с контузией попал в госпиталь. Вернее, в барак, где лежали вместе и раненые, и холерные больные. Разделяла помещение только серая, в пятнах простыня. Кружек не

было, и сестры милосердия поили всех из одной... Кругом лежали окровавленные тела, стонущие от ран и болей... Стоял жуткий смрад. Роились черные мухи, облепляя кровавые бинты еще живых и тела, накрытые грязными земляными простынями.

Приходя в сознание, хотелось только пить... И вскоре меня перенесли в ту часть амбара, куда уже не заходили со спасительной кружкой воды.

Я об этом тебе уже рассказывал! Такое не забывается! Тогда меня без сознания бросили вместе с трупами из холерного барака в общую яму и второпях присыпали землей. Спасло то, что я лежал сверху, и то, что не успели закопать. Тогда, в 19-м году шли кровопролитные бои. Отступали, наступали... и было уже не до могил. И как я вылез из-под тел с того света, дополз, теряя сознание, до ближайшего палисадника. И лежал, не помню как долго, в кустах черной смородины, и ел, ел, ел только живительные ягоды! Благодаря смородине выжил!

С тех пор это моя самая любимая ягода!

Надо нам сегодня обязательно смородину в саду собирать, а то осыплется! И вечером полить кусты! — обняв меня, улыбнулся дед.

А сколько раз меня спасали мои лошади! Выносили из боя.

В холодном и дождливом ноябре 20-го наша дивизия латышских стрелков составляла ударную группу Красной Армии, которая штурмовала Перекоп.

При переходе через Сиваш меня ранило, и я упал с лошади в черную жижу ила, перемешанного с кровью. Шери преданно стояла рядом. На поле боя рыжую

с белой гривой кобылу было видно издалека. И комиссар, как мне рассказали, заметил ее и приказал привести. Так меня и обнаружили. Гнилое это было место! Столько там Врангель наших положил. Выжили единицы!

И дальше продолжали выживать, казалось бы, уже и в мирное время.

Как же я «пел» в 38-м, был в камере Бутырки.

— А почему? — переспросила я.

— Если бы я знал, может, и не был. История рассудит. Полтора года в камере корчился на бетонном полу от болей, холода, пыток и от несправедливости. И опять повезло! Кто-то замолвил за меня слово! Выпустили! Но вышел уже инвалидом.

После этого, ты знаешь, в 1940-м я устроился художником в артель. И писал портреты вождей — борцов за справедливость, за которую мы воевали, сидели в лагерях, верили и погибали! Портреты отправляли на фронт, в парткомы, в райкомы, на предприятия.

...Вот так в наше время строили мы новое общество — социализм, а теперь идем к коммунизму! Может, и дойдем! А портреты вождей, которые я пишу, нам помогут! — тяжело поднявшись с дивана, сказал дедушка. — А про Отечественную войну столько уже написано и рассказано, и сколько фильмов! Только у каждого был свой фронт! Боевой и трудовой. Боролись и выживали!

— Да что я тебе, моя внучка, все это рассказываю. Ты еще слишком мала! Правда, может быть, что-нибудь останется в твоей светлой головке, и расскажешь потом своим детям!?

Иоганн Бебрис, 1936 г.

Иоганн Бебрис, 1937 г.

Во время Отечественной войны твою бабушку — мою любимую жену Вареньку — было не узнать. А было-то ей в то время всего тридцать с небольшим! Как тень ходила, дома двое маленьких детей, ответственная работа, главным инженером в «почтовом ящике», да и соседи в нашем генеральском доме были еще те! Не знали, чего от кого ждать!

Каждую ночь в наш двор в центре Москвы за кем-то приезжал черный воронок, выводили, а кого-то уже и выносили на носилках, накрытых простыней. Мы были уже ко всему готовы. В углу коридора стояли собранные чемоданы. Считаю, спали на них!

Роберт Бибрис после реабилитации, 1940 г.

В то время мы уже пели всей семьей, и чаще про себя. Надо было жить дальше!

— А что стало с дедом Иоганном? — напомнила я моему деду.

— Иоганн заслуживает отдельных страниц истории. Можно написать роман о его жизни и боевом пути!

В 1922 году за ликвидацию контрреволюционных банд в Восточной Сибири он был награжден именными золотыми часами наркомвоенмора.

Позже, уже в тридцатых годах, после окончания в 1926 году Военной академии им. Фрунзе был назначен начальником штаба горно-стрелковой дивизии Средне-Азиатского военного округа в звании комбрига. Устанавливали в Средней Азии советскую власть. Боролись с басмачами моджахедами.

Много интересного рассказывал. Сразу и не вспомнишь.

С тех пор у меня его подарок висит — вот этот верблюжий ковер с кистями.

В 1931 году он был переведен в Москву, преподавать в Академии им. Фрунзе. В 1934 году назначен начальником штаба горно-стрелковой дивизии в г. Ашхабад. А в 1936-м — уже был зачислен слушателем Высшей военной академии Генштаба и через год — начальником первого курса этой Академии.

А впереди нас ждала долгая дорога — длиною в жизнь!

Только жизнь Иоганна оборвалась рано. Посмотри наш альбом с фотографиями и папку с документами, которые я храню. Вот один из них:

«В августе 1938-го в результате клеветы Бебрис И. Г. был репрессирован и умер в заключении в 1944 году в возрасте сорока пяти лет. В 1956 году был по-смертно реабилитирован».

Это архив истории нашей семьи! Фотографии тех лет, статьи в газетах о нашем боевом пути, письма, свидетельства и документы. Семейная реликвия. Берегите ее!

Мой брат Бебрис Иоганн Густавович был одним из четырехсот репрессированных комбригов Красной Армии. Память о нем осталась в книгах, в газетах, в архивах в Москве и в музее Эстонской Боевой Славы в Таллине. И в названии улицы в ЭССР, улицы героя Гражданской войны Иоганна Бебриса.

История — она такая, как две стороны одной медали! Одна сторона матовая, другая блестящая! И у каждого она своя!

— Посмотри, — обратился дед ко мне, — вон там, в серванте, в коробочке лежат мои медали и орден Красной Звезды. Это наглядная история! Можно потрогать!

А сейчас только и пой! Мир и покой! Ну, какую споем?! — повернулся он ко мне. — Я люблю Зыкину! Какой голос!

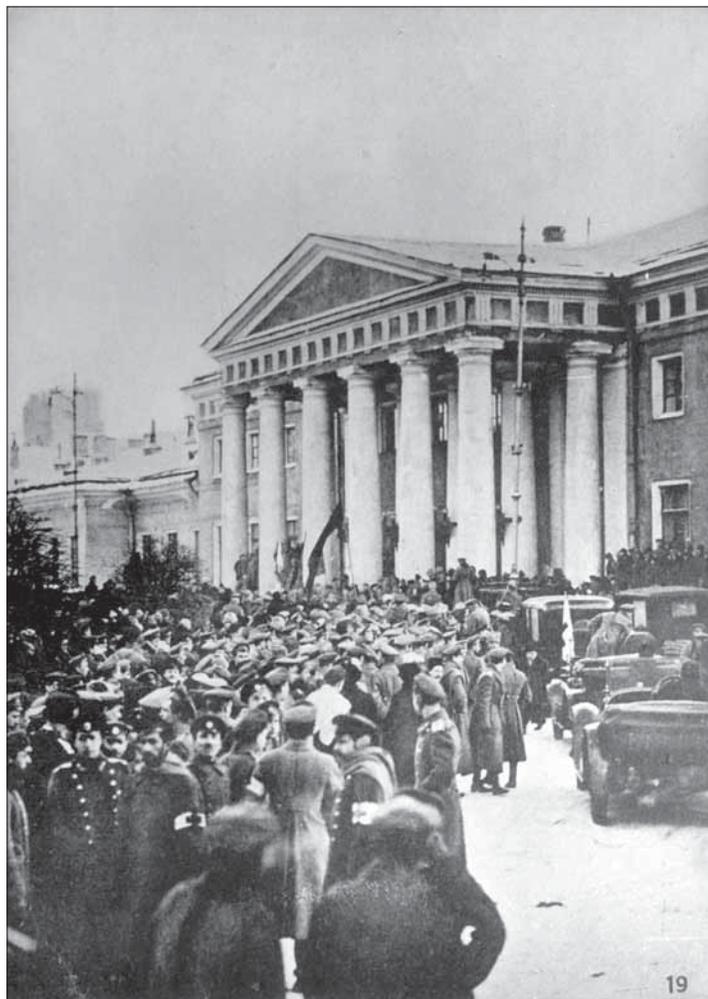
«Течет река Волга... А мне уж...» — пропел он и с иронией переспросил: — а сколько лет?

— Деда, а почему к нам дядя Витя с семьей не приезжает?

— Кто? Виктор?! На этот вопрос мне сложно ответить. Давай лучше попоем! Не хочу я о нем говорить... Разошлись мы с ним во взглядах. Не понимает он меня и осуждает, что не так я жил и не за то боролся! Обидно! У нас с ним разная Правда! А две Правды в одном доме не уживаются! Видно, и она у каждого своя!

Вот так, моя милая внучка, вырастешь, узнаешь!

Александра Лебедева — поэт и художник. Член Берлинского литературного общества «*Berliner Literaturbund*». Участница международных художественных и фотовыставок. Лауреат фотоконкурсов 2010 г., 2011 г., ИТАР-ТАСС г. Москва. Лауреат международных литературных конкурсов 2011 г. — издательства «Немцы из России»; Германия; 2012 г. Фонд «Русский Мир», Первая премия на международном литературном конкурсе «Русские в Германии и немцы в России» 2013 года. Международный фонд «Русский Мир» г. Москва. Живет в Берлине (Германия).

Фотография. Февральская буржуазно-демократическая революция в России.

Место и время события: г. Петроград, февраль, 1917-март, 1917 гг.
Демонстрация революционных войск.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Елена ГЕРЦОГ

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

В небольшом провинциальном кубанском городке брат и сестра рассматривали содержание большого деревянного сундука, окованного железными полосками. Этот громадный сундук, на котором можно было спать, давно раздражал подростков. Выкинуть бы его, а на его место красивый современный диван, мечтали они. А пока никого дома не было, решили посмотреть, что там лежит, чтобы потом предложить выкинуть сундук за ненадобностью, так как в нем ничего нужного нет. Внимание привлекло что-то большое, завязанное в пуховый коричневый платок дырявый и старый. В свертке оказалось много документов, бумаг, совершенно неинтересных. Но привлекли внимание деревянные рамки фотографий. Фотографии были большие, как картины у них на стене. Но ничего интересного, кроме самих рамок, подростки на этих групповых фотографиях не увидели. Ну разве что узнали на них свою бабушку. Они уже видели в семейном альбоме ее фотографии молодых лет. Знали, что жила она когда-то в Литве, в ее родном городе Вильнюсе. А на некоторых фотографиях даже и бабушки не было. Были пожилые люди в каких-то старинных одеждах. Красивых, правда, прямо как в кино про царей.

Но и все. Ничего больше интересного в том свертке не оказалось. Документы и фотографии вновь завязали в тот старый платок и забыли про них еще на несколько лет.

Бабушки уже не было в живых, когда, с годами, им вновь захотелось посмотреть на те старые фото. Сундук так и стоял в доме, хотя и новый диван давно уже появился. Как-то очень уж уютно было на том сундуке, стоявшем в уголке, читать или мечтать, укрывшись ото всех.

Фотографии вновь достали и рассматривали их уже с удивлением. Во-первых, было видно, что деревянные рамки очень дорогие для тех времен. Форма тоже необычная, хотя много ли они видели деревянных рамок старинных фотографий? Может, и обычные. Все же, судя по старинному фортепиано, которое было привезено сюда вместе с этим сундуком, как они знали, еще из Вильнюса, рамки для фото были тоже, видимо, не столь уж и обычные. Фортепиано ведь такого они даже в кино не видели. Ножки пианино сделаны в виде лиан с красивыми витиеватыми цветами. На передней панели большой резной профиль Бетховена и поверху него гроздь лавровых веток. Немного портили вид дырочки от подсвечников, которых, оказывается, при покупке инструмента уже не было. Поэтому наличие такого фортепиано косвенно подтверждало необычность и рамок на фотографиях. Теперь уже гораздо пристальнее они стали рассматривать людей на этих снимках. Заинтересовали три самых больших, где они никого не смогли узнать, да и года там были дореволюционные указаны. С того дня и началось собирание воедино истории семьи. Оказалось это почти невозможным. По сохранившимся справкам, найденной трудовой книжке и другим документам установить удалось пока немного.

Семья их бабушки до революции 1917 года жила, видимо, зажиточно. Имели двухэтажный дом на площади в пригороде Вильнюса. Глава семьи держал шляпную мастерскую, располагавшуюся на первом этаже этого дома. Их многочисленная семья, в которой подрастали шестеро детей, была трудолюбивой. Глава семьи слыл очень хорошим мастером по пошиву шляп. Одному из мальчиков, самому красивому в семье, все пророчили будущее артиста. А пока он, еще подросток, страстно любил шить и уже заслужил авторитет хорошего закройщика. В 1915 году бабушка, будучи тогда 11-летней Машей Клабин или, как встречалась иногда в документах другая запись — Клабинайте, попала на Украину, в Полтавскую губернию. Из-за войны ей не удалось вернуться сразу же домой. Пришлось

Маша Клабин третья справа в верхнем ряду

девочке наняться нянькой в одну семью. Работала, но и продолжала заниматься самообразованием. До этого ведь она уже проучилась 3 года в школе. В первое же лето сдала экстерном экзамены за 4-й, а потом и за 5-й класс гимназии и поступила осенью в 6-й класс. Ее освободили от платы за учебу, а одна из преподавательниц помогла ей найти частных учеников, которых нужно было готовить к поступлению в первый класс. На эти деньги Маша и жила, продолжая учебу в женской гимназии города Гадяч.

А потом случились революционные события 1917 года. У Маши пропала связь с семьей, вернуться в это время в Вильнюс оказалось совсем невозможным. Попала она в родной город, скорее всего, в самом начале 1920 года. В документах сохранился гимназический билет, выданный ей, ученице VIII класса, 1 января 1920 года в Гадяче.

Ученицы женской гимназии

В Вильнюсе ее ждало страшное. Оказалось, что у Маши не осталось никого в живых из семьи. Вся семья была уничтожена. Что произошло, кто и за что убил всю семью — неизвестно. Стало ли это известно потом самой Маше — кто знает. Бабушка никогда об этом не заговаривала. Рассказала только, что тогда, вернувшись и не найдя никого и ничего, пошла она по соседям. Они и рассказали девочке о горе. Ей удалось собрать кое-что из мебели, принадлежавшей ее семье. Когда не стало в живых хозяев, соседи разобрали все из их дома. А когда объявилась девочка, вернули Маше многое из забранного — шкаф красного дерева, два кованых больших сундука (именно в одном из них и хранились эти старые документы). Вернули и красивые, с маленькими бриллиантками золотые наручные часики. Они сохранились и до нынешних времен, хотя никто и никогда их почему-то не носил.

В документах нашлись ответы из архива: «На ваш запрос отвечаем, что записей в архиве об урожденных в 1901–1907 годы не сохранилось». Если учитывать, что бабушка родилась в 1904 году, видимо, искала она своих братьев и сестер. Может быть, была надежда, что кто-то остался тогда в живых? Запросы в архивы, где хранились церковные книги регистрационных записей, она повторила и в начале 50-х годов. Но ответы получила с тем же содержанием: «Записей за те годы не найдено».

С марта 1920 года Маша Клабин значится как переписчица при штабе 64-го полка Красной Армии. Через год она работает там же медсестрой в санитарном батальоне. А с 1922 года, уволившись из армии, 16-летняя девушка начинает работать завхозом-воспитателем в детском доме «Поволжец» в Чернигове. Так дальше и сложится ее жизненный путь — путь педагога. Поступила в педагогический техникум в Ма-

лаховке Московской области. После него была направлена на работу в Районный отдел народного Образования города Сталинграда учителем русского языка и литературы. Через какое-то время стала студенткой Ленинградского учительского педагогического института, потом заканчивала уже Вильнюсский государственный институт.

Выйдя замуж, молодая учительница вынуждена была менять места своей работы — ее мужа, молодого специалиста, часто командировали туда, где была необходимость в подготовке и обучении квалифицированных кадров. Поэтому работать Маше довелось и в коммуне «Агротехник» Анапского района, и в Леснянском совхозе под Сочи.

А теперь про дедушку, Шевченко Владимира Денисовича. В его судьбе революция 1917 года изменила тоже все. Родился он в маленьком селе в Черниговской губернии Российской империи. Его родители, Шевченко Денис Дмитриевич и Ксения Андреевна, кроме него имели еще двоих детей. После революции на Черниговщине стали образовываться в 1918 году первые колхозы. Скорее всего, именно это дало возможность мальчику из сельской местности начать свое блестящее образование. От колхоза Владимир был отправлен на учебу. Стал зоотехником. Затем был рекомендован продолжить обучение. Так он перешел на преподавательскую работу. Об этом этапе его жизни видно из сохранившихся документов: «Областной земельный отдел Горьковской области командирует Шевченко В. Д. преподавателем в рапоряжение Семеновского райисполкома», «Семеновский райисполком командирует Шевченко В. Д. в колхозы Хвостиковского, Лермонтовского с/советов по вопросу заключения договоров с колхозами на поставку кадров для обучения». Следующие документы

Владимир Денисович четвертый справа в первом ряду

рассказывают о его учебе в Ленинграде, в Агропедагогическом университете. А в 1940 году он подал документы в аспирантуру Научно-исследовательского сектора Ленинградского института инженеров молочной промышленности.

Вот и все. Через год, в 1941 году, закончится счастливая жизнь молодой семьи Шевченко Владимира и Клабин Марии. К тому году у них уже подрастала 5-летняя дочь. Владимира призовут в ряды Красной Армии, а с мая 1943 года он станет значиться «пропавшим без вести». Мария всю жизнь будет посылать запросы, разыскивать его, ждать. В начале 60-х переедет на Кубань, продолжит работу педагога и продолжит слать и слать письма о розыске «Шевченко В. Д., призванного Семеновским РВК в ряды Красной Армии и объявленного в мае 1943 года пропавшим без вести».

А в 2014 году их внучка попадет в город Санкт-Петербург, где будет принимать участие в одной из культурно-образовательных программ для соотечественников,

проживающих за рубежом. Ее участники получают для ознакомления небольшую брошюру, рассказывающую об истории учебного заведения, где состоятся семинарские занятия. «Северо-Западная академия государственной службы. В 1918 году в Петрограде был открыт первый Рабоче-Крестьянский университет имени т. Зиновьева, переименованный в 1921 г. в Коммунистический университет. В 1944 году Коммунистический университет реорганизован в Ленинградскую Высшую Партийную Школу»... Стоп. Еще раз... Что-то знакомое... Коммунистический Университет. Высшая Партийная Школа... Как? Так это здесь?.. Из тех старых документов, которые когда-то нашлись в сундуке, а вернее, из сохранившегося письма, было понятно, что их дедушка и бабушка познакомились во время учебы в Ленинграде, в Коммунистическом Университете...

Вот так я, автор этих строк и внучка героев моего рассказа, в первый и пока единственный раз оказалась «рядом» со своим дедушкой. А история нашей семьи будет начинаться для потомков, видимо, только с имен родителей моего дедушки, сохранившихся на одной из справок, и фотографий наших прадеда и прабабушки по бабушкиной линии. Это, оказывается, они на тех старинных фотографиях. Из всех найденных старых документов мы с братом не смогли установить даже их национальности... А имена людей с тех фотографий, сделанных в предреволюционный 1916 год, как и имя нашей прабабушки, мы, видимо, уже никогда не узнаем.

Елена Герцог – председатель Координационного совета российских соотечественников в Баварии. Живет в Мюнхене (Германия).

Сергей ЖУРАВЛЕВ

ПОСЛЕ «ВЕЛИКОГО ВЗРЫВА»

*Деятели русской культуры в Латвии, русском
зарубежье после Великой русской революции 1917 года*

С точки зрения историка культуры русского зарубежья, социально-политические события 1917–1920 годов в России, как это ни парадоксально, имели не только катастрофически-негативное значение в демографическом аспекте, но и сыграли непереоценимую историческую роль в образовании русской диаспоры и даже создании культурно-языковой автономии, множества общественных организаций и фирм в странах «русского рассеянья».

Эмиграция русской аристократии, офицерских, научных и культурно-творческих кадров из Петербурга, Москвы и других городов России (словно по закону Ломоносова «ежели в каком месте некоего вещества убудет, то в ином месте оного вещества столько же и прибудет»), просто русских людей (как полезной обществу, стране рабочей силы) обусловила возможность самодостаточного, духовно полноценного существования русской общины и в Латвийской Республике, провозглашенной 18 ноября 1918 года.

Разумеется, русские, славяне на земле Латвии жили испокон веку, хотя в ливонские, польские, шведские, остзейские (до 1917 г.) времена число их менялось. Еще в начале XIII в. в хрониках упоминается Русское подворье, Русская улица (*das Russche Dorp, das Russche Straat*; игрой истории на сем месте позднее было воздвигнуто здание остзейского ландтага, где на стенах висели дворянские гербы; с возникновением ЛР в нем разместился Латвийский парламент; находился Верховный Совет ЛССР, ныне опять Сейм). Действовала церковь св. Николая, имелось русское кладбище (на территории между Пороховой башней и зданием Сейма), священники, иконы, церковная утварь прибывали из Полоцка. На левом берегу Двины была собрана сплавленная вниз по Двине деревянная Троице-Задвинская православная церковь (примерно на том же месте два века высится одноименный каменный храм).

Топоним «улица Стругу» на «Москачке» (бывшем Московском форштадте, предместье Риги) также свидетельствует о торговых связях русских земель с Ригой, активном приходе стругов с товарами из Витебска, Полоцка, Смоленска (названия около 20 двинских порогов были известны только на русском языке). Каким-то образом подвинские земли в древности «застолбили» и т. наз. Борисовы камни, т. е. некие геополитические вехи, метки полоцкого князя Бориса. Не случайно епископ Альберт испрашивал соизволения основать католическую церковь у смоленского князя. Двустигшие из хроники Балгазара Русова также гласило, что «земли селов, леттов, куров-куршей были в русских руках» (*Waren in den Russen Hant*). В Куkenойсе на Двине правил князь Вячко, а в Герцике

князь Всеволод (в белорусских летописях также Василько). Селились русские и в подвинских городах и весях, напр., в Якобштадте (ныне Екабпилс), Крейцбурге (Крустпилс), возможно, в местечке Гостыни (от слова «гости», т. е. купцы). По Двине и Днепру с волоками проходил древний водный путь «из варяг в греки»: в Константинополь экспортировался янтарь; активно действовал древний меновой «общий рынок» на острове Готланд (на карте между Либавой-Лиенайе и шведским берегом).

После раскола православной церкви в пограничные земли (Латгалию) уже в 1660-70-е гг. прибыло немало старообрядцев, основавших свои церкви, деревни и общины (топонимы Москвино, Роговка, Горбуновка и др. дошли до наших дней, как и староверческие храмы и традиции). На карте Латвии множество гидронимов, топонимов со словом «криеву, криву», т. е. «русский»: Криевупе, Криевусала, Криву калнс и т. п. (соответственно: река, остров, гора).

Множество топонимов хранят следы пребывания в Ливонии и западных славян — вендов (Виндава — Вентспилс, рядом речка Лужня, где руги с острова Руян, или Рюген, обучали куршей строить гребные ладьи; речки Барта, Вартая — от ляхско-польского племени бартов; Венден — Кесь — Цесис; Лютин — Лудза, где озера Малая и Большая Лужа; на венецком языке «лужа», как и «луга, калуга» — озеро), Сербигаль в Латгалии. Немало и прусских, скандинавских, германских и даже кельтских стародавних топонимов, позднее, в период первой ЛР заретушированных фонетически близкими латвизмами, напр., **Фегезакхольм** стал Вейзатясала («остров ветряного зайца!»), **Магнуохольм** — Мангальсала (име-

на немецкого барона и датского принца исчезли), Ашерраден — Айзкраукле (вышло как бы «Заворонье», а вначале было Askeraden («ашке» по-шведски «долбленка», лодка из ствола дерева); есть и дворянские фамилии фон Ашерраден, фон Раден (сему феномену посвящен ряд моих книг).

От петровских, екатеринских времен в Латвии сохранился фольклор, в том числе латышские сказания, легенды, анекдоты о Петре Великом, Екатерине I (уроженке Латгалии, латышке Марте Скавронской), Екатерине II (как правило, не разобрать, какая из них в сказании), православный Петропавловский собор (ныне концертный зал „Ave sol”), церковь Алексия, человека Божия (где упокоились генерал-губернатор Аникита Репнин, майор Болотов — дед энциклопедиста, мемуариста, также жившего в детстве в Риге, Курляндии А. Т. Болотова, и др. люди петровского времени; с начала 1920-х годов после передачи мужского православного монастыря католический курии это церковь св. Марии-Магдалены со следами православно-византийской росписи, архитектуры).

Русский классицизм (ампир) широко присутствует в Старой Риге царского времени, от Екатерины Великой до Николая II. Еще 15 сентября 1817 г. — 200 лет тому назад — волей генерал-губернатора маркиза Филиппо де Паулуччи на Замковой площади был открыт памятник в честь изгнания полчищ Наполеона из России, во славу русского оружия. (Будучи депутатом Рижской думы в 2005–2009 гг., автор сих строк добился принятия решения комиссией думы по памятникам о восстановлении бронзовой Виктории с венцом в воздетой правой руке). Нами был отыскан и восстановлен рижским меценатом памятник Петру Ве-

ликому, ранее открытый в Риге в июле 1910 года (его копия ныне украшает Константиновский дворец, резиденцию президента РФ под Петербургом). Восстановлен и памятник фельдмаршалу, уроженцу Латвии М. Б. Барклау де Толли в парке близ Христорождественского собора на улице Бривибас (Свободы).

Однако переданный первым премьером ЛР И. Годманисом Русской общине и культурному центру исторический Дворец Петра (ул. Паласта, 9) с подачи следующего премьера правительства М. Гайлиса был выставлен на аукцион недвижимости (за 380 000 латов), куплен, отреставрирован и распродан под офисы; тем не менее на стене у его входа установлена памятная доска с бронзовым барельефом Петра I. Но, увы, за три десятилетия из Старой Риги изгнаны почти все русские общественные организации (последним оплотом русской живописи, музыки, поэзии и общественности стала галерея «Неллия» на ул. Лиела Пилс между Рижским замком и Домской площадью).

Гонения на «русский дух», культуру, свободу собираться и говорить на родном языке, петь родные песни, вытеснение русских обществ из культурного пространства Старой Риги в 1990–2010-е годы являются последовательной негласной геополитикой в столице независимой Латвии.

С осени 1988 года члены РКЦ — Русского клуба «Улей» собирались по субботам в конференц-зале Свинцовой башни, где приют нам любезно давала сотрудница Музея зарубежного искусства В. К. Бартошевская (ее предок был братом курляндского герцога Петра Бирона, прапрадедом друга Пушкина графа М. Ю. Виельгорского, же-

натого на Луизе Карловне Бирон; родня жила в имениях Сальново (Салнава) в Латгалии и Мариенталь под Резекне; ее родственник принц И. -Э. Бирон является предводителем Дворянского собрания Германии, не раз посещал Пилсрундальский дворец, дарил музею-дворцу фамильные реликвии). В Свинцовой башне собирались старые рижане, выпускницы довоенных рижских гимназий, вузов, русских обществ, представители видных дворянских родов. Причины «отроения» «Улья» были просты: требование высокой арендной платы директором Музея зарубежного искусства, ныне же Рижской замок является резиденцией президента ЛР.

Заказан вход посторонним и в здание напротив замка, где в конце 90-х годов находился Фонд русской культуры с залом, и в упомянутый выше Дворец Петра (с офисами неведомых фирм), и в школу «Ридзене» (прежде 17-ю русскую среднюю школу, где в актовом зале мы проводили концерты хора «Перезвоны», литературные вечера, лекции, отмечали юбилеи классиков).

В начале 2017 года Пушкинское общество Латвии по непонятным причинам получило отказ на предоставление зала для концерта памяти А. С. Пушкина от администрации Академической библиотеки ЛУ, затем отказали РКЦ «Улей» и Шаляпинскому обществу (для концерта памяти Пушкина и Шаляпина, презентации книг «Пушкин в русском зарубежье», «Пушкинист Шаляпин», «Дм. Смирнов и Ф. Шаляпин. Два русских гения»).

То ли потому, что в июне выборы в Рижскую думу, то ли «никаких дат не будет вообще» для обществ меньшинств, то ли потому, что помещения в здании АБ ЛУ (на 4-м этаже) выделены под «институты» по связям

Латвии с Украиной и Грузией, находятся постоянные экспозиции украинских и грузинских книг, то ли виной всему сверхчуткое отношение кураторов АБ в «национально озабоченном» Латвийском университете («Не пущать!» и «Плю! плю!»), то бишь «Не потерплю!», как у поломавшегося щедринского «органчика» со знаком Made in Latvia). Пришлось презентации упомянутых выше книг проводить в конференц-зале Дома Москвы в Риге. Там же, в Большом зале, прошел концерт памяти (к 90-летию) основателя хора «Перезвоны», члена Союза композиторов России и Латвии, академика ПАНИ, Почетного председателя РКЦ «Улей» Ю. В. Глаголева.

В культурно-исторической интродукции (преамбуле) к основной теме мне очень хотелось заложить значительной философский смысл: несмотря на все свои зигзаги, повороты, история русских в Латвии, Прибалтике вновь и вновь повторяется.

Развитие культуры, просвещения, общественной жизни, бизнеса и быта русских людей идет к апогею, а затем вдруг по социально-политическим (и в подоплеке экономическим) причинам наступает резкий обвал, чреватый стиранием всего ранее нажитого, наработанного, накопленного и «эскейпизмом», бегством русских, славян (и русскоязычных меньшинств) за пределы страны у Балтийского моря. В социальных катастрофах, церковно-конфессиональных конфликтах (в нашем регионе католического духовенства и рыцарства с язычниками и православными), войнах и революциях всегда гибли многие тысячи людей.

Так, 1860-е гг. — время общественно-экономического подъема, т. наз. первое Пробуждение (Атмода) в

Остзейском, Латышском крае: возникновение мужского Общества пения и изящного говорения «Баян» (предтечи «Перезвонов», у нас пел даже последний ветеран «Баяна», участник Пушкинских дней в Риге 1937 г. А. И. Бурбо), женского певческого общества «Ладо», Русского дома «Улей» (ныне в бывшем Народном доме на ул. Калькю, 16 рижский драмтеатр им. М. Чехова), Русского литературного кружка в Риге.

В 1869–1917 гг. выходила в свет «энциклопедия русской жизни» Латышского края сего периода (в конце в Юрьеве-Тарту) — первая частная русская газета в Прибалтике «Рижский вестник» (редактором являлся историк Ливонии Е. В. Чешихин, упокоился он на Покровском кладбище в 1888 г.).

Сын последнего, выпускник Петербургского университета, поэт, прозаик, переводчик, художественный критик, сотрудник рижской и столичной прессы (в частности, «Музыкальной газеты» Н. Финдейзена), присяжный поверенный В. Е. Чешихин в 1915 г. под угрозой немецкого вторжения в Ригу, оставив на произвол судьбы квартиру и библиотеку, выехал в Петроград, где активно работал в писательской организации, разных обществах (упокоился в Ниж. Новгороде). Эвакуировались и многие другие жители, целые предприятия, рижские памятники (неизвестно куда подевались бронзовые статуи крылатой Виктории и Барклая де Толли), хористы «Баяна» только в 1926 г. возродили свое детище (многие почему-то при реэмиграции после 1920 г. оказались в Ковне (Каунасе), столице Литвы).

История наглядно подтверждает и принцип «свято место пусто не бывает». И в годы I мировой войны в Риге

издавались русские газеты: «Рижское утро», «Окопная правда» и другие, публиковавшие хронику культурной жизни: театральных постановок, концертов вокалистов; печатались стихи местных поэтов и солдат-окопников (стихи включены в составленную мной антологию русской революционной поэзии в Латвии XIX в. — 1943 г., среди авторов и поэт-кавалерист Н. С. Тихонов, и Д. Фурманов).

В 1918 году в Риге начинает выходить газета «Сегодня» с вечерним выпуском «Сегодня вечером» — очередная «энциклопедия русской жизни», но уже не только Латвии, но и всего русского зарубежья с сборками и авторами во всех столицах стран Западной Европы, а также в Нью-Йорке. Огромное многоэтажное здание концертна «Сегодня» с башней и теперь высится в Риге на углу улиц Дзирнаву (Мельничной) и Базницас (Церковной).

А в скромном соседнем деревянном домике после войны размещалась редакция республиканской газеты «Советская молодежь» (к слову, в 1973 г. здесь впервые напечатали наши стихи, творения участников семинара молодых литераторов в Союзе писателей Латвии).

Краевед и библиограф Ю. И. Абызов в 90-е гг. издал в США 4-томную библиографию материалов «Сегодня» и др. газет «Русское печатное слово в Латвии, 1918–1944 гг.». В 2018 году, к 100-летию начала выхода одного из виднейших печатных органов русского зарубежья, следовало бы установить на историческом здании мемориальную доску хотя бы с именами ведущих сотрудников популярной газеты. Одним из них был заведомо культуры, писатель и критик П. М. Пильский, множество раз писавший о пребывании в Риге своего друга, певца Ф. И. Шаляпина (из-

учая «Сегодня» и ее вечерний выпуск, удалось собрать целую фотогалерею, на ряде снимков автографы артиста, дружеские надписи «сегодникам»).

В начале 30-х Пильский отмечал 35-летие своего творчества (в здании на ул. Валдемара, 35), на банкете речь сказал и Шаляпин; на снимке он запечатлен с жившим тогда в Риге артистом М. Чеховым. Последний бывал и в редакции газеты, где снялся в обществе ее ведущих сотрудников. Федор Иванович посетил спектакль «Ревизор» с Чеховым в главной роли (Русский драмтеатр арендовал тогда зал в здании Рижского латышского общества на ул. Меркеля, 13; после войны там находился Дом офицеров с библиотекой, где брал книги и выступал перед читателями В. С. Пикуль; здесь же работала его будущая спутница жизни А. И. Пикуль).

В апреле 1938 г. во время турне по странам Балтии в этом зале выступал с воспоминаниями лауреат Нобелевской премии И. А. Бунин (в т. ч. о своем недавно скончавшемся друге Ф. И. Шаляпине). О встрече с писателем за кулисами мне поведала бывшая артистка рижского драмтеатра, приехавшая в 1935 г. из Праги по приглашению дирекции театра Т. Д. Ратгауз (дочь известного поэта Д. М. Ратгауза). Кстати, еще в Праге фотопортрет Шаляпина ей принес в дар ее юный поклонник, крестник артиста, сын писателя Л. Андреева Савва (сей дар она бережно хранила многие годы). Без конца можно было слушать рассказы артистки о Праге и ее пражских встречах, в т. ч. с М. Цветаевой, И. Северянином и др., «Ските поэтов», участницей которого она была, о рижском русском драмтеатре и его артистах; была она знакома и с поэтом Н. Н. Белоцвето-

вым, автором ряда книг, издавшим в Берлине антологию русской поэзии «Якорь», где ее стихи оказались рядом с поэзией Бунина.

А в дни рижских чтений писателя-лауреата с ним встречались жившие в Риге академики живописи Н. П. Богданов-Бельский и С. А. Виноградов, встреча состоялась в доме русской студенческой корпорации «Фратернитас Арктика» в Старой Риге; Иван Алексеевич удивлялся, что у «арктов» свой дом (здание сохранилось).

В моей книге о русских художниках в Латвии в довоенный период многие десятки имен. Многие деятели искусства прибыли из Петербурга, других городов России. На Покровском кладбище покоится и художник-анималист К. С. Высотский, также имевший студию и учеников, как и В. В. Третьяков, художник, поэт, критик, переводчик латышской поэзии (еще в начале Великой войны 1914–1918 гг. он был студентом Академии художеств в Петрограде).

Рижская русская периодика до 1944 г. насыщена репродукциями работ местных художников, а также, напр., литературно-художественный журнал «Перезвоны», ведущих русских мастеров кисти и графики. Не раз в Риге бывал, творил и выставлялся и «певец Петербурга» М. Добужинский.

Не раз ловил себя на мысли, что попытка рассказа о любом русском эмигранте, выдающемся деятеле русской культуры 1918–1944 гг. в Латвии, балтийских странах способна обернуться написанием книги (во взаимосвязи ее героя с коллегами, современниками, эпохой). А ведь только журналистов, писателей, артистов, музыкантов, выехавших из голодного и холодного Петрограда в Ригу

(и Таллин, Ковно, Варшаву и т. д.), многие сотни... И многие из них упокоились в Латвии.

Невозможно перечислить петербургских балерин на сцене Национальной оперы Латвии, начиная с «бабушки латвийского балета» А. А. Федоровой, ее мужа А. М. Фокина (брата известного танцовщика), Е. Тангиевой-Бирзниека (давая солистке ЛНО автограф, Шаляпин пошутил, что помнит ее девочкой в кордебалете, а теперь «уж на выданье пора», на что ему заметили, что балерина давно уже дама). Оказались в Риге и видный петербургский балетоман А. А. Риттер, и друг Шаляпина, режиссер ЛНО П. М. Мельников (недавно нашел в архиве письмо директора ЛНО, композитора Я. Залита на русском языке с приглашением Петра Ивановича на постоянную работу в Ригу). Вся компания бывших петербуржцев, включая Пильского, в дни пребывания Федора Ивановича не раз едала селянку в русском трактире «Волга» на Москачке (Московской улице). Порою в открытые окна к вящей радости рижан лился могучий голос Царь-баса. Мельников оставил замечательные мемуары о своем друге «Шляпуше» на страницах «Сегодня» (упокоился один из виднейших русских оперных режиссеров на бывшем Лазаревском кладбище в Задвинье).

Еще в 1921 г., впервые прибыв в Ригу, Шаляпин случайно встретил на бульваре Бривибас своего друга, партнера на сцене Мариинской оперы в Петербурге Е. Виттинга. Весной 1931 и 1932 гг., гастролируя в ЛНО, Федор Иванович не раз бывал в гостях у друга и его жены, бывшей балерины того же театра М. Виттинг, снимавших 5-6-комнатную квартиру в доме на улице Валдемара,

27/29 (о рижских адресах великого певца говорится в моей книге «Шаяпинская энциклопедия Латвии»). Последняя также покоится на Покровском кладбище, рядом с примадонной Мариинской оперы М. Б. Черкасской, чуть дальше надгробные камни профессоров вокала Петербургской консерватории, имевших свои студии в Риге, Е. А. Жеребцовой-Андреевой и Н. А. Ирецкой-Акцери. Старые рижане вспоминали, как чудесно пела Черкасская (она была очаровательной Татьяной в опере «Евгений Онегин», ее обаяние донесли фотоснимки).

А близ храма, чуть не доходя, справа в главной аллее можно посетить место вечного упокоения сценического партнера и друга Шаляпина Д. А. Смирнова (еще в конце 80-х мы поминали певца здесь, в русском некрополе, с хором «Перезвоны», дарили книгу о нем и брошюру «Покровское кладбище — памятник рижской старины»; Дмитрий Алексеевич также давал уроки вокала, обучил немало молодых певцов). Неподалеку еще в 1808 г. упокоился прах генерал-губернатора Риги А. А. Беклешова, на памятнике была эпитафия в стихах.

Тысячи нитей протянуты отсюда к городу на Неве, от могилки писателя С. Р. Минцлова, прежде широко известных журналистов «Сегодня» М. И. Ганфмана и В. В. Клоповского (Лери), князей, генералов, деятелей искусства... Тут же, слева в главной аллее место упокоения известного в Петербурге профессора русской словесности К. И. Арабажина, основателя Русских университетских курсов в Риге.

...Десятки имен, личностей, прежде многим знакомых лиц. Когда-то здесь гулял романист В. С. Пикуль,

делал пометки в блокноте, неподалеку, на стене дома на ул. Весетас, где он творил, теперь мемориальная доска, а в мемориальной квартире Антинина Ильинична пишет подписи к тысячам карточек, портретов исторических персон, готовит к изданию огромную коллекцию писателя...

И все же думается: есть интернет-портал russkije.lv (редактор доктор истории Т. Д. Фейгмане), есть на нем биографии десятков деятелей русской культуры, издано несколько сотен книг о русских людях в Латвии. Но до сих пор нет словника хотя бы с фамилиями, именами, годами жизни, местом рождения и упокоения тех, кто жил и творил в Латвии (подобный словник мне подарил ныне покойный профессор русской литературы Тартуского университета С. Г. Исаков, также автор книги о Д. А. Смирнове; просмотрев его, заключил, что до войны в Эстонии было в несколько раз больше русских художников, чем в Латвии, некоторые из них также были представлены в Музее русского искусства под Прагой, где имелся и зал Рериха).

И очень мало пока сказано о культурных связях Риги и Петербурга. А ведь в последней трети XIX в. до революции в северной столице, или, как говорил композитор Э. Дарзиньш, в Северной Пальмире, училось и трудилось первое поколение латышских художников, вокалистов, артистов, ученых, до сих пор стену дома на Гороховой ул. украшает мемориальная доска с именем проф. Петербургской консерватории Я. Витола, после революции ставшего основателем и ректором Латвийской консерватории.

Мало кому известно, что матерью его студента, позднее солиста и директора ЛНО, профессора той же

Латвийской консерватории Александра Вилюмана была певица из Петербурга из знаменитого рода Потемкиных; несмотря на запрет родителей, она стала артисткой, вышла замуж за латыша, в годы Гражданской войны, как вспоминал сын, преподавала вокал и красным кавалеристам, а в Риге трудилась учительницей пения в русской основной школе в Московском предместье (о своей бабушке княжне Потемкиной недавно в передаче радио «Классика» вспоминал известный латышский дирижер А. А. Вилюманис).

Во все времена Россия была непревзойденной кузницей кадров для Северо-Западной окраины (или, ранее, Остзейских провинций Российской империи). Если бы не революционные события 1917 г., не Гражданская война, сотни латышей, оказавшихся в столицах России во время учебы в вузах или во «времена беженцев» в 1915–1916 гг., вероятно, никогда не вернулись бы на свою малую родину. Примадонной Тифлисской оперы была Елена Цинк-Берзинская (в 20-30-е гг. в Риге она не раз становилась сценической партнершей Шаляпина). Оказавшись в 1921 г. в теплой дружеской компании латышских певцов — солистов ЛНО, Федор Иванович был изумлен, что все свободно говорят и поют по-русски, имеют немалый русский репертуар, еще недавно учились и работали в России.

А профессор Латвийской консерватории Я. Я. Карклинь около 60 раз выходил на сцену Частной оперы С. Мамонтова вместе с Шаляпиным, сотрудничал в поволжских газетах, издавал учебники по теории музыки на русском языке, бережно хранил фотоснимок с дарственной надписью Федора Ивановича: «Дорогому другу Якову Карклиню...». Последний преподавал в консерватории и

Ю. В. Глаголеву, как и прибывший подростком в Латвию из голодающего Петербурга В. Зост; выжил он на хуторе у родных гувернантки-латышки, овладел латышским языком; окончив консерваторию, стал пианистом, профессором, также преподавал Глаголеву, всем студентам советовал ходить в оперу «на Шаляпина»; мы издали альбом его шаржей на знаменитых деятелей искусства из довоенного журнала «Атпута» («Отдых»). В Музыкальной академии есть мемориальный класс профессора В. Зоста.

Латышской интеллигенции явно не хватало, и русские «спецы» занимали видные штатные должности: в ЛУ преподавал проф. В. И. Синайский, в Рабочем театра ставил ряд пьес Ю. Юровский. Юных арфисток в консерватории обучала В. Л. Качалова. До революции их семья (частица старинной дворянской фамилии) жила в Швейцарии, затем переехала в Ригу. Брат арфистки Н. Л. Качалов стал пианистом, а в годы войны, уговорив немецкого майора, спас орган Домского собора.

В городе на Неве жили предки художника Е. Е. Климова (1901, Митава — 1990, Канада), ставшего директором Художественного музея Латвии.

Уроженка Петербурга О. Е. Бенуа училась в Академии художеств Латвии, ее мать была певицей; в годы войны студентка работала в Юрмале в приюте для сирот из Освеи (затем Бенуа и Качаловых выслали в Сибирь, выжили не все).

В хоре оперы также было множество русских певцов и певиц, отнюдь не случайно рижский хор в 1928 г. гастролировал с Шаляпиным в Берлине, а отдельных солистов ЛНО всемирно известный артист приглашал на свои гастролы в Барселону и Париж (напротив, из Парижа в Ригу перебрались сценические партнеры Шаляпина Г. Коршу-

нов и его супруга Дэстерк, преподававшая вокал в Латвийской консерватории). По-русски говорили едва ли не все балерины ЛНО, начиная с юных дарований Веры Лихачевой (дочери видного юриста и литератора П. Н. Якоби) и Ванды Гроссен (дочери видного журналиста, мемуариста Г. Гроссена). Первая прожила долгую жизнь, не столь давно упокоилась в Брюсселе.

По-русски с Шаляпиным общались и официантки популярного рижского ресторана «Отто Шварц», многие слушали его в театрах Петербурга и Москвы и даже сами обучались вокалу. Федор Иванович сдержал слово и прислал «девушкам Отто Шварца» из Парижа десятка три своих снимков с автографом.

Останавливался артист в гостинице «Метрополь», в номере 46 (в начале века здесь жил его друг А. М. Горький, знакомая которого (а затем жена) М. Ф. Андреева блистала на сцене II городского (русского) театра в его пьесах; сюда к нему приходили П. М. Пильский и молодой поэт Н. Истомин, артисты-гастролеры В. Гайдаров и О. Гзовская, художники-академики, композитор О. Строк и другие рижские знакомые). Здесь Федор Иванович в начале 30-х неожиданно столкнулся в дверях с Л. В. Собиновым и дружески заговорил с ним, по своему обыкновению в эмиграции, так, как будто виделся с ним вчера (видимо, Леонид Витальевич и шел в гости к Шаляпину).

Встреч было множество, артист подчас приподнимал шляпу, кивал или слегка кланялся. Мария Валентиновна, уроженка Лифляндии, порою спрашивала мужа, кто это с ним поздоровался, на что Федор Иванович искренне отвечал: «Не знаю». Кланялся, дабы ненароком не обидеть «уважаемую публику» — местных жителей и рос-

сийских эмигрантов. В Москву дочери Ирине из Ковно он писал, что все напоминает Россию, все говорят по-русски. Так же было в Латвии — от гостиницы до театра, от ресторана до булочной, где Шаляпин договорился об отправке ему авиапосылками в Париж буханок рижского черного хлеба...

Говорят, в Риге столь русский душою артист даже ходил мыться в русскую баню. Мечтал построить себе баньку в Париже, а когда друг, художник К. Коровин спрашивал, где он возьмет лес для строительства, Федор Иванович отвечал, что выпишет из Риги. Не раз говорил, что хотел бы прикупить землю, усадьбу у реки или у озера в Латвии или Литве, ближе к России.

Встречался артист и с бывшим председателем Московского отделения РМО (затем сопредседателем, вместе с Собиновым) генерал-лейтенантом в отставке, бароном И. Нолькеном, с начала 20-х годов работавшим в рижских газетах, автором романов о жизни переломных лет, начиная с книги «В курляндском замке» (к эмигрировавшему в Латвию генералу Верину приезжают из Советской России жена и дочь; изображены и мародеры-бермондтовцы, грабящие дворцы; в ноябре 1919 г. возникла угроза, что полчища германского ставленника «князя» Бермондта-Авалова возьмут Ригу; проиграв войну, немцы хотели создать Балтийское герцогство, но их полчища разбила латышские стрелки, в числе которых был и мой дед Макс Янович Тенис, лежавший в то время в госпитале; после изгнания «Черного рыцаря» он отправился в Москву к своему полку, несшему охрану Кремля; вспоминал, что Ленин любил заговаривать со стоявшими на часах стрелками, беседовал и с ним у дверей своего кабинета

та; Гражданская война для них закончилась в 1920 г. в Севастополе, где он остался, не желая возвращаться к «серым баронам»). И. Нолькен оставил воспоминания о работе в РМО, Шаляпине, режиссере К. Н. Незлобине, имевшем театральные труппы в Москве, Риге и Двинске (погребен на Ивановском кладбище).

Там же покоятся многие работники, художники фарфоро-фаянсового производства братьев Кузнецовых. «Кузнецовка» была своего рода русской слободой на Москвачке, ее хозяева открыто говорили, что стремятся трудоустроить русских людей, не только местных, но и беженцев, лишенцев. На «кузнецовке» имелись православная церковь, стадион, жилые дома для работников. Молодые рабочие и художницы состояли в спортивном обществе «Русский Сокол», занимались гимнастикой, играли в футбол (в Риге стяжали славу спортобщества «Богатырь» и «Кружок»), ежегодно участвовали в Пушкинском дне или Днях русской культуры.

Жившие в Риге литераторы из Петербурга вспоминали, что именно на берегах Невы еще при жизни Блока видные литераторы провели Пушкинские чтения. Несколько лет спустя (в год 125-летия со дня рождения поэта) Пушкинский день отпраздновали в Эстонии, а в 1925-м он уже широко отмечался в зарубежье. В русской прессе до 1940 года увидели свет сотни публикацией о Пушкине (недавно они были собраны в двухтомнике «Пушкин в русском зарубежье». Рига, 2017).

Особенно широка география ДРК была в 1937 году, когда все русское зарубежье отмечало 100-летнюю годовщину со дня кончины А. С. Пушкина. Расписные тарелки с сюжетами пушкинских сказок, бюсты, барельефы, меда-

ли, книжные издания, оперные и драматические спектакли, инсценировки сказок в театрах и школах, чтения, поэтические посвящения памяти Пушкина, концерты, вечера романсов и т. п. — от Москвы и Ленинграда до Парижа, Лондона и Нью-Йорка — все это патриотично отражено во множестве номеров «Сегодня» и других газет и журналов (занимаясь с конца 70-х годов в рижских спецхранах русской периодикой, я составил для себя списки периодики как с 1816 г., «Российского еженедельного издания в Риге», до 1917 г., так и с 1918 до 1944 г.). Библиография свидетельствует о том, что за полтора века в Латвии вышло более 300 русских газет и 150 журналов. На страницах «Сегодня» особенно много публикаций о Пушкине сделал плодовитый и «всеядный» сотрудник П. М. Пильский, писавший о выставках 1937 г., спектаклях, книгах, концертах.

Тематическая библиография — как по темам, например, виды искусства, антиквариат и антиквары, так и по именам (кстати, у Ю. И. Абызова в 4-томнике и др. изданиях отмечена лишь малая толика публикаций о А. С. Пушкине, Д. А. Смирнове, Л. В. Собинове, М. Б. Черкасской, М. А. Чехове, Ф. И. Шаляпине, артистах и спектаклях русского драмтеатра и многих других) дает возможность исследователю подготавливать книги о любом деятеле русской культуры межвоенного периода, его вкладе в наследие русского зарубежья.

В конце 80-х в Ленинграде мне довелось посетить вернувшуюся из Парижа поэтессу, ученицу Н. С. Гумилева, жену поэта Г. В. Иванова, уроженку Риги Ирину Одоевцеву (в предоставленной ей квартире на ул. Герцена, 13). Изумила ее ясная память, четко сохранившая реалии до-

революционной и довоенной Риги, Петербурга 1915–20-х годов. «В городе на Неве я голодала, но там было море поэзии, а в Риге и Париже были шубы, роскошная квартира, вилла в Биаррице (пока был жив щедрый отец, рижский юрист и домоуправляющий. — С. Ж.), но французам были чужды наши литературные увлечения, у всех у них были свои мелочные интересы, какая-то узость взглядов, внутреннего мира».

На подаренной мне фотографии пленительно молодая И. Одоевцева снята на пороге фешенебельного дома с двумя поджарыми породистыми собаками, в легком летнем платье, как бы готовая взлететь подобно Музе. Однако после смерти отца Г. Т. Гейнике в начале 30-х годов и в ее жизни многое изменилось. Вновь началась полоса жизни впроголодь с распродажей шуб и вещей, в годы войны в ее дом на курорте попала бомба, средств не хватало... До войны в Париже ее навестил Игорь Северянин, откровенно поделился своими горестями, говорил, что стихи читать некому — вокруг в Тойла эстонцы; плыву, мол, ночью по озеру на лодке и читаю звездам... Примерно то же говорил о поэзии И. А. Бунин: мол, кому теперь в Париже читать стихи; стихи писать бросил...

А в Риге на углу улиц Пушкина и Гоголя доживает свой век тот самый доходный дом, где жила юная И. Одоевцева. Рижский меценат, попытавшийся было восстановить историческое здание, говорил мне, что банки теперь не хотят давать кредиты на строительство, реставрацию (видимо, нелегко распродать квартиры). О мемориальной доске речь пока не идет.

Характерно, что если после октября 1917 г. И. Бунин, Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Шмелев, Л. Муншгейн

(Lolo — даже в стихах о Шаляпине) и другие литераторы-эмигранты открыто выражали неприязнь к «окаянным дням», большевицкому террору, кровавым злодеяниям ЧК, расстрелам без суда и следствия, вообще к стране «за чертополохом» с узниками на Соловках, то со временем «неизжитая эмигрантская злоба» затихает, тем более что между странами Запада и СССР были заключены договоры о торговле и сотрудничестве, власти Латвии, полиция безопасности отнюдь не поддерживали монархистов и бывших белогвардейцев; сотрудничество с РОВС (белоземлигрантским Российским общевоинским союзом в Париже) его агентам приходилось поддерживать нелегально. Жившие до войны в Латгалии ветераны войны рассказывали мне, что по линии РОВС проводились разные акции против страны Советов: подкладывались в поезда антисоветские листовки, латвийско-советскую границу переходили диверсанты, террористы, шпионы.

Напротив, по линии Коминтерна прибывали связанные с советскими газетами и брошюрами и т. д., советские издания читали даже некоторые школьники. Директор резекненской гимназии Тутышкин, найдя в парте запрещенную «Правду», тряс виновного и шептал: «Хочешь, чтобы русскую школу закрыли?!» В его словах была огромная доля правды, так как после переворота К. Улманиса, роспуска Сейма и запрета партий были закрыты многие русские школы, в том числе гимназия О. Н. Лишиной на ул. Дзирнаву, 46 (где училась и дочь Собинова Светлана, впоследствии режиссер), белорусская гимназия в Даугавпилсе.

Редактор газеты «Двинский голос» («Наш Даугавпилский голос») А. И. Формаков до революции учился в

вузе в Петербурге, посетив Москву и Ленинград в начале 30-х годов, он издал роман «Фаина» (замечательно в нем заинтересованное отношение к новой, советской жизни, описание квартиры-музея Пушкина на Мойке, 12, встречи с девушкой Фаиной на могиле автора поэмы «Двенадцать», его раздумья, цитируя И. Северянина, «о девушке, не позабывшей Блока», и советской молодежи). Журналист, поэт и просветитель Формаков, по его признанию, любил также поэзию В. Маяковского и С. Есенина (но в 1940 и 1949 гг. он был репрессирован, в лагере познакомился с А. И. Солженициным). После войны переводил латышскую поэзию.

До войны в Латвии действовали десятки русских обществ, имелись библиотеки, спортивные общества, постоянный театр (порой даже несколько театров), О. В. Гзовская называла Ригу самым театральным городом, способным принять сразу Шаляпина, М. Чехова, М. Рейнгардта (а также их с В. Гайдаровым).

А в связи с русским бизнесом напомним, что на Центральном рынке и теперь стоят «красные амбары», построенные купцами Мухиными — родней скульптора В. И. Мухиной (ее двоюродная сестра Н. И. Мухина была женой Л. В. Собинова; немалые средства она получала от управляющего ее рижской недвижимостью Карла Ивановича). На улице Тургенева сохранился дом Мухиных, где долгое время усилиями общественника В. И. Грецова существовал музей В. И. Мухиной (Виктор Иванович говорил мне, что Вера Игнатьевна также имела в Риге недвижимость на огромную для 30-х гг. сумму в 2 млн долларов США, от которой она, пребывая в Риге, вроде бы отказалась, дабы не впасть в немилость в Москве; однако в 90-е гг. стало из-

вестно, что наследниками «выморочной» недвижимости являются сын скульптора и его потомки).

В довоенной Латвии нередко менялся политический режим. В 1921 г., во время первого выезда Шаляпина на Запад, русская буржуазно-демократическая пресса не раз злобно «покусывала» знаменитого артиста, собиравшего вместе с левыми профсоюзами Латвии средства для помощи голодающим Поволжья, называла его «большевиком Шаляпиным», клеветала, извещая, что певец на народный сбор приобрел виллу на Рижском взморье (приводилась и сумма свыше миллиона латвийских рублей). Однако большая часть публикаций объективно освещала гастроли «всемирного артиста» (но совершенно иначе было в 30-е гг. в Китае, где Федор Иванович ощутил профашистский дух «правых», черносотенно-монархических русских организаций, о чем в гостинице поведал А. Н. Вертинскому, и поспешил покинуть страну; исполнителю «Дубинушки» претило, что ему, кого до революции поклонники оперы именовали Царь-басом, некоторые ретивые соотечественники безрассудно твердили: «Теперь вы наш единственный царь!»).

В Риге, в отличие от Берлина (где проживал пресловутый Бермондт-Авалов, создававший русскую фашистскую партию) и Парижа с монархическими кругами и РОВСом, о монархистах и белогвардейцах в 20-30-е гг. не было ни слуху, ни духу. В периодике русские «правые» себя никак не проявили. Раскол на правых и левых (леви-занствующих, в терминологии членов КПЛ тех лет) имел место только в спортивном обществе «Русский Сокол». Вероятно, более левым было не по душе то, что во главе организации стоит бывший царский и белый морской офицер,

якобы бывший колчаковец Н. Н. Лишин, брат директора женской гимназии О. Н. Лишиной. Отколовшаяся часть назвалась «Русской Сокольной», о чем мне поведал бывший «сокол» Р. Д. Маслов-Беринг, потомок дворянского рода Масловых и адмирала В. Беринга, в перезахоронении которого в 90-е годы ему довелось участвовать (показал он и видеофильм). А дворянские предки его супруги были декабристами и народовольцами, «левыми» XIX в. (сохранились даже семейные реликвии: миниатюрный «Евгений Онегин» на папиросной бумаге, тюремная ложка с выгравированной надписью и др.). Вскоре недоразумение утряслось, «русские соколы» опять слетелись воедино. Помимо спорта, они совершали «вылеты» на природу, убирали братские могилы русских воинов Великой войны в Икшките, Огре, Юрмале, устраивали концерты, спектакли, вечера к юбилеям Пушкина, Лермонтова, Тургенева и других классиков, поминали русских композиторов (а Н. Н. Лишин в числе других стал жертвой репрессий 1940/41 года).

В русской общине довоенной Латвии не ощущалось особой борьбы сторонников революции и сил реакции, контрреволюции. Хотя в 1931-32 гг. выходил левый легальный журнал «Норд-Ост», выступавший за сближение с СССР, против угрозы войны и фашизма, броскими были многие стихи, рецензии на книги поэтов-эмигрантов, графика (см. мою книгу «Норд-Ост» предвещал бурю»). Журнал был закрыт на 20-м номере, но в 1933 г. нордостовцы издали сборник стихов «Навстречу времени» (профессор ЛУ, историк П. Я. Крупников говорил мне, что почти весь тираж, 400 экз., ему пришлось сжечь, так как позвонили «свои люди» и сообщили, что полиция нагрянет изымать

книги). Н. Истомин выпустил газету «Поворот», направленную против антисоветских «уток» «Сегодня»; издание после скандала тут же запретили, один из журналистов был выслан из Латвии.

Редактор-издатель выпускавшейся в Латгалии «Газеты для всех», потомок дворянского рода Ю. С. Ржевский популяризировал русскую классику, Пушкина, публиковал стихи и прозу советских авторов, писал о Первой мировой войне, не раз вспоминал и своих предков (одна Ржевская была прабабкой Пушкина, другая одной из первых в России женщин-писательниц; после революции родня жила в Петрограде; ныне в Латвии проживает молодая поэтесса Ксения Ржевская). Когда в 1940 г. «Сегодня» и прочую «буржуазную» прессу прикрыли, редактором «Латгальской правды» был назначен Ю. С. Ржевский.

Можно назвать целый ряд дворянских фамилий, носители которых после революции вернулись в Латвию и проживали в своих усадьбах, особенно в Латгалии. Это были А. Фрейганг и ее муж Д. С. Гумилев, брат поэта, пострадавший в мировой войне офицер (он лечился в клинике на Александровских высотах в Риге, где, видимо, и скончался; его вдова А. Фрейганг работала учительницей). Семейство Воцининых, состоявшее в родстве с Пушкиным и поэтом, графом А. К. Толстым, в своем имении Лобворжи много раз давало приют академикам живописи Н. П. Богданову-Бельскому, С. А. Виноградову и др., летом наезжавшим в Латгалию на этюды.

Юная поэтесса Е. Вульфius, жившая в имении Сальново (Салнава), вспоминала о жизни в пореволюционном Петрограде, ее стихи печатались в журнале рижской Ломоносовской гимназии «Школьные годы» (там же печат-

тались участник гражданской войны, подающий надежды прозаик Л. Зуров, позднее уехавший в Париж по приглашению И. А. Бунина, поэт Н. Истомин и др. начинающие авторы).

В своих очерках о Латгалии писатель, генерал-майор Ю. И. Галич, с 1911 г. являвшийся начальником штаба крепости Усть-Двинск, участник мировой войны, упоминает еще немало поместий, где жили потомки русских дворян, например, генерал М. Афанасьев. После аграрной реформы им своим трудом пришлось «жить на земле», выполнять сельские работы — идеал графа Л. Н. Толстого о гармонии умственного и физического труда осуществился и... во многом остался неосуществимым.

Приехавшие в начале 20-х гг. в свое имение Борнсмюнде близ Рундальского дворца, на левом берегу реки Лиелупе, потомки владельцев братья Владимир и Дмитрий Шоппинги продали новохозяевам выделенные им по реформе 80 га земли и удалились. А светлейшему князю А. П. Ливену, создателю и командиру т. наз. «русского отряда», в 1918–1919 гг. участвовавшего в боях за освобождение Латвии (но пошедшего, в отличие от Бермондта, на соединение с генералом Юденичем на Петроград, где в бою князь был тяжело ранен), из майората досталось только Мазмежотне (тоже на левом берегу Лиелупе). Письма президенту ничего не дали, дворец и землю герою освободительной войны, союзнику Латвийской армии вернуть не удалось (приезжавшая в Ригу из Парижа потомок декабриста Д. Давыдова О. А. Давыдова-Дакс, побывавшая и в Сибири в местах ссылки декабристов, дала мне прочесть мемуары своего родственника барона Ливена, которого в 20-е гг. в Крыму местные крестьяне избрали... председате-

лем колхоза). Характерно, что юрист по образованию, выпускник Московского университета Анатолий Павлович категорически запрещал расстреливать пленных без суда и следствия, считая это военным преступлением. Ливен издавал журнал «Связь ливенцев и северозападников», выпустил брошюру «Памятка ливенца», публиковался в газетах «Сегодня» и «Слово», читал лекции, бывал на концертах; в Доме Черноголовых, после концерта певицы В. Бочковской, матери доцента ЛУ, поэта, почетного председателя РКЦ «Улей» В. В. Мирского, преклонив колена, вручил ей огромный букет роз. Упокоился А. П. Ливен на фамильном кладбище возле лютеранской церкви в Мезотне в 1938 г.

В 1937 г. в Дни памяти Пушкина лекцию о поэте в Доме Черноголовых прочел проф. И. А. Ильин — один из тех, кого в 1922 г. выслали из России на «философском пароходе» в Германию. Лекция была издана Русским академическим обществом в Риге. Читал рижанам лекции и проф. Н. Бердяев. До войны в Риге действовало и философское общество К. Ф. Жакова (упокоился философ-лимитист на Покровском кладбище, но позднее его прах был перенесен на родину, в Республику Коми; за могилой ухаживают). Активно работало в Риге и Рериховское общество, велась переписка с Н. К. Рерихом, издавались и распространялись его книги, проводились выставки работ, небольшого формата картины можно было выиграть в лотерею, приобрести на аукционе.

События 1917 — начала 20-х гг. нашли отражение в поэзии и прозе целого ряда заброшенных волной «великого взрыва» в Латвию (ближнее и дальнее зарубежье) их участников и очевидцев. Неизгладимые впечатления

у молодого офицера П. П. Булыгина (как и у парижского «казачьего Баяна» Н. Н. Туроверова) оставило участие в Ледяном походе, в Ливадийском дворце он был начальником охраны вдовствующей императрицы Марии Федоровны, отправился в Омск осуществить попытку освобождения царской семьи (нескольких его соратников в штатском схватили — выдала военная выправка). В газете «Сегодня» Булыгин публиковал очерки о расстреле царской семьи на основе материалов, собранных следователем Н. Соколовым; за границей вышла и брошюра на английском языке. Русскому офицеру довелось служить инструктором в армии абиссинского негуса. Судьба поэта и дни тяжелых испытаний, выпавших на долю России, отразились в посмертной книге стихов «Янтари», изданной его женой, рижской художницей А. Шишко. Скончался П. П. Булыгин в Парагвае, в старообрядческом поселении.

Бывший казачий есаул, участник I мировой войны А. М. Перфильев, вспоминая в стихах Петербург, Петергоф, Царское Село, выпустил в Риге три книги стихов, сотрудничал во множестве изданий с начала 20-х по 1944 г., чудом избежав ареста в 1940/41 году. В биографии он туманно вспоминает о двух арестах, побеге из петроградской тюрьмы под угрозой расстрела (был арестован как «золотопогонник»). Как и у «казачьего Есенина» Туроверова, у Перфильева в стихах о России и о любимой проскальзывают подкупающие искренностью и лиричностью есенинские тональности. В 1933–1939 гг. поэт и прозаик сотрудничал в журнале «Для Вас», печатал получаемые редакцией стихи, отвечал авторам в «Почтовом ящике» (огромным плюсом рижских изданий было то, что в них, как и в «Сегодня», имели возможность публиковать-

ся авторы из русского зарубежья; получился своего рода культурно-исторический «срез» литературной панорамы 20-30-х гг.).

Рассказ о судьбах соотечественников в Латвии, о роли 1917–1919 гг. в их жизни только начинается, хотя РКЦ «Улей» выпустил уже десятки книг данной тематики. Но следует хотя бы вкратце говорить правду и о трагическом. Едва не погибла из-за звучного псевдонима в застенках петроградской ЧК сценическая партнерша Шаляпина, красавица-певица З. Юрьевская (уроженка Юрьева-Тарту З. Ленкина). О пережитом напоминала седая прядка в ее волнистых волосах (позднее артистка покончила с собой: бросилась в Альпах с Чертова моста в ледяной поток). Гастролировала в Риге и Н. Плевицкая (на фронте, слушая ее пение, прекращали стрельбу белые и красные). Будучи женой генерала Скоблина, артистка была признана судом замешанной в дело о похищении в Париже главы РОВС; скончалась в тюрьме.

В декабре 1940 г. в Риге после вызова в «органы» и общения с чекистами покончил с собой герой Первой мировой войны, награжденный золотым оружием и орденами, генерал-майор, писатель Ю. И. Гончаренко-Галич (в начале века в Петербурге вышла его первая книга стихов, там он влюблялся, окончил военное училище, во многих романах и рассказах вспоминал город на Неве, где осталась его дочь; любимая жена умерла от тифа). Наталья Юрьевна более 30 раз посещала могилу отца на Покровском кладбище, оставила воспоминания (Юрий Иванович блестяще рисовал для дочки лошадей, сам графически оформлял обложки своих книг образами кавалеристов). В мемуарах многих других эмигрантов, напр.,

Б. А. Энгельгардта, также воскресает образ блистательного Санкт-Петербурга.

К 300-летию града Петрова «Улей» издал сборник стихов «Поэты Риги — Санкт-Петербургу» (его получили в дар многие соотечественники на конференциях Международной ассоциации «Русский мир» в Шуваловском дворце). Засим ставим многоточие... Ибо тема ждет продолжения.

***Сергей Журавлев** — председатель Русского культурного центра «Улей», член Союза писателей Латвии, академик, лауреат премии Петровской академии наук и искусств, кавалер Пушкинской медали «Ревнителю просвещения». Живет в г. Риге (Латвия).*

Фотография. Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Петроград, март, 1917.
К выставке «Великий Октябрь».

Место и время события: г. Петроград, 1917 г.
Пост. в из Центрального музея Революции СССР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Михаил ТЮРИН

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Торжество правды о Клименте Ивановиче Дыдорова

То, что произошло вокруг возрождения имени Дыдорова, иначе как чудом не назовешь. Несомненно, заслуживают внимания и повествования те люди, которых Господь сподобил внести свой определенный вклад в сохранение доброй памяти об одном из замечательных русских офицеров начала XX века.

Признаться, автор этого очерка окунулся в историю белой армии начала XX века совсем недавно, буквально до сентября ни сном, ни духом не ведал, какой увлекательной окажется «белая» тема и биографическая история Климента Ивановича Дыдорова. Итак, 14 сентября 2012 года в 16 часов на Покровском кладбище я оказался среди группы примерно в 20 человек неравнодушных к историческому прошлому. Неподалеку от Братской могилы павших русских воинов в период I мировой войны происходило поминание Климента Ивановича Дыдорова, русского полковника, участника Белого движения. Половина его жизненного пути была связана с Латвией и Эсто-

нией. Отец Олег (Пелевин) совершил панихиду и в своей речи заметил, что Климент Иванович сражался также за веру в бессмертие души, против которой боролась советская власть.

*Надгробная плита могилы Дыдорова К. И.
на Рижском Покровском кладбище. Фото автора*

В своем выступлении председатель Резекненской старообрядческой общины, депутат Сейма Владимир Никонов отметил основные жизненные вехи Дыдорова К. И.:

«Имя доблестного русского офицера не предано забвению. Климент Иванович Дыдоров родился в Петербурге. Окончил инженерное и юнкерское училище. После получил направление в Рижский пехотный полк. Награжден многими орденами, в том числе орденом св. князя Владимира 4-й степени. В конце 1918 года участвовал в формировании военных сил для защиты Риги от большевиков. Потом — гражданская война и переезд в Резекне. Здесь в Латгалии занялся электрификацией города, владел двумя электротехническими магазинами. Умер в 1938 году в возрасте чуть более 50 лет. Долгое время могила считалась утраченной. Сначала там находился лишь деревянный крест...»

На панихиде 14 сентября я познакомился с доброй женщиной Надеждой Ивановной Горбань, которая в подробностях рассказала о том, как же была обретена могила русского офицера. Хроника сего важного события, по словам Надежды Ивановны, была такова (для удобства разобьем ее на периоды):

1. 2004 год — Надежда Ивановна Горбань по прочтении книги С. Видякиной и С. Ковальчук «Покровское кладбище. Слава и забвение» озаботилась вопросом местонахождения могилы К. И. Дыдорова, который был сослуживцем ее отца в 5-й Ливенской дивизии Северо-Западной армии. Отец Надежды Ивановны — Петрухин Иван Петрович присутствовал на

отпевании светлейшего князя А. П. Ливена в 1937 году в рижском Александро-Невском храме. В книге о Покровском кладбище сообщалось лишь о том, что «могила не обозначена, рядом с братским захоронением солдат Первой мир. войны».

По сути, в тот момент в сердце Надежды Ивановны зажглась «звезда» надежды в возможность нахождения могилы Дыдорова К. И. и вера в исполнении этим обретением долга перед ее отцом-«ливенцем». Так начинался нелегкий путь поиска пропавшей святыни...

Пять лет стремлений ухватиться за что-либо ведущее к цели не увенчались успехом.

Обложка книги историка Зирин С. Г.

2. 2009 год — Надежда Ивановна со своим духовным отцом игуменом Евгением едет в Печоры на похороны матушки Нины — матери о. Евгения. Зная о том, что псковский историк Константин Петрович Обозный был духовным сыном о. Павла Адельгейма (и в надежде на возможное знакомство Обозного с дочерью Дыдорова), после похорон отправились во Псков. 15 октября о. Павел связывается с К. Обозным, а тот в свою очередь — с историком, специалистом по белой армии Сергеем Геннадьевичем Зириным из Кингисеппа (бывшего Ямбурга). Далее Обозный К. сообщил, что Зирин С. Г. отправил запрос в Бразилию, где проживала дочь Галина Климентовна Дыдорова.

Наконец-то 3 ноября было получено письмо от Зиринна С. Г. с электронным почтовым адресом дочери Дыдорова и с согласием Галины Климентовны на переписку. С тех пор завязалась непрерывная и душевная переписка между дочерьми офицеров Ливенской дивизии — рижанкой Надеждой Ивановной Горбань (Петрухиной) и Галиной Климентовной Феофиловой (Дыдоровой). В одном из писем от 21 декабря 2009 года, удивляясь Божественному промыслу, Галина Климентовна спросила: «А теперь лишь один вопрос: Кто этот священник во Пскове, который нас свел?»

3. 2010 год приблизил скрытую до сих пор тайну захоронения полковника Дыдорова.

В феврале, как бы предвосхищая грядущие знаменательные события, Галина Климентовна пишет: «Мне дорога память о моем отце, молитва о упокоении его души в месте светлее, злачнее, покойнее идеже все праведные упокоятся. Господи помилуй. Тело его предаю в руки Твои, Боже!»

В марте Галина Климентовна из Сан-Паулу прислала Надежде Ивановне две старые фотографии с изображением могилы отца на Покровском кладбище. На них еще видны были горы свежих цветов. «Среди немногих сохранившихся старых фотографий сделала для Вас копию могилы папы в день похорон. Весь же альбомчик с десятками снимков пропал при бегстве» (из письма Галины Климентовны Надежде Ивановне Горбань). И как только сошел снег, в мае Надежда Ивановна устремилась на кладбище, чтобы по снимкам попробовать сориентироваться на месте и установить место могилы. В присутствии управляющего Покровским кладбищем Виктора Смирнова по бразильским снимкам и была установлена максимально точно могила полковника Дыдорова К. И.

Сравнение снимка Галины Климентовны; на дальнем плане — склеп рижской семьи Немцова. Фото Трубецкого Д. И.

*Сравнение снимка Галины Климентовны;
на дальнем плане — Братская могила павших воинов
в Первую Мировую войну. Фото Трубецкого Д. И.*

Тогда предполагалось восстановить крест и надгробие. Деятельное участие в обустройстве захоронения принимали как Виктор Смирнов, так и Светлана Видякина.

28 мая в Риге проходила старообрядческая конференция, на которой Надежда Ивановна лично познакомилась с Владимиром Владимировичем Никоновым и оттуда привезла его на Покровское. При управляющем Смирнове В. и Владимире Александровиче Ивине еще раз удостоверились в месторасположении могилы Дыдорова. Ориентирами здесь послужили Братская могила Первой Мировой войны и склеп Немцова. Все это делалось для того лишь, чтобы успеть обрдовать еще здравствующую

90-летнюю дочь Дыдорова — Галину Климентовну! И вот в ноябре 2010 года на могиле полковника белой армии долгожданный крест (который нашла и выбрала Светлана Видякина) и надгробие.

Крест, надгробие и плита на могиле Дыдорова К. И. — «Правда восторжествовала!». Фото Трубецкого Д. И.

Летом же 2012 года завершилось оформление могилы Дыдорова. В июне Надежде Ивановне из бразильского г. Сан-Паулу протоиерей Константин Бусыгин, настоятель Свято-Николаевского храма, прислал металлическую пластину с изображением шеврона Северо-Западной армии в терновом венке. Этот стилизованный знак-шеvron и лег в основу мраморной плиты, созданной Никоновым В. в Резекне.

Пластина со стилизованным шевроном Северо-Западной армии из г. Сан-Паулу. Фото Ивина В. А.

Обретение места захоронения полковника Дыдорова шло тернистым путем примерно в 10 лет. Но эта «десятилетка» поисков сплотила вокруг себя и установила связи между многими людьми, соединила даже континенты, а также эпохи и души.

Надо сказать, что все помнящие дело русских офицеров в Латвии чествуют 22 мая особенно. Потомки белогвардейских эмигрантов в этот исторически важный день во всех концах света заказывают панихиды и молятся за всех убиенных и усопших воинов, положивших жизнь, в том числе и за независимую 1-ю Латвийскую Республику. Именно день 22 мая, когда дружно сражались латыши и русские, вполне мог бы стать официальным праздничным днем Риги и Латвии и положить начало новым дружественным отношениям между русским и латышским народами. Надо только не забывать этих страниц новейшей истории Латвии, писать об этом в школьных учебниках.

Дыдоров Климент Иванович

Приоткроем страницы жизни русского офицера, познакомимся ближе с военным деятелем первых десятилетий XX века Климентом Ивановичем Дыдоровым. Родился Дыдоров К. И. 5 февраля 1886 года в Санкт-Петербурге. «Начал работать как химик на текстильной фабрике, где служил его отец и братья» (из писем дочери полковника Дыдорова — Галины Климентовны Феофиловой к Надежде Ивановне Горбань; далее — из писем Галины Климентовны). Образование получил в Императорском техническом училище. В 1908 году окончил Владимирское военное училище (юнкерское). В училище дослужился до звания подпоручика и был приписан в 177-й пехотный Изборский полк. «Его Изборский полк какое-то время стоял в Риге, где он познакомился с мамой (будущей супругой. — М. Т.) Гертой Карловной Зейберлих. В ноябре 1912 года родители венчались в Александро-Невской церкви в Риге. Вскоре полк был переброшен в Пензу» (из писем Галины Климентовны). С начала Первой мировой войны Дыдоров воюет на фронте. В феврале 1918 после расформирования дивизии в Ярославле он добирается через Москву в Ригу. По приезде Дыдоров начал формировать антибольшевистские части.

В конце октября 1918 года Климент Иванович организует добровольческий отряд в Риге для борьбы с большевиками. Эти действия в немалой степени способствовали возникновению как латвийской армии, так и самой суверенной Латвии на карте Европы. Началось формирование Балтийского ландесвера (ополчения). В его создании принимали участие ротмистр светлейший князь Анатолий Ливен и капитан Климент Дыдоров. 15 ноября 1918 года на-

кануне провозглашения независимости Латвии началось формирование Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русско-сводная рота (капитан К. И. Дыдорев). Климент Иванович в своих записях об этом отряде писал: «Командование Рижским отрядом в первые дни было коллективным. Приказы подписывались четырьмя представителями, по одному от латышей, немцев и одним поляком от других национальностей». В благодарность латвийское правительство обещало права гражданства всем участникам освобождения Латвии. Уже в январе 1919 года рота Дыдорова вошла в Либавский добровольческий стрелковый отряд во главе с светлейшим князем А. П. Ливеном и вскоре начала взаимодействовать с будущими национальными героями — Оскаром Калпаком, Янисом Балодисом. Вспоминая в одном из писем о январских событиях 1919 года, Дыдорев писал: «Дрались здорово. Шли ва-банк и таким образом дошли до Риги, где были 22 мая, и пошли дальше».

Из Елгавы (Митавы) началось наступление на Ригу, и 22 мая 1919 года русский отряд светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена и латышский полк Балодиса совместно с немецкими частями освободили Ригу от красных. Климент Иванович писал о тех тревожных днях: «Большинство русских людей Латвии сознает свои национальные услуги, оказанные своему второму отечеству, но есть среди нас и такие, которые, величая себя «рижанами», до сего дня не знают, в чем же заслуга русских людей в деле освобождения Латвии и ... Риги от большевиков». Климент Иванович, вспоминая стремительное взятие и освобождение Риги от красных, отметил заслугу прапорщика Елисеева, который вышел с

частями ландесвера через болото в тыл большевиков. Не будь этих и подобных подвигов, «вряд ли нам так быстро удалось бы быть в Риге, а раз так, то большевики считались бы с заложниками и мы многих бы еще недосчитались, даже из тех, кто сегодня здесь», — говорил полковник Дыдоров.

Светлейший князь Анатолий Ливен, отказавшийся в апреле 1919 года возглавить латвийское правительство по указке немцев, также был убежден и свято верил: «Если Латвия была освобождена от красных и таким образом утвердила свою независимость, то это только благодаря сотрудничеству всех населяющих ее национальностей, и только мирное сотрудничество населяющих ее национальностей гарантирует дальнейшее процветание страны» (из книги Олега Пухляка «100 русских портретов в истории Латвии», Рига: D. V. I. N. A., 2008, с. 137).

Строго говоря, у половины населения бывшей империи было два пути: бежать подальше от всепожирающих жерновов революции или сражаться с большевизмом. Белое движение в Прибалтике оказалось зажатым и зависимым от трех или даже четырех сил и их политических интересов. Главными игроками здесь в Латвии были Германия, Англия и Франция, а в Эстонии еще и Финляндия, не говоря уже о латышском и эстонском национальном движении. Кстати, именно за распределения сфер влияния крупных держав в истории Латвии был период троевластия. На территории Латвии образовались: правительство Карлиса Ульманиса, расположившееся на теплоходе «Саратов» под охраной английских и французских военных в Балтийском море; прогерманское правительство пастора Андриевса Ниедры (с 10 мая по 29 июня 1919 года) и совет-

ская социалистическое власть (с декабря 1918 по январь 1920 года) под председательством Петра Стучки. Командир белого отряда светлейший князь А. П. Ливен вспоминал: «Впечатление при взятии Риги от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском режиме, о терроре и лишениях превосходили все, что проникало до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. Ко всем бедствиям присоединились форменный голод и эпидемия тифа. На фоне всеобщего бедствия ярко выделялась картина праздника в дворянском доме по поводу свадьбы дочери главного комиссара Стучки. Масса гостей съехались по этому поводу со всех концов России, и, говорят, никогда еще и нигде, ни в одном зале не видано было такого ослепительного количества дорогих камней и драгоценностей, как на гостях товарища Стучки».

Дыдоров принимал деятельное участие, к глубокому сожалению, в неудачном наступлении (не поддержали финны и эстонцы, суетились и вели закулисные игры англичане) главнокомандующего Северо-Западной белой армии генерала Николая Юденича на Петроград. А ведь армии Юденича до Петрограда оставалось всего 20 км! Какие же силы мешали разгрому большевиков в революционном Петрограде? Во-первых, наступление Северо-Западной армии не поддержала Финляндия; во-вторых, генерал Юденич находился в полной денежной и военной зависимости от «союзников» и, в-третьих, Юденич, как пишет командир 5-й пехотной (Ливенской) дивизии светлейший князь Анатолий Ливен, «всецело зависел от эстонцев, обозленных тем, что русское пра-

вительство имени Колчака не желало признать их независимости».

«Значительную роль во время героического наступления на Петроград сыграли ливенцы под командованием Дыдорова, руководимого и направляемого больным (после тяжелого ранения в боях у Ропажы. — М. Т.), но не вышедшим в отставку князем (Анатолием Павловичем Ливеном)», — сообщает в письмах дочь Дыдорова Галина Климентовна Феофилова. Сам светлейший князь А. П. Ливен в мемуарах дал следующую характеристику новому командиру (с 24 мая по 20 ноября 1919 года) «ливенцов»: «Исполняющим должность начальника дивизии, ввиду моего состояния здоровья, назначен был полковник Дыдоров, беззаветно храбрый, преданный своему делу, безупречной честности офицер, пользовавшийся искренним доверием всех чинов отряда». К сожалению, под предлогом разворачивания в дивизию у отряда отобрали броневик, две гаубицы, шесть легких орудий и аэроплан. А чуть позже пришлось отступить в Эстонию и расформироваться. 22 января 1920 года приказом по армии Н. Н. Юденича русская Северо-Западная армия была ликвидирована. Дыдоров остался в Тарту и помогал выбраться «ливенцам». По правде говоря, надо отметить неприглядную роль эстонцев в провале наступления на Петроград и уничтожении белой армии генерала Юденича, куда входили и «ливенцы». За больными солдатами не ухаживали, запрещали мыться в бане, отбирали продовольствие. Некоторых эстонцы выгоняли за пограничную проволоку и таким образом отдавали их в руки врагов — большевиков...

Климент Иванович о прошлом ужасе с горечью вспоминал: «Через границу (Эстонии) нас пропускали с

условием сдачи оружия. Под предлогом розыска оружия нас обыскивали... и брали все, что им нравилось. Северо-Западную армию послали в леса и болота на работу и поставили такие условия, что каждый бежал куда мог, лишь бы уйти вон из пределов своей бывшей союзницы Эстии, которой в свое время оказали очень большую помощь». В ноябре 1919 года Дыдоров выбывает из дивизии и нелегально живет в Нарве, где свирепствовал тиф. О тяжелой ситуации с остатками армии трогательно писал: «Я имел возможность оставить Эстию еще в январе 1920 года... но «удрать» от тех, кто со мною шел в опасные минуты боя, я не решился и вот остался среди тифа с женой для того лишь, во-первых, чтобы хоть словом, а иногда и делом кое-кому помочь, во-вторых, чтобы пробовать стучаться всюду и искать какого-нибудь выхода, и в-третьих, чтобы никто мне здесь, в Латвии, не смел бы сказать, что я их бросил».

В марте 1920 года Дыдоров был на Русском съезде в Ревеле (ныне — Таллин). Здесь в качестве товарища председателя он работает по улучшению положения русских, а по закрытии съезда в Юрьеве работал в Комитете эмигрантов. Позже в 1920 году русский офицер с семьей переезжает на жительство в латвийский город Режицу (Резекне). Семья владеет электротехническими магазинами, инсталлируют в городе освещение, проводят электричество в частных домах и ведет активную общественную жизнь. Интересный казус вспоминает Галина Климентовна: «Папа был старостой церкви, провел в церкви электричество, чем очень рассердил староверов». Исследователь Светлана Ковальчук пишет: «Полковник активно работал в резекненском Пушкинском обществе, состоял в Объеди-

нении ливенцев, поддерживал отношения с ветеранами Белого движения, обосновавшимися в Западной Европе, а с 1930 по 1936 год был постоянным корреспондентом журнала «Служба Связи Ливенцев и Северозападников»».

Умер Климент Иванович Дыдоров 10 марта 1938 года в Резекне. Похоронен в Риге на Покровском кладбище. Сегодня немногие помнят подвиг русских солдат и офицеров в лихие годы Гражданской войны, в годы образования национальных прибалтийских государств, но даже этого хватает, чтобы из народной исторической памяти не исчезли такие качества, как храбрость, благородство, честь и верность. Такие качества и силы души были и у офицера Климента Ивановича Дыдорова.

Михаил Тюрин — консультант книжного магазина «Янис Розе» в Риге. Живет в Риге (Латвия).

Фотография. Шествие революционных моряков, прибывших в Петроград в числе 13 тысяч балтийских моряков в период корниловского мятежа.

Место и время события: г. Петроград, август 1917 г.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Наталия КЕТНЕРЕ

ПЕТР БАЛЛОД — СВЯЩЕННИК, РЕВОЛЮЦИОНЕР, ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИК

В скромный одноэтажный дом на берегу Амура, на самой окраине Благовещенска, отделенной от города густым лесом, нарочный принес пакет и вручил его хозяину дома. Седой высокий старик с замиранием сердца взял пакет с государственной гербовой печатью, недоумевая, от кого может быть это послание. Все свои судебные дела в Санкт-Петербурге он давно уже закончил, жил он теперь тихо, почти замкнуто, наедине со своими книгами и рукописями. Он дрожащими руками открыл пакет, откуда со звоном на пол упала какая-то монета. Старик поднял монету, но это была не монета, а серебряная медаль, на одной стороне было написано «За храбрость», а на другой был изображен император Николай II. Старика затрясло, он схватился за сердце и заплакал. Это было все, что осталось на память о его сыне. В 1914 году он ушел на войну и пропал без вести, почти три года от него не было никаких вестей. Теперь из сопроводительного письма стало ясно, что он — Владимир сын Петра — умер в немец-

ком плену от сыпного тифа. Это был тяжелый удар для отца — Петра Баллода, но особенно жестоко было принимать эту медаль с изображением ненавистного ему императора. Это была последняя и самая болезненная пощечина от царского самодержавия, на борьбу с которым он положил свою жизнь, навсегда потерял свою семью и Родину.

Дед и отец

Бурная, богатая приключениями судьба революционера Петериса Балодиса, который в России был переименован в Петра Баллода, была предопределена судьбами его предков. Его дед Андрей Балодис был ярим противником немецких баронов, неутомимым проповедником, защитником крестьян, его отец Давид Балодис был таким же возмутителем спокойствия, за ним в православие перешли сотни тысяч латышей в надежде на благосклонность русского царя-батюшки.

В начале XIX века большая семья Балодисов жила при Большой усадьбе (Лиела Муйжа) в Мадлиенской волости (в то время Сиссегале).

Андрей Балодис принадлежал помещику Ханенфельду, который отличался особенно изуверским отношением к своим крепостным и проявлял поразительную изобретательность, придумывая пытки для них. Он часто приковывал своих крестьян, в том числе Андрея Балодиса, к позорному столбу.

В 1819 году в Лифляндии было отменено крепостное право, Андрей Балодис смог стать владельцем своего

*Лиела Муйжа в Мадлиене,
начало XX века*

дома, правда, после многих хлопот и козней барона Ханенфельда.

В эти же годы в Мадлиену проникает учение гернгутеров, а Андрей Балодис становится ярким приверженцем этой религиозной общины. Исторически гернгутерство восходит к религиозной секте «богемских братьев», возникшей в Богемии (Чехии) в середине XV века. Движение складывалось преимущественно из крестьян и ремесленников, а их учение было направлено против крепостного строя и господствующей религии.

За 35 лет служения проповедником гернгутеров, имея свое дело, Андрей Балодис к концу жизни стал зажиточным человеком, который надеялся оставить хорошее наследство своим сыновьям и дочерям. Но старший сын умирает, вслед за ним и отец.

Младшему сыну Давиду Балодису пришлось покинуть отчий дом. В 1840 году он переехал в Ригу, где занялся столярным делом и по-прежнему проводил собрания гернгутеров, которые вскоре по ложному доносу прикрыли. К собраниям гернгутеров, принявшим церковный характер, лютеранское духовенство относилось резко отрицательно. Тогда Балодис и с ним 120 членов общины обратились к рижскому епископу Филарету с просьбой присоединить их к православию, на что Преосвященный дал добро.

«Слух о присоединении Балодиса к православию быстро распространился между крестьянами, проник в трущобы, в леса и болота. Все заботы на время притихли и никаких других толков в народе не было, как о присоединении, или, как говорили латыши, о перекрещении Давида Балодиса. На дорогах, в корчмах слышали от всех одно и то же, от корчмарей, от приезжающих, от своих и чужих, что действительно присоединился Балодис, и многие нарочно ездили в Ригу, чтобы узнать правду от самого Балодиса, и узнавали, что действительно присоединился и «крест на груди носит и крестное знамение творит не так, как мы, всею рукою, а тремя перстами и не по-нашему, а прежде кладет на правое плечо, потом на левое, и икона в комнате и лампадка горит», — позже напишет православный священник — латыш Янис Лицис, тоже родом из

Мадлиены, который был убит в 1905 году в собственном доме выстрелом через окно, по одной из версий, по приказу немецких помещиков.

Под влиянием Давида Балодиса в православие перешло более 10 000 латышей, а в целом в 40-е годы XIX века — более 100 тысяч. В марте 1846 года Балодис первым из латышей был утвержден православным священником и послан в Ляудонский приход, где он оставался служить вплоть до своей смерти в 1864 году.

Студент Петр Баллод, 1861 г.

Из священников в атеисты

Петр Баллод (Петерис Балодис) родился 1 декабря 1839 года. Пример деда и отца несомненно указывал на одну стезю — стать, как и они, священником. Петр Баллод поступил в Рижскую духовную семинарию, где хорошо учился, ему легко давались языки. Но происходит нечто чрезвычайное: у юноши из семьи священников во время обучения в семинарии возникает резко отрицательное отношение к религии. Что именно там произошло, история умалчивает. В 1855 году по собственному прошению он был уволен из духовного звания.

Петр решил последовать примеру многих своих соплеменников и поступить в один из университетов Петербурга. Столица Российской империи открывала совсем другие горизонты для юноши из Лифляндии. В возрасте около 20 лет он покинул отчий дом, еще не зная, что никогда не вернется на родину. В 1856 году Баллод поступил сначала в Петербургскую Медико-хирургическую академию без стипендии, а в 1858 году начал учиться на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Студенческая жизнь в Петербурге началась для Баллода практически в нищете., поэтому он взялся (совместно с однокашником А. С. Фаминциным) за огромный труд — стал переводить трехтомное руководство по анатомии человека, составленное профессором Венского университета Иосифом Гиртлем, самый популярный в Европе учебник анатомии. Тысяча большеформатных страниц с очень специфическим немецким текстом, изобилующим латинскими терминами! Никаких специальных знаний, кроме

знания языка, у Баллода не было. Уже после ареста Баллода Фаминцин сумел издать книгу Гиртля, и в течение 15 лет это был основной учебник анатомии для студентов-медиков. Одного этого достаточно, чтобы имя Петра Баллода осталось в истории российской науки.

Петр испытывал серьезные материальные трудности, поэтому написал отцу, чтобы тот прислал ему денег. Давид Балодис из Ляудоны прислал ему крупную сумму — 600 рублей. Как выяснится позже, деньги он тратил не только на учебу, но и на свои общественные дела. Его увлекает учение социалистов-утопистов, он много читает, размышляет и становится все более убежденным материалистом и атеистом.

1861 год сделал Петербургский университет ареной политических баталий. Баллод стал активным участником протестных акций. В историю революционного движения он вошел своей нелегальной работой, особенно как организатор так называемой «Карманной типографии», в которой был напечатан или готовился к печати ряд революционных прокламаций. Очередной загадкой навсегда останется вопрос, откуда у бедного студента появились средства на оборудование типографии, покупку бумаги, причем жил он тогда уже на широкую ногу. Ведь не на отцовские 600 рублей можно все это себе позволить. На момент ареста у него было две меблированных квартиры, одну из которых он делил с известным критиком и публицистом Дмитрием Писаревым.

Журналист и историк Михаил Лемке (1872–1923) в 1906 году в Санкт-Петербурге опишет дело «Карманной типографии» в брошюре «Дело Писарева». В квартирах Баллода в разделенной на две части была обнаружена и

взята рукопись Дмитрия Писарева с резкой критикой брошюры Шедо-Ферроти. Это псевдоним барона Фиркса, в те годы он был агентом министерства финансов в Брюсселе. Именно там были изданы его брошюры на французском языке под названием “Lettre à M-r Herzen”, в которой он предлагал Герцену сотрудничать с царским правительством и призывал умерить критику власти. Писарев свою статью против Шедо-Ферроти рассчитывал опубликовать в журнале «Русское слово», но публикацию запретила цензура. Баллод предложил сделать это в его типографии. Писарев не сразу согласился на это предложение, но в конечном итоге его рецензия, переписанная заново, в еще более резком тоне критикующая самодержавие, все же была напечатана. Концовка статьи была не просто резкой, а уничтожающей:

«Посмотрите, русские люди, что делается вокруг нас, и подумайте, можем ли мы дольше терпеть насилие, прикрывающееся устарелой формой божественного права. Посмотрите, где наша литература, где народное образование, где все добрые начинания общества и молодежи. Придравшись к двум-трем случайным пожарам, правительство все поглотило; оно будет глотать все: деньги, идеи, людей, будет глотать до тех пор, пока масса проглоченного не разорвет это безобразное чудовище. Воскресные школы закрыты, народные читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею. Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами, как с непримиримыми врагами. Оно не ошибается: примирения нет. На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедно-

го народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать. Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».

Немудрено, что за эту статью Писарев, 23 лет от роду, был заточен в Петропавловскую крепость, где провел почти четыре года. Студент Петр Баллод, 24 лет, был осужден на каторжные работы на 15 лет на рудниках, без права возвращения в Санкт-Петербург, с лишением всех прав, после отбытия наказания «поселить в Сибири навсегда». Правда, Александр II своей резолюцией снизил срок каторги до 7 лет.

Жизнь на Александровских рудниках

20 ноября 1864 года государственный преступник Петр Давыдович Баллод был подвергнут гражданской казни у позорного столба в Петербурге, как в свое время у такого же столба стоял его дед — Андрей Балодис.

В Сибирь Баллод был отправлен закованным в ручные и ножные кандалы. Его приковали к телеге, на которой ехали жандармы. О тяготах пути из Петербурга в Забайкалье практически ничего неизвестно. Петр Баллод не любил писать, его воспоминаний и мемуаров сохранилось немного. Весной 1865 года он прибыл в Иркутск, а потом был направлен в Акатуйскую каторжную тюрьму.

Эта тюрьма вместе с Александровским заводом и другими тюрьмами входила в группу Нерчинской каторги. На этой каторге содержались декабристы, петрашевцы и многие другие революционеры второй половины XIX века. С 1864 по 1870 год здесь находился Николай Чернышевский.

К моменту прибытия Баллода на каторгу рудники были уже заброшены — руду было трудно увозить из этих далеких мест. Из Акатуйской тюрьмы Баллод летом 1868 года был переведен на Александровский завод, где раньше производилась выплавка свинцово-серебряной руды, но к началу 60-х годов этот завод был ликвидирован. К принудительным работам заключенные привлекались редко. Работа ограничивалась самообслуживанием — это была заготовка дров, топка печей, уборка помещений.

*Петр Баллод (сидит первый слева) с группой ссыльных.
70-е годы XIX века*

На каторге важную роль играл староста, которого выбирали из заключенных, также выбирались повар, хлебопек и лавочник. Как только Баллод прибыл на Александровский завод, его избрали старостой, который заведовал общественной кассой и распределением продуктов. Новый староста свою простую работу поставил на коммерческую основу и с невиданным доселе размахом.

У начальства удалось получить разрешение на обработку под огороды находившегося около тюрьмы пустыря, были выписаны из Москвы семена различных огородных культур, часть из которых была тогда еще прямой диковинкой в этих краях. Огород начал давать хорошие урожаи картофеля, капусты, свеклы, огурцов, моркови, брюквы, репы, лука, гороха. Имея свой огород и отходы от стола, обитатели-каторжане начали откармливать свиней. Из свинины делали даже колбасу и окорока как для себя, так и для продажи населению. В те времена в дефиците было мыло. Баллод прочитал в оригинале на немецком руководство по мыловарению, после нескольких неудачных опытов на протяжении нескольких дней и ночей добился хорошего результата. Кроме мыла, заключенные занялись также изготовлением сальных свечей, которые раскупались очень быстро.

После отбытия каторги 1871 году Петра Баллода направили на поселение в Илгинскую волость Верхоленского округа Иркутской области. Но поселение совсем не означало более легкой жизни. В суровых условиях в первые же годы погибали многие поселенцы. Баллод работал чернорабочим, грузчиком, при этом он перебивался с хлеба на воду, но могучий и крепкий организм выдерживал испытания.

В 1873 году Баллод получил разрешение отправиться на прииски Ленского золотопромышленного товарищества, расположенного в южной части Иркутской области. Поплыл он туда по реке Лене один на лодке, преодолевая длинный, более чем тысячекилометровый путь, не страшась подстерегающих его опасностей. Летом 1874 года он начал работать смотрителем разведочных (шурфовочных) работ.

Его поисковая работа продолжалась около 10 лет и охватила огромное пространство от реки Лены до станового хребта Охотского моря. Петр Баллод сыскал себе славу не только успешного первооткрывателя золота, но и гуманного начальника.

Имя Петра Баллода было популярным и в Якутии, и на Амуре. Известно оно было и в Петербурге, поскольку владельцы приисков, на которых он руководил добычей, акционеры Ниманской компании? жили в столице. В одном из донесений Баллод писал, что отправленная на реку Алдан поисковая партия заявила в пользу компании 18 открытых золотоносных площадей, которые правление предпочло сдавать в аренду, что приносило ей ежегодную прибыль в сотни тысяч. В первый год руководства Ниманской золотопромышленной компанией Баллод докладывал, что было намыто 106 пудов золота вместо предполагавшихся 50 пудов, что дало чистую прибыль в 1 037 578 рублей.

В своих воспоминаниях писатель В. Г. Короленко (1881–1884) посвящает Баллоду отдельную главу в «Истории моего современника», навевая на него якутской ссылкой.

И пишет о нем с нескрываемым восхищением: *«Именем Петра Давыдовича Баллода была полна Амга,*

хотя он в ней тогда и не жил... Вообще это был настоящий богатырь, и это подало повод к рассказам, что именно он послужил Чернышевскому прототипом к его Рахметову... Рассказы о его силе, выносливости и чутье местности бывали прямо изумительны... Порой он оставлял партию с проводниками-тунгусами и по какому-то инстинкту отправлялся через горные кряжи напрямик, набивая себе карманы только шоколадом...

Однажды с ним случилось следующее истинно эпическое происшествие. Приходилось сплавать вниз по течению очень быстрой реки барку со всем имуществом партии. Вдруг неожиданная быстрина подхватила барку и понесла на торчавшую внизу скалу. Всему имуществу партии грозила гибель. Не растерялся только Баллод: он обернул канат вокруг ствола большой лиственницы, и в конце концов ему удалось удержать барку. В результате этого подвига у Баллода оказалась сломанной нога. Это было за тысячи верст от необходимой медицинской помощи. Баллод справился и тут: под его руководством рабочие соорудили необходимые в таких случаях лубки. Баллод сам забинтовал ногу и некоторое время пролежал в тайге, продолжая распоряжаться работами...

Я с удовольствием вспоминаю о многих вечерах, проведенных мною за разговорами с Баллодом во время его приездов в Амгу. Мы встречались с ним на заимке у Васильева, у Вырембовского (тоже ссыльные), который при этом неизменно сиял, или, наконец, Баллод порой приезжал в нашу юртешку. При этом, когда он неожиданно выпрямлялся, то обнаруживалось пол-

ное несоответствие между нашим низким потолком и его богатырским ростом. У меня осталось от этих разговоров чрезвычайно приятное впечатление. Было какое-то соответствие между его богатырской силой и тем спокойствием, с которым он встречал наши порой страстные возражения на свои взгляды. Я был тогда еще страстный народник, и рассказы Баллода о его жизни среди сибирской общины, проникнутые взглядами индивидуалиста-латыша, часто встречали во мне горячий отпор. При этом мне всегда вспоминается спокойное достоинство, с которым Баллод парировал мои возражения.

Впоследствии я увидел его в России. Тогда он жил уже не в Якутской области, а приезжал в Петербург по поводу какой-то тяжбы с золотопромышленной компанией. Оказалось, что, воспользовавшись тем, что Баллод был очень доверчив к людям и не защитил себя против кляузных подвохов, компания затеяла с ним тяжбу, пытаясь оттягать что можно. В то время он был такой же богатырь, и было известно, что он недавно женился».

Петр Баллод женился 1889 году в возрасте 50 лет на служащей приискового управления Елене Иордан, которой было всего лишь 20 лет. В семье родились две дочери и сын. В 1898 году Баллод был уволен с должности главного управляющего Ниманской компанией. Семья переехала в Благовещенск, где Петр купил дом с большим участком.

П. Д. Баллод с семьей на Ниманских приисках, 1895 г.

«Здесь отец занялся хозяйством, развел огород, плодовый сад. Воспитывал он нас так, что мы прежде всего должны были все делать сами, не пользуясь ничьими услугами. Мы проходили занятия по столярному делу, работали в огороде, доили коров. Как я отцу благодарна за все это, все мне пригодилось впоследствии в жизни», — вспоминала дочь Баллода Вера Шабалина.

Несмотря на свою, на первый и внешний взгляд, тихую семейную жизнь и идиллию, Петр Баллод не оставил своей революционной деятельности. В Благовещенске он реализует наконец мечту своей молодости: становится владельцем небольшой типографии и газеты «Амурский

край». Помимо газеты он организовал народный дом, библиотеку, попечительствовал школам. Кроме легальной типографии он основал еще и нелегальную: в подполе под кухней печатались на гектографе прокламации и литографировались открытки антиправительственного содержания. В доме Баллода устраивались приемы-чаепития, где обсуждались литературные и общественно-политические вопросы. А сам Петр Давыдович Баллод в 1905–1906 гг. руководил небольшим кружком молодежи, изучавшей «Капитал» К. Маркса, участвовал и в международных антиправительственных изданиях. В 1907 году при его помощи был организован побег из тюрьмы некоего Алексеевского, который был арестован по делу захвата почты и телеграфа в 1905 году. Побег был организован артистически, он был препровожден в Китай, а из организаторов побега никто не пострадал. Во все время самодержавия Алексеевский находился в Бельгии.

Несколько лет Баллод жил в Благовещенске на широкую ногу. В 1902–1903 годах совершил зарубежную поездку в сопровождении собственного повара-китайца.

Побывал в Японии, Китае и Египте, где сфотографировался на фоне пирамиды Хеопса.

Вернувшись из-за границы, Петр Давыдович решил пополнить изрядно растроченный капитал и организовал новое золотопромышленное предприятие, «Баллод и К^о», но эта компания потерпела неудачу. Неудача постигла и организованное ранее товарищество «Надежда», управляющий которой Ицкович, обокрав его и компаньонов, удрал с капиталом в Америку. Роскошной жизни благовещенского купца второй гильдии и мецената вскоре при-

шел конец. Ему снова пришлось искать средства к существованию. Петр Баллод вспомнил, что Ниманская компания осталась должна ему так называемые «попудные» за алданское золото, добытое на открытых им месторождениях. Он поехал в Петербург и несколько лет пытался отсудить у компании причитающиеся ему 14 920 рублей, что в конце концов ему удалось.

БРАТ КАРЛИС. ЗНАКОМЫ НЕ БЫЛИ, НО ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗНАТЬ ДРУГ О ДРУГЕ

Петр Баллод никогда больше не был на родине, в Латвии, по словам дочери, он очень переживал отречение от него всех родных после его ареста. Когда он сидел в Петропавловской крепости, пришло известие, что умер его отец. Только в 1900 году в Благовещенск приезжала его племянница, дочь брата Ивана — Магдалена Моно. Ни в одной из публикаций о Баллоде, мемуарах и воспоминаниях нет упоминания о двоюродном брате Петра — Карлисе Балодисе (1864-1931), это еще один внук Андрея Балодиса, сын одной из его дочерей. Это, можно сказать, еще один революционер, но в своей сфере. Он тоже поначалу решил стать священником. Окончил Юрьевский (Дерптский) университет, в 1888 году был рукоположен в сан лютеранского пастора и отправился в Бразилию. Это была его тайная миссия — по заданию русского царского двора он под Сан-Паулу пытался основать латышско-русскую колонию. Балодис два года вел тайные переговоры с бразильским правительством, договариваясь о выкупе около 3 тыс. кв. км, на которых могла бы быть устроена российская фактория. Он получил одобрение от бразильских чиновников, которые обещали дать землю колонистам и подъемные.

В Бразилию направились первые семьи, которые, впрочем, обманулись в своих ожиданиях.

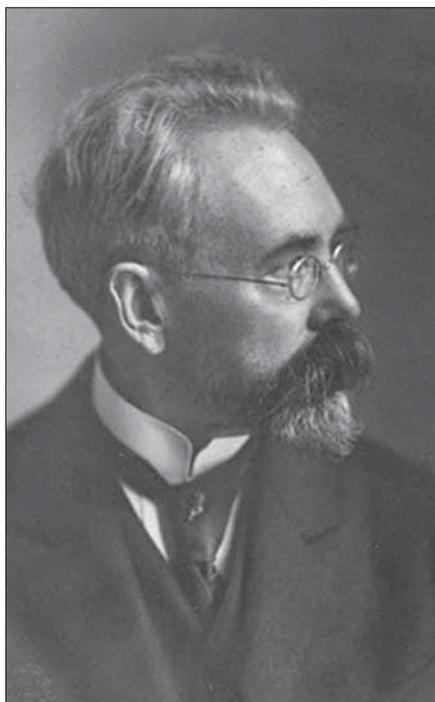
О переговорах стало известно французам и англичанам, и они поставили ультиматум царю Александру III — появление русской колонии в Бразилии означает вызов им и близко по статусу к объявлению войны этим двум странам.

Во избежание разрыва отношений России с Францией и Англией Балодису пришлось спешно оставить Бразилию и отправиться в Германию. Там в Йенском университете он получил специальность географа и защитил докторскую степень. В 1893-95 годах Балодис служит пастором на Урале. Одновременно он начинает длительное исследование по демографии («Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоого пола в России за 1851—1890 гг.»), экономике и статистике.

Таблица. Прогноз продолжительности жизни в Европейских странах во второй половине XIX века.

Государство	Период времени	Мужчины	Женщины
Россия	1867 – 1890	27.3	29.4
Прибалтийские губ.	1880 – 1883	39.1	42.7
Пруссия	1881 – 1890	37.6	40.7
Бавария	1881 – 1890	34.9	37.9
Франция	1882 – 1886	41.6	44.4
Англия	1881 – 1891	43.7	47.1

Таблица из исследований К. Балодиса

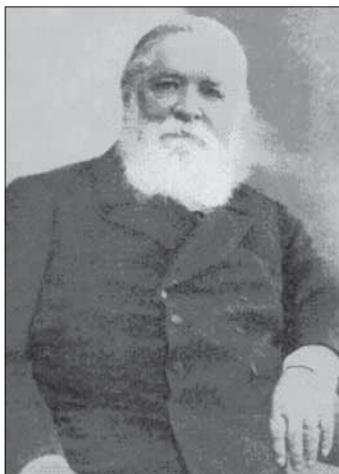
Карл Баллод (1864–1931)

За свои исследования в 1898 году К. Баллодис получил Большую золотую медаль Академии наук России (1898 год) и премию Дмитрия Толстого — за опубликованные в 1897 году исследования по демографии. Помимо этого он впервые придумал систему продовольственных карточек. Работа К. Баллодиса «Государство будущего» стала одним из оснований для разработки ленинского плана ГОЭЛРО. Если вождь пролетариата был фанатом Баллодиса, то невозможно представить, чтобы революционный демократ Петр Баллод не знал о деятельности своего брата.

Деятельность Балодисов в истории Латвии и России недооценена и забыта

Многие мужчины из мятежного рода Балодисов, стоявшие порой на противоположных идеологических фронтах, были настоящими фанатами своего дела, не терпели компромиссов и не меняли свои убеждения на протяжении всей жизни. Сейчас их имена — Андрея, Давида, Карлиса, Петра Балодисов практически забыты, а их деятельность теперь воспринимается неоднозначно.

Петр Баллод дождался свержения самодержавия, он порадовался отречению от престола Николая II. На его глазах началась революция, но он не успел увидеть, к чему это все привело, он не увидел, как рушились православные храмы, в которые его дед привел сотни тысяч ла-

*Латыш Петр Баллод с внешностью русского богатыря.
Фотопортрет в преклонных годах*

тышских крестьян, он не увидел те потоки крови, которые захлестнули страну, не увидел миллионы покалеченных судеб. Он не успел ни в чем разочароваться, ни поменять свои взгляды и убеждения.

Петр Баллод умер 22 января 1918 года, когда и до Благоещенска докатились раскаты Великой Октябрьской революции, на которую, собственно, он и положил свою жизнь.

***Наталья Кетнере** — латышский журналист и писатель, лауреат ряда международных литературных и журналистских премий, автор книги «Город Огре. Люди, судьбы, эпохи». Живет в городе Огре (Латвия).*

Фотография. Первомайская демонстрация в Петрограде.
г. Петроград. 1917.

Место и время события: г. Петроград, 1.5.1917 г.
Общий вид демонстрации на Дворцовой площади.
Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Ирина ЦЫГАЛЬСКАЯ

МОЙ ДЕД — РУССКИЙ ПОЭТ, ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР, ПОЛКОВНИК ЦАРСКОЙ АРМИИ

Мой дед Александр Викторович Цыгальский был полковником царской армии, поэтом, военным инженером, специалистом по фортификации. В начале прошлого века изданы его книги по военному искусству: «Подводная минная оборона приморских крепостей» (СПб., 1908) и «Современные средства береговой защиты» (СПб., 1909), опубликовано несколько статей в специальных журналах и в им же составленном сборнике «Дополнения к курсу фортификации» (СПб., 1913).

Я его никогда не видела, но ощущала в себе уже в ранней юности, потому что черты его, мироощущение, вероятно, повторились во мне. Бабушка (Любовь Александровна, ур. Новаковская; 1884, Ревель — 1976, Рига) говорила: эта твоя меланхолия, эти приступы черной тоски — это в тебе от деда.

Первый «привет» от него — книга О. Мандельштама «Шум времени», которую в начале 60-х годов в библиотеке Союза писателей Латвии нашла рижская поэтесса и переводчица Л. Жданова. Она сразу прибежала к нам, захлебываясь, спросила: «А ты знаешь...»

Я не знала. Мы вместе прочитали главку о полковнике Цыгальском.

«Шум времени», — пишет в своей книге Надежда Мандельштам, — взгляд на то, что безвозвратно прошло, и Мандельштам находит себя ребенком на улицах и концертах рухнувшей жизни. Итоги событий подведены в том же «Шуме времени» в главке о сомнамбулическом ландшафте полковника Цыгальского, где светлый и трогательный человек с глазами «светившимися агатовой чернотой, женской добротой» противопоставлен сотникам, «пахнущим собакой и волком», из породы людей «с детскими и опасно пустыми глазами», на которых возможность безнаказанного убийства, развязанная гражданской войной, действует, «как свежая нарзанная ванна». Эта порода нашла себе прекрасное применение в нашей жизни — время работало ей на пользу. Не случайно во сне полковника Цыгальского тонет то, что он называл «бармами закона», а на месте России образовался провал и Черное море надвинулось до самой Невы.

Это тот самый Цыгальский, который спас Мандельштама из врангелевской тюрьмы: там ничего не стоило повесить человека, даже не моргнув. Жестокость и одиночество сопутствуют гражданским войнам и отзываются на много поколений вперед».

По рассказам бабушки дед представлялся мне человеком богемным. Он писал и любил декламировать свои стихи, пел — знал наизусть множество арий из разных опер. Его стихи собраны в книге «Душа русского гражданина» (Феодосия, 1920). Я этой книги не видела, бабушке не удалось сохранить. Одно стихотворение — «Храм неопалимой купины» — напечатано в альманахе, среди авторов

которого были О. Мандельштам, М. Волошин. Альманах также издан в Феодосии в 1920 году. Называется «Ковчег». Эту книгу мне удалось разыскать с помощью Латвийской Национальной библиотеки в начале 90-х годов.

«Когда твой дед уехал, — вспоминала бабушка, — меня затаскали *энкавэдэшки*. Старались запутать, задавали каверзные вопросы — когда вы с мужем уехали из Феодосии? А я никуда с ним из Феодосии не уезжала. Они хотели сбить меня с толку. Но я, как идти к ним, наглотаюсь валерьяны — и держусь изо всех сил. Но книгу они отобрали».

Уже в Ленинграде, живя с семьей моего отца, она получала посылки от деда, говорила, что ходила за ними в Торгсин.

«А лучше б не присылал, — добавляла бабушка, — я так боялась, как бы опять не начали таскать в НКВД».

Что полковник Цыгальский спас Мандельштама из тюрьмы, я прочитала в книге Эм. Миндлина «Необыкновенные собеседники» (М., 1968). Поехала в Москву — Эм. Миндлин согласился принять меня. Его квартира была битком набита книгами, старой мебелью. Казалось, он терялся среди стеллажей, полок, томов, рукописей. Осталось ощущение, что я его еле обнаружила.

Эм. Миндлин был стар уже, может быть, не очень здоров. Я боялась показаться навязчивой и вопросов не задавала. Он сказал только: «Я встречался с вашим дедом в Феодосии в двадцатом году. Он был образованнейшим человеком своего времени». И добавил: «Ведь это стереотипное представление о русском офицерстве — пьяные кутежи, растрата казны, карты, невежественность. Конечно, было и это. Но были и другие офицеры... Ваш дед читал

лекции по артиллерийскому делу... Был величайшим знатоком немецкой философии».

Бабушка вспоминала: «Он, конечно, был незаурядным человеком. Умел увлекательно рассказывать, был талантливым оратором. Феодосийские дамы захлебывались от восторга: «Что — Керенский! Вот Цыгальский!»».

Не знаю, какие речи он произносил перед феодосийскими дамами, может быть, живописно представлял все тот же сомнамбулический ландшафт с затонувшими *бармами закона*.

Бабушка рисовала скорее отрицательный образ — артист на жизненной сцене, болтун, резонер. Пессимист, подверженный, однако, приступам веселья, необъяснимой радости. Вероятно, у бабушки была своя правда, были основания для таких выводов. Они разошлись с дедом еще до революции, а во время Гражданской войны он уехал из Феодосии за границу. Бабушка одна растила сыновей в страшной, голодной Феодосии. «Но нам не дали погибнуть, — говорила она, — мир кормил. Соседка набивала мальчикам полные карманы сухарями. Мальчики ходили по дворам, пилили дрова, и за это их кормили обедом».

О том, что сама стояла с протянутой рукой у булочной, бабушка никогда не рассказывала, об этом я узнала от своего отца. Наверно, эта картина оставила в его душе неизгладимый след, и он передал ее мне. И вот уже много лет она так и стоит перед глазами. Наверно, они бы умерли с голода, хоть «мир и кормил», если бы бабушке не посчастливилось наконец устроиться санитаркой в Феодосийскую больницу.

Еще вижу ясно матросов с перевернутыми лентами на бескозырках. Они явились к бабушке — искали

ее брата, морского офицера. К счастью, брата не тронули: у него была «охранная грамота», которую выдали матросы с его корабля. Написали: просим не трогать, был хорошим офицером, не унижал.

Вскоре после этого брат эмигрировал — кажется, еще раньше, чем полковник Цыгальский. И брата, и полковника Цыгальского бабушка стала вносить в поминальный список в Рижском православном соборе.

И еще вижу ту ночь, когда красные впихнули к бабушке в комнату арестованных белогвардейских офицеров и вели допрос. «Офицеры всю ночь курили, но я ничего не могла им сказать — один из них все спрашивал: как вы думаете, нас расстреляют? Как вы думаете... И всю ночь стучал по столу карандаш и слышался голос комиссара: а где ты был в девятьсот пятом году? Где ты был... Самый молодой из офицеров кричал со слезами в голосе: братцы, не снимайте с меня шинель, я после тифа»... Проведя с ними эту страшную ночь, бабушка наутро вместе с сыновьями переехала к Анастасии Цветаевой, та ее на время приютила.

О. Мандельштам в «Шуме времени» поминает какую-то нахохленную птицу, пишет, что полковник Цыгальский нянчил птицу и больную сестру, что совсем не походил на армейского человека, казалось, сейчас скажет — ах, бросьте все это, лучше пойдем поговорим! Поминает Мандельштам агатовые глаза. Те же глаза вижу на фотографии, хоть они и не цветные, но я представляю себе ясно, что глаза — агатовые, глубокие и печальные. Библейские. Унаследованные, наверно, от предков-иудеев. Отец Цыгальского был из кантонистов, участник Крымской войны, выкрест, получивший впоследствии дворянское зва-

ние. Бабушка же была потомственная дворянка и слегка, по-моему, этим чванилась перед дедом.

Волнующей неожиданностью было для меня сообщение Аниты Мартинсон, в то время — редактора в издательстве «Зинатне», дочери репрессированного хранителя в Кремлевской Оружейной палате. Вернувшись от московских друзей, она сказала: «Поедете в Москву — непременно побывайте у вдовы Мандельштама. Она просила передать вам, что двери ее дома всегда открыты для Цыгальских, потому что муж говорил ей: Надя, запомни этого человека — он спас мне жизнь».

Это был 73-й год.

Квартира Надежды Яковлевны, в противоположность жилью Эм. Миндлина, была пустынной. Хрущевская коробочка, комнатка и кухня, но комната показалась просторной. Осталось впечатление, что в той квартире гулял сквозняк, было ветрено и солнечно. Конечно, в действительности этого не могло быть: я приезжала к вдове поэта ранней весной, может быть, даже в конце зимы, и окна в квартире, конечно, были закрыты, тем более что Надежде Яковлевне нездоровилось, она принимала гостей лежа в постели. «Ничего особенного, — сказала она, — ин-флюэнца»...

Ощущение сквозняка, может быть, объясняется пустотой в квартире. Большой стол у окна — простой, не письменный — на нем сухие цветы. В противоположном углу комнаты — кровать Надежды Яковлевны, возле нее низкий столик. Народа собралось много, но что от этого тесно — не показалось.

Вдова поэта все разглядывала меня, с нескрываемым удивлением говорила гостям:

«Подумайте — внучка того самого полковника Цыгальского».

Наверно, я была для нее приветом из тех далеких лет, напоминанием, живым знаком. Она спросила меня о бабушке. Я пробормотала, что судьба моей бабушки сложилась трагически.

«Все судьбы трагические», — уронила Надежда Яковлевна.

Вернувшись в Ригу, я с восторгом стала рассказывать по телефону о встрече с Н. Я. своему другу, рижскому писателю Станиславу Рубинчику. Раза два он пытался переменить разговор, я упорно продолжала. И тогда он повесил трубку, а при встрече сказал: «Никогда не говори о таких вещах по телефону». «Почему? Кто же не знает, что Н. Я. живет теперь в Москве? И эта квартира — от хрущевских щедрот. Наконец-то, после долгих лет скитаний и бездомности».

Да, квартирой вдову обеспечили. Тем не менее говорить о ней по телефону не следовало, такие разговоры могли навредить и Н. Я., и мне самой, и Рубинчику.

Последним приветом от деда — и уже покойной Надежды Мандельштам — были строки в ее книге воспоминаний (книгу привез, кажется, из Америки и дал мне почитать латышский поэт Марис Чаклайс, 1940–2003, в начале восьмидесятых):

«Я хочу рассеять еще одну легенду — ту, что пустил Эренбург, — будто из врангелевской тюрьмы Мандельштама спас Волошин. На самом деле было так: до Коктебеля дошел слух об аресте Мандельштама, случившемся перед самым отъездом в Грузию (на первый транспорт он опоздал из-за ареста и потому поехал на дикой «азовской скорлупе»). Эренбург бросился к Волошину и с огромным

трудом заставил его сдвинуться с места и поехать в Феодосию, чтобы спасти арестованного. В те годы, как и потом, впрочем, ничего не стоило отправить на тот свет случайно попавшегося человека. Связи у Волошина были огромные: он был местной достопримечательностью. Волошин проканителлил несколько дней, а когда он явился в Феодосию, Мандельштама уже выпустили на свободу. Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому, которому посвящена главка в «Шуме времени». Где-то живут внуки Цыгальского, и я хотела бы, чтобы они про это услышали. Со слов Мандельштама я знаю, что Цыгальский отличался редкостной добротой, а Мандельштам научил меня больше всего ценить именно это качество в людях. Что же касается Волошина, я думаю, никакого обмана не было. Вернувшись, он просто сказал Эренбургу, что Мандельштам выпущен, а Эренбург решил, что вытащил его Волошин... в 37-38 годах... все исчезли — полковник Цыгальский был прав насчет потонувших «барм закона».

Посылки от деда, которые бабушка получала года до 39-го, приходили из Болгарии. Затем след Цыгальского пропал. Ни отец, ни бабушка о дальнейшей его судьбе ничего не знали. Но вот летом 93-го — новое известие, которое привез Роман Тименчик, исследователь русской литературы, а также судеб всех неизвестных, забытых, чьи имена так или иначе связаны с ней, в прошлом — рижанин, а ныне — профессор Иерусалимского университета.

«Ваш дед, — рассказал он, — сотрудничал в софийской газете «Русская жизнь». Позднее был уполномоченным главы Российского Императорского дома по штату Массачусетс, редактировал Бостонское издание «Вестник русского духовного воскресенья». Умер 21 сентября 1941 года, похоронен на кладбище города Лин в Массачусетсе».

В одной из ранее неизвестных мне статей М. Цветаевой поэтесса резко возражает О. Мандельштаму по поводу его книги «Шум времени», в частности, главы о Цыгальском — «Бармы закона». Известно и о том, что Ю. Айхенвальд уже в двадцатые годы выступил с оценкой (отрицательной) крымских главков в рижской газете «Сегодня».

Так невидимая нить еще раз связала двадцатые годы со второй половиной века, Феодосию — с русской эмиграцией — и Ригой.

Мое впечатление от главки «Бармы закона» разительно не совпадает с восприятием Марины Цветаевой, которая настолько была возмущена, что сочла нужным в 1926 году защитить Цыгальского, в его лице — добровольчество, белую армию.

В начале шестидесятых, когда я впервые прочитала «Шум времени», идеи добровольчества оказались мне чужды и далеки — и не только мне. Давно, казалось, установлена историческая правота красных, другой вопрос, чем она обернулась со временем.

Тогда я об этом мало задумывалась, по крайней мере сознательно. Хотя и запечатлелась в мозгу бабушкина фраза: «Революция меня всему научила». Фраза казалась загадочной всю жизнь: ведь бабушка так много говорила о трагизме эпохи — о трагизме своей собственной судьбы в эту эпоху.

Чему же ее могла научить революция?

Топить печи и мыть полы в заражном отделении Феодосийской больницы? Голодать — и видеть, как голодают ее сыновья? Как умирает от голода маленькая дочка Марианна?

«...всему научила. Кем я была? Барышней, потом — барынькой, которая ничего не видит дальше собственного порога».

Значит, революция научила смотреть дальше, думать глубже, окунувшись помимо воли — нет, с головой погрузившись в неистовый жизненный поток, в водоворот, в страшную, затягивающую воронку.

Дед надеялся, что она вслед за ним эвакуируется вместе с детьми из Феодосии. И она пошла — на последний корабль, отплывающий в Константинополь.

Странная метаморфоза: Феодосия — тонущий корабль, откуда наподобие крыс бегут белые офицеры. А корабль у причала — островок спасения.

Но офицеры отчаянно работали локтями, расталкивали друг друга, и детей, и женщин.

«Я испугалась, что растопчут моих детей. Корабль еще несколько дней стоял в порту, но я больше не пыталась выехать». Иной раз бабушка ничего не добавляла к этому, но бывало, что заявит вдруг, высокомерно и гневно: «Офицеры! — в интонации: «называются!», — они забыли все свое воспитание, все приличия!»

«Конечно, — сорок лет спустя порой вздыхала она, — их охватила паника».

В шестидесятих годах симпатий не вызывала никакая армия.

Уже нами были прочитаны сотни страниц о кровавых деяниях Красной Армии. А белой — давно, поэтому сведения о Красной не возвратили ореола добровольцам.

И вот — «Бармы закона». Полковник Цыгальский, о котором — «трудно себе представить, зачем нужны такие люди в какой бы то ни было армии». Такой образ, созданный Мандельштамом, был понятен и близок.

В шестидесятих представлялось главным это. А в конце восьмидесятих — начале девяностых — его предви-

дение. Россия сызнова погружается в хаос — и самым важным начинает казаться «сомнамбулический ландшафт» Цыгальского с «затонувшими бармами закона».

Не понять и не прокомментировать сегодня всех отенков спора между Цветаевой и Манделъштамом.

«Красная Армия не есть ЧеКа и добровольчество не есть контрразведка. Вы могли предпочесть Красную. Вы не смели оплевывать Белую. Герои везде и подлецы везде», — пишет Цветаева.

Все же идея добровольчества была органичнее для Цыгальского, чем изобразил Манделъштам: в этом Цветаева оказалась права. Вызволяя Манделъштама из врангелевской тюрьмы, Александр Цыгальский спасал поэта — и старался поправить то ли глупость, то ли подлость белых. «...Подлецы везде...»

В середине двадцатых годов большевики в Крыму принялись разрушать церкви. Мой отец, по словам бабушки, собирал верующих, протестовать. «Витенька, — умоляла она, — не связывайся с ними. Помолись на образок в углу». «Ты, мама, — отвечал он, — не веруешь в Бога»... И уходил — бороться за свою веру. Так ему казалось тогда.

Но фанатиком веры он не был. Я его знала уже неверующим, в церкви на моей памяти не был ни разу. Атеистом тоже не стал, не припомню, чтобы старался убедить меня в невозможности существования Бога.

Все же бороться уходил не за веру, а против насилия, за свободу своей совести.

За что же и против чего боролся его отец — Александр Цыгальский?

Холодный осенний ветер, насквозь продувающий Феодосию... Бабушка, бегущая по городу, закутавшись в одеяло...

Макс Волошин — феодосийская достопримечательность...

Анастасия Цветаева, которая пишет и читает вечером вслух свои воспоминания, не обращая внимания на рухнувший мир за порогом. Или все еще верит, что Феодосия — Ноев ковчег?

Но ковчег уже затонул.

...Та, кого нянчил полковник, была не сестра ему, а вторая жена. Ее звали Екатерина (Ефросинья). Жили они все вместе — и бабушка, и мальчишки-кадеты, и Екатерина. Когда приходил Мандельштам, мальчиков, скорее всего, не было дома, оттого он и «потерял» их в «Бармах закона», в чем его тоже укоряет Цветаева. «Два кадетика, двенадцати и тринадцати лет, чуть ли не в тифу, имен не знаю...» — пишет она. Старший — мой отец, Виктор, родился в 1906 году, умер в 1963-м. Похоронен в Риге. Во время войны два раза был в окружении, бежал из немецкого плена, находился какое-то время в советском лагере. Отпустили, — но работу найти в Ленинграде или Москве, где мы жили перед войной, оказалось невозможным. Вероятно, из-за всех этих причин — происхождение, окружение, плен, лагерь — мои родители сочли за благо в 1946 году уехать в Латвию, хотя карьера отцу и здесь была заказана...

Младшего «кадетика» звали Игорь, родился он в 1908 году. В двадцать четыре года покончил с собой. Вероятно, сказалось, повлияло на психику пережитое в возрасте двенадцати лет в страшной, голодной Феодосии. Бабушка рассказывала, что перед смертью Игорь, с застывшим в глазах ужасом, говорил ей: «Мамочка, я опять всю ночь не спал».

Трагически погиб и правнук Цыгальского, сын моего брата Виктор: в 1979 году мы получили телеграмму о его

кончине, якобы самоубийстве, из дальневосточной воинской части. Ему было девятнадцать лет. Незадолго до смерти он приезжал в Ригу, выглядел возмужалым, окрепшим, уравновешенным. Ничто не предвещало такого конца. Обстоятельства гибели нам не удалось выяснить, почти двухлетняя переписка с армейскими чиновниками ничего не дала.

...Про Екатерину бабушка говорила, что та была с большими странностями. Торопясь покинуть ковчег — Феодосию и погрузиться на корабль, причитала: «Ах, карточки, Сашенькины карточки»...

Бабушку все раздражало в ней, начиная с того, что она Александра Цыгальского называла «Сашенькой» — «и я, и моя свекровь всегда называли Алеком или Шурой» — и кончая беспомощными причитаниями перед отъездом.

Растерянная, не способная сосредоточиться на чем-нибудь более существенном, чем «фотокарточки»...

Бабушка, думается мне, держалась более мужественно. Из-за детей, конечно, чувствуя ответственность за них; до себя, очень может быть, ей уже не было никакого дела. Принудила, хотя вовсе не была приземленным существом, но принудила, постоянно принуждала себя считаться с реальностью... «Витенька, не связывайся с ними...»

И Мандельштам, и Цветаева — они оба погибли здесь, на родине. И Мандельштам, который не принял, развенчал идею добровольчества в лице ненужного «какой бы то ни было армии» полковника. И Цветаева, которая страстно защищала в том же лице свой «белый стан».

Своего «лебедя» она защищала, Сережу Эфрона, которому тоже предстоял страшный путь. «...У Цыгальского на плечах все добровольчество, позади — мука, впереди,

может быть, завтра — смерть», — писала Цветаева, под Цыгальским разумея и Эфрона.

А полковник Цыгальский умер в изгнании, но своей смертью.

Здесь же, на родине, оба поэта прошли каждый свой путь на Голгофу. Адской машине адского времени оказались безразличны их взгляды и на Белую, и на Красную — и на какую бы то ни было — армию. Машине оказались безразличны, а лица — персоны, хоть и утратившие человеческий облик, но все-таки не машины, — не могли принять ни одну, ни другого: поэтов и пророков уничтожали, чтобы сподручнее работалось машине.

«Была братоубийственная и самоубийственная война, — говорил С. Эфрон Цветаевой, — которую мы вели, не поддержанные народом; было незнание, непонимание нас народом, во имя которого, как нам казалось, мы воевали. Не «мы», а — лучшие из нас. Остальные воевали только за то, чтобы отнять у народа и вернуть себе отданное ему большевиками...» (Эфрон Ариадна. О Марине Цветаевой. М., 1989. Стр. 51).

Ни имения, ни какого-либо другого имущества у Цыгальского не было. Это я знаю. Бабушка из давно уже разорившегося старинного дворянского рода, ее отец получал жалованье, он был морской офицер. Служил и Цыгальский. «Я жила на жалованье отца, — говорила бабушка, — а потом мужа».

Возвращение собственности не могло быть мотивом добровольчества у полковника Цыгальского.

Убеждения? Монархистские убеждения у того, кто писал:

В дали судеб я вижу одесную
не страшную Россию, а иную:
Россию — Русь, изгнавшую бесов,
увенчанную бармами закона, —
мне все равно, с царем или без трона,
но без меча над чашами весов.

«Последние две строки, — говорит Цветаева в ответе Мандельштаму, — я всегда приводила и привожу как формулу идеи Добровольчества. И как поэтическую формулу».

«Над схваткой»... — повторяла бабушка волошинскую фразу, если я спрашивала про убеждения деда.

Так что в последовательный монархизм Александра Цыгальского я не верю. Мандельштам прав: в тот момент, когда Цыгальский, стесняясь, читал ему стихи, — это был действительно человек, не нужный «какой бы то ни было армии».

Люди всегда и больше, и лучше, чем их убеждения. В любом убеждении всегда узость, которая может обернуться фанатизмом. И тогда твердость преобразуется в жестокость, а за ней — кровь, убийства, муки. Лавина.

«Обратно, Мариночка, можно только пешком — по шпалам — всю жизнь...» — сказал Сергей Эфрон Марине Цветаевой (Эфрон Ариадна. С.51).

И — бросился в другую, не менее страшную лавину, которая привела его к гибели.

То была честь — за что боролся полковник Цыгальский в белогвардейской армии. Достоинство.

Очевидно, этот же мотив руководил и отцом моим, когда он уходил «бороться за веру». Религиозные убеждения —

потом это стало ясно — были не такие уж твердые. Скорее он исповедывал, сам того, может быть, не сознавая, философию экзистенциализма. Я помню его слова о трагизме индивидуального существования. «Но и ничего другого нет, — повторял он, — две вещи правят миром — любовь и голод».

Но у каждого своя стезя.

В самом деле — не социал-демократов же было представлять полковнику Цыгальскому в эмиграции!

Конечно, я никогда не узнаю ничего определенного о его мотивах. Даже если получу еще чьи-либо свидетельства: любое свидетельство отражает лишь застывшее мгновение.

Думаю все же, что убежденным монархистом полковник Цыгальский не был, держаться идеи как таковой не мог.

А другой идеи? Тоже не мог. Да и не было другой.

Была безысходность.

Ковчег затонул. Тонула Россия.

Надеялся спасти?

Вероятнее всего, что именно так. Возвратить Россию. Себе — вернуть всю Россию, а не имение, не дом.

* * *

...Вот что пишут об А. Ц. в справочнике «Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001». В 6-ти томах. М. 2007. Т. 6. Кн. 3. С. 143. (Здесь собраны обработанные составителями некрологи):

«Цыгальский Александр Викторович (1880–21 сент. 1941, США).

Полковник, военный инженер, поэт. Преподавал в петербургских военных училищах и в Морском корпу-

се. Выведен в очерке О. Мандельштама «Барма закона» [Так!] В 1910-х— сотрудничал в издававшемся в Пятигорске иллюстрированом еженедельнике «Кавказские курорты». В 1920 г. в Феодосии выпустил книгу стихов «Душа русского гражданина». В эмиграции печатал стихи в софийской газете «Русская жизнь». После переезда в США — редактор-издатель в Бостоне журнала «Вестник русского духовного воскресения». Член Общества русских ветеранов Великой войны в Сиэтле. Умер скоропостижно после «патриотической речи» на собрании в день Куликовской битвы.» (Источник: Новая заря. Сан-Франциско 1941, 4 окт., № 3219).

Ирина Цыгальская — писатель, переводчик. Среди книг — сборники рассказов и повестей, сборник стихотворений и поэтических переводов с латышского. Составитель и главный редактор двенадцати выпусков «Рижского альманаха».

Живет в Риге (Латвия).

Фотография. Похороны жертв февральской революции на Марсовом поле.

Автор: Штейнберг Л.

Место и время события: г. Петроград, 23.3.1917 г.

На снимках: погребение павших, братские могилы на Марсовом поле.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Андрей АНФИРОВ

МОЙ ДЕД — РЕВОЛЮЦИОНЕР

Вступление

Мой дед, Евгений Анфирович Анфиров, прожил трудную и богатую событиями жизнь, половину которой он посвятил революционной борьбе за демократию, социальную справедливость и права трудящихся-

ся. И хотя эта его борьба увенчалась победой, места в новой светлой жизни для деда в итоге не нашлось и его сначала оттеснили в сторону, подальше от власти, а в конце концов он, как и многие другие граждане нашей великой страны того времени, пал жертвой сталинских репрессий конца тридцатых годов. Произошло это за-долго до моего рождения...

Мой дед родился 3 января 1882 года в Москве. Его мать, Евдокия Дмитриевна Львова, была портнихой. По анкетным данным отец деда также был портным, но его имя и фамилия не сохранились, в связи с чем возникают определенные сомнения относительно его реальности. По семейному преданию дед был незаконнорожденным ребенком какого-то знатного вельможи, а свои отчество и фамилию получил по имени крестившего его священника.

Когда деду было 10 лет, его мать сильно заболела и попала в больницу, после чего мальчику пришлось бросить учебу в Петровско-Арбатском городском училище и поступить на работу в магазин игрушек, чтобы как-то прокормить семью. Когда мать выздоровела, дед продолжил учебу, но в 12 лет ему все равно пришлось оставить школу и пойти работать в кузнечно-слесарную мастерскую.

На заводах дед начал работать в 1898 году, с шестнадцати лет, а в следующем году одновременно с работой начал учиться на Пречистенских рабочих вечерних курсах, где вошел в революционное движение. В 1900 году он вступил в РСДРП. На курсах дед проучился три года, а после их успешного окончания в 1902 году начал заниматься революционной деятельностью на Прохоровской мануфактуре и Пресненском подрайоне. В июне 1903 года

он был арестован по делу Московского Комитета и до осени просидел в московской тюрьме, откуда был выслан в Подольск под особый надзор.

Из Подольска дед сбежал в Москву, где снова был арестован и выслан в Саратов, а оттуда в 1904 году этапом в Ташкент.

В Ташкенте дед работал в железнодорожных мастерских около вокзала и продолжал заниматься революционной деятельностью.

12 января 1905 года на общественном банкете, посвященном чествованию 150-летней годовщины Московского университета, который проходил в здании Общественного собрания, мой дед анонимно выступил с декларацией требований программы РСДРП, а в начале весны 1905 года участвовал в создании первой организации РСДРП в Ташкенте.

В июле 1905 года он был арестован за антигосударственные высказывания и осужден, но после выхода из тюрьмы осенью 1905 года продолжил революционную деятельность и работал по организации типографии, изготовлению печатного станка и добыче шрифтов, а также вел активную работу по организации забастовки в воинских частях.

В конце 1905 года, после окончания всеобщей железнодорожной забастовки в Ташкенте, дед был отправлен организацией за шрифтами для типографии в Баку. 5 января 1906 года после возвращения со шрифтами он был арестован, избит и несколько месяцев просидел в тюрьме. Привезенные дедом шрифты полицейские не нашли, и в январе 1906 года вышел первый номер солдатского листка «Правда».

После выхода из тюрьмы дед организовал первый коллектив безработных в бывшем ночлежном доме купца Иванова на Жуковской улице, а в июне 1906 года, после завершения срока ссылки, выехал в Москву.

По возвращении в Москву дед работал слесарем на электрической станции, а затем слесарем и инструментальщиком в Рязанском парке, продолжал революционную деятельность, был членом Правления союза городских служащих и членом Бюро профсоюзов. В марте 1907 года он был членом забастовочного комитета и бюро Трамвайной забастовки, а затем работал в профсоюзе и Садовническом подрайоне. После разгрома профсоюзов дед работал в Замоскворецком районе, был членом районного комитета, откуда в 1909 и 1910 годах избирался в Московский Комитет. После провала Московского Комитета он был членом Правления Потребительского общества городских рабочих и служащих. В 1913 году дед работал по организации компании выборов в губернскую больницу кассу, а также по организации фонда легальной партийной газеты «Наш Путь».

В это же время с целью самообразования он посещал курсы Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского.

6 сентября 1913 года дед был арестован и в ноябре снова выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Туркестан, где служил машинистом на локомотиве и на катере, слесарем на буровых работах, а также работал в других местах.

В сентябре 1916 год он был мобилизован и, оставаясь под надзором, проходил службу в Караульной роте 1-го Сибирского стрелкового запасного полка в Ташкенте.

Вечером 28 февраля 1917 года, после получения известий о свержении царя дед покинул расположение воинской части и 1-3 марта принимал активное участие в организации первого Совета Рабочих депутатов и первого Совета солдатских депутатов, был первым председателем первого Совета солдатских депутатов в Ташкенте.

В апреле 1917 года он был делегатом проходившего в Ташкенте 1-го Туркестанского краевого съезда солдатских и рабочих депутатов, где в составе Рабочей секции участвовал в разработке документов съезда о правах рабочих и о профессиональных союзах.

С мая по октябрь 1917 года дед возглавлял Сыр-Дарьинский областной совет солдатских и рабочих депутатов и одновременно состоял членом Исполнительного комитета Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, а также работал в Сыр-Дарьинском областном совете, где был товарищем председателя Совета Владимира Наливкина, ставшего впоследствии председателем Туркестанского Комитета Временного правительства.

В течение весны, лета и осени 1917 года дед принимал самое активное участие в работе Советов разных уровней, состоял в нескольких комиссиях, участвовал в многочисленных совещаниях, конференциях и съездах, ездил в командировки, в том числе в июле-августе по заданию Краевого совета находился в Петрограде и Москве с целью изучения организации воинских комитетов и военных секций при Петроградском и Московском советах, а также установления связи с Всероссийским Исполнительным Комитетом.

В начале октября 1917 года дед участвовал в работе 2-го Краевого Съезда Советов солдатских и рабочих депутатов в Ташкенте.

1 ноября 1917 года мой дед принимал участие в церемонии подписания соглашения о передачи власти от Туркестанского Комитета Временного правительства Краевому Совету, а затем был направлен в командировку в Казахстан и на Урал для организации поставок продовольствия в голодающий Ташкент.

Впоследствии мой дед, который являлся членом РСДРП, но не был большевиком, какое-то время состоял членом Ташкентского совета и несколько лет работал на разных хозяйственных и профсоюзных должностях. С осени 1918 по весну 1919 года он заведовал промышленным отделом Центрального трудового кооператива.

После ликвидации РСДРП, в 1923 году дед был на несколько месяцев сослан в Самарканд, а в последующие годы работал простым механиком в различных организациях в Средней Азии.

10 августа 1937 года мой дед был арестован в Ташкенте по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде, осужден на 10 лет и сослан в Сибирь, где 3 августа 1938 года скончался в Тайшетском ИТЛ ГУЛАГ. В 1990 году он был посмертно реабилитирован.

В советские времена жизнь деда оказалась практически забытой. В семье о нем старались лишний раз не вспоминать. Только уже после распада Союза во время ремонта квартиры обнаружилась небольшая папка с бумагами деда. Кое-какие документы удалось отыскать в архивах, а также получить в государственных органах документальное подтверждение обстоятельств ареста деда и последующей его реабилитации.

Жизнь моего деда сложилась так, что в 1917 году он оказался на вершине власти в Туркестане. Хотя мой дед

был одним из лидеров революции и Советов, его имя, как и весь период между Февральской и Октябрьской революциями, было фактически вычеркнуто из официальной истории.

Советы

23 апреля 1917 года в 4-м номере «Нашей газеты» была опубликована статья А. Чичерина под названием «Краткий обзор деятельности Ташкентского Совета Рабочих Депутатов», которая начиналась так:

«Ташкентский Совет Рабочих Депутатов образовался революционным путем. Главное его ядро было избрано на митинге рабочих Ташкентских Главных мастерских Средне-Азиатской ж. д. 2 марта, причем рабочие избрали своим председателем социал-демократа И. И. Белькова. Первое заседание происходило в Думском зале в числе не более 25 рабочих, 2-х представителей от солдат — Анфилова и Попова и одного от местной группы С. Д. Р. П. — А. Д. Чичерина. Это собрание явилось первой в Ташкенте пролетарской организацией, которая положила начало объединению всех революционных сил Ташкента, правильно учла момент и наметила линию дальнейших шагов в своей революционной деятельности...»

Эта статья в «Нашей газете» с тех пор сделалась классическим источником по истории революции в Ташкенте. Помимо автора в статье названы еще первый избранный председатель, а также двое представителей от солдат, одним из которых был мой дед.

Впоследствии мой дед вместе с Григорием Бройдо был в числе организаторов и руководителей Ташкентского Совета солдатских депутатов, а после объединения Советов был избран в президиум Ташкентского Совета. Параллельно дед был председателем Сыр-Дарьинского Областного Совета солдатских и рабочих депутатов с момента его организации в первых числах мая и до середины октября 1917 года, когда весь состав Совета был заменен большевиками и эсэрами на своих людей. Кроме того, в это же самое время дед был заместителем Наливкина в Сыр-Дарьинском Областном Совете, а также участвовал в работе нескольких комиссий.

Из четырех поименованных в статье организаторов Совета трое впоследствии были объявлены меньшевиками с соответствующими для них печальными политическими последствиями, а четвертый, Попов, через два года оказался среди основных участников Осиповского мятежа.

Интересно, что Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин также пытался записаться в Совет Рабочих депутатов, причем хотел сделать это в обход Солдатского Совета, который впоследствии его с должности и снял.

Первое заседание Совета рабочих депутатов проходило в зале Городской Думы на углу Воронцовского проспекта и Романовской улицы. Однако в дальнейшем вся деятельность Советов оказалась связанной с Домом Свободы, который располагался на Садовой улице, между Гоголевской и Жуковской. В этом здании до революции располагалось Общественное собрание, а еще раньше это был дом купца Вадьяева. Именно здесь проходили все три Краевых съезда Советов в 1917 году, заседали неко-

торые Советы и принимались многие исторические решения. В советские времена там был кинотеатр «30 лет комсомола», а сейчас в уцелевшей части здания располагается детская библиотека.

Кстати, дед мой в момент его ареста в 1937 году проживал неподалеку от места своей бывшей службы, на углу Советской и Первомайской. Должно быть, ему, в то время давно уже простому механику, было не очень-то весело каждый день лицезреть через дорогу здание, в котором он двадцатью годами ранее работал одним из руководителей тогдашней власти.

Митинг

Ближе к полудню 12 сентября 1917 года в Александровском парке русской части Ташкента начали собираться солдаты 1-го и 2-го Сибирских стрелковых запасных полков, к которым позднее присоединились рабочие железнодорожных мастерских, а также множество простых граждан города, так что в парке набралось несколько тысяч человек и он оказался совершенно переполнен. Примерно в 2 часа дня открылся митинг, с которого началась цепочка роковых событий, приведших через полтора месяца к социалистической революции...

Митинг этот был несанкционированным, поскольку по случаю мусульманского праздника проведение любых публичных массовых мероприятий в городе было запрещено. И хотя о намерениях солдат городским властям стало известно еще накануне, предотвратить митинг они не сумели.

Непосредственным поводом к проведению митинга стал незначительный инцидент, произошедший днем ра-

нее во 2-м Сибирском стрелковом запасном полку, когда в телеге, вывозившей из полка проданные ранее на аукционе старые товары, обнаружился рулон нового холста, что вызвало сильное возмущение солдат, усмотревших в этом попытку хищения полкового имущества. В краже обвинили полкового каптенармуса, которому едва удалось спастись от самосуда. На стихийно возникшем собрании солдаты выразили недовольство сложившимся в городе положением со снабжением продовольствием. Было решено продолжить обсуждение проблем со снабжением на следующий день на митинге, а утром 12 сентября к митингу решил присоединиться и 1-й Сибирский стрелковый запасной полк.

Стихийные протесты на фоне проблем с продовольствием начались в городе еще летом и сопровождались массовыми манифестациями и даже беспорядками. Так, накануне митинга группа солдат на вокзале отобрала продукты и товары у пассажиров отходившего из Ташкента поезда.

Местные власти с момента своего образования предпринимали меры по решению многочисленных проблем и поддержанию порядка, что было непросто в условиях общего вызванного продолжающейся войной экономического кризиса, нарушения работы государственных органов после революции, неурожая хлеба, а также ряда специфических местных причин.

Между тем отдельные политические группы, вроде большевиков и левых социалистов-революционеров, еще в августе начали агитацию в направлении смены режима, а сложившееся в городе сложное положение с продовольствием использовали в качестве повода для возбуждения недовольства среди населения.

На совещании краевых демократических организаций 11 сентября большевики предложили объявить данное совещание Революционным комитетом с переходом к нему всей полноты власти в крае. После того, как это предложение было отклонено, большевики повторили попытку на заседании Исполнительного Комитета Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, где предложенная ими резолюция была принята с нарушением регламента.

В этих условиях и состоялся митинг 12 сентября.

Митинг под председательством поручика Перфильева, который проходил в Александровском парке, продолжался несколько часов. Сначала большинство выступлений было посвящено дефициту товаров и требованиям по их справедливому перераспределению, в том числе с применением радикальных мер грабительского характера. Однако затем большевиками была поднята тема смены власти, и все закончилось принятием резолюции о передаче власти Советам и избранием Временного Революционного Комитета, в котором большевики оказались в меньшинстве.

Ближе к концу дня митинг завершился, после чего члены Временного Революционного Комитета отправились в Дом Свободы для доклада Ташкентскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Вечером Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов срочно переизбрал Исполком Совета, удалив из него большинство умеренных депутатов, а с другой стороны, юнкера школы прапорщиков под руководством Командующего войсками округа генерала Черкеса арестовали 10 членов только что избранного Временного Революционного Комитета.

Между тем заседание Ташкентского Совета переросло в собрание общественности, которое проходило во дворе Дома Свободы при огромном скоплении народа и большом накале страстей, особенно усилившемся после того, как стало известно об аресте членов Временного Революционного Комитета.

Генерал Черкес с несколькими лицами поздно вечером вернулись в Дом Свободы и попытались выступить на этом собрании с разъяснением причин ареста членов Временного Революционного Комитета, но были освистаны и избиты и еле спаслись, выпрыгнув из окон здания на Гоголевскую улицу, причем генерал Черкес был подобран через несколько часов ксендзом в бессознательном состоянии где-то на берегу Салара.

Прибывший вместе с Черкесом в Дом Свободы прокурор Ташкентского окружного суда Барановский под угрозой физической расправы заявил, что к аресту членов Временного Революционного Комитета никакого отношения не имеет, и с представителями Исполкома Ташкентского Совета Першиным и Цвилингом отправился в тюрьму, где они освободили арестованных членов Временного Революционного Комитета.

На следующий день начался захват городских учреждений, обыски и аресты теперь уже представителей старой власти. Старый город был оцеплен солдатами, которые производили проверки всего проезжающего транспорта.

Под угрозой ареста в ночь с 13 на 14 сентября члены Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов были вынуждены бежать в Скобелев, где заседали потом всю следующую неделю.

Через пару дней Временный Революционный Комитет слился с Исполнительным Комитетом Ташкентского Совета, от имени которого затем и осуществлялось руководство новой властью.

В результате в Ташкенте установилось неустойчивое равновесие, когда каждая из сторон никаких решительных действий не предпринимала, пытаясь перетянуть власть на себя и выжидая реакцию центра. Исполком успел разружить школу прапорщиков, которая потом вооружилась обратно, а верные Временному правительству военные в отместку провели обыск в Доме Свободы, а также арестовали несколько человек, освобожденных, впрочем, уже через пару часов.

Тем временем подавляющим большинством граждан и организаций Ташкента и Туркестана, включая Советы разных уровней, смена власти в Ташкенте поддержана не была, так же как ее не поддержала и центральная власть в Петрограде, в результате чего Исполком Ташкентского Совета оказался в изоляции.

24 сентября в Ташкент прибыл генерал Коровиченко с войсками, после чего законная власть в городе была восстановлена.

С целью расследования сентябрьских событий в Ташкенте была создана комиссия, в работе которой принимал участие мой дед, и проведено следствие, которое, однако, практических последствий не имело, поскольку к этому времени начались уже новые волнения, завершившиеся в конце октября вооруженными столкновениями и окончательной сменой власти в Ташкенте.

Сегодня каждый желающий может посетить остатки Дома Свободы, чтобы посмотреть на окна, из которых

поздним сентябрьским вечером выпрыгивал окровавленный генерал Черкес, прогуляться затем по бывшей Гоголевской улице до Музея искусств, постоять там на тихих аллеях уцелевшей части Александровского парка и представить себе толпы собравшихся здесь без малого сотню лет назад на митинг людей, зажигательные речи ораторов, звавших народ на баррикады, вспомнить о том, чем все это тогда в итоге обернулось, и, быть может, сделать для себя какие-либо выводы...

Фотография

Среди немногих фотографий, оставшихся после моего легендарного деда, есть одна, на которой он запечатлен в гражданском костюме сидящим вполоборота, закинув ногу на ногу. Собственно, это не целая фотография, а только лишь фрагмент, вырезанный из какой-то другой большой фотографии. Справа от деда видны чьи-то колени в сапогах, а позади него можно различить небольшие фрагменты фигур двух стоящих людей: одного в гимнастерке, а другого в гражданском костюме.

Что это была за оригинальная фотография, когда и по какому случаю она была сделана, кем являлись остальные люди на снимке, какова была их судьба и вообще сколько их там, на фотографии, еще было, а также почему часть фотографии с дедом была вырезана — все это на протяжении многих десятилетий оставалось загадкой. Однако с наступлением эры Интернета появилась возможность доступа к большому объему ранее недоступной информа-

ции, и однажды загадка старой фотографии разрешилась, хотя и не полностью...

После бурных сентябрьских событий октябрь 1917 года в Ташкенте начался при относительном затишье.

Тогда, в середине сентября, радикалы из Ташкентского Совета солдатских и рабочих депутатов попытались захватить власть в крае. На митинге 12 сентября в Александровском парке была принята резолюция с требованием о передачи власти Советам, образован Временный Революционный Комитет и выдвинуто требование по созыву краевого съезда Советов с целью переизбрания Краевого Совета, который выступал против немедленной смены власти. В реальности ни один из пунктов принятой на митинге резолюции выполнен не был, а Временный Революционный Комитет через несколько дней самоликвидировался, передав полномочия Исполнительному Комитету Ташкентского Совета, до этого предусмотрительно очищенного радикалами от несогласных. Краевой Совет бежал из Ташкента в Скобелев и был объявлен Ташкентским Советом утратившим полномочия, что, впрочем, являлось юридически несостоятельным, поскольку учреждать, переизбирать или ликвидировать Краевой Совет мог только Краевой Съезд Советов.

В течение десяти дней власть в Ташкенте оставалась в подвешенном состоянии, причем ни Ташкентский Совет, ни Туркестанский Комитет Временного правительства решительных действий не предпринимали, выжидая развития ситуации в остальной части России, где также происходили подобные события.

В итоге Временному правительству удалось тогда власть удержать. В двадцатых числах сентября в Таш-

кент прибыл назначенный только что Генеральным комиссаром генерал Коровиченко с войсками и положение в Ташкенте вернулось к состоянию до митинга 12 сентября. Ташкентскому Совету пришлось отступить, хотя от своих намерений по захвату власти он не отказался.

Генерал Коровиченко, будучи социалистом по убеждениям и военным юристом по образованию, полагался больше на политические мероприятия, нежели на военную силу, в связи чем он, отправив в отставку Председателя Туркестанского Комитета Временного правительства Наливкина и сосредоточив всю власть в Туркестане в своих руках, вместо того чтобы использовать приданные ему военные части по прямому назначению, то есть для нейтрализации мятежных 1-го и 2-го Сибирских стрелковых запасных полков, а также радикально настроенного Исполкома Ташкентского Совета, рассчитывал больше на то, что мятежников можно будет склонить к сотрудничеству уговорами, устранив их самим фактом наличия прибывших с ним войск.

Однако радикалы, видя, что военная сила против них не используется, начали предпринимать новые действия в направлении свержения законной власти. Среди вновь прибывших частей была развернута агитация, в результате чего очень скоро часть этих войск потеряла надежность и их пришлось отсылать обратно.

Кроме того, радикалы учли опыт сентябрьских выступлений и постепенно заменили умеренных деятелей в Советах разных уровней на своих сторонников, обеспечив тем самым консолидацию Советов под своим началом перед новыми столкновениями с властями.

Таким образом, в течение октября радикалы все усиливались, а действующая власть, наоборот, ослабевала, пока в конце октября не наступила кровавая развязка.

Причиной вооруженных столкновений в Ташкенте впоследствии была объявлена неудачная попытка генерала Коровиченко в ночь с 27 на 28 октября разоружить ненадежные 1-й и 2-й Сибирские стрелковые запасные полки, а также арест в это же время в Доме Свободы нескольких членов Исполкома Ташкентского Совета и Краевого Совета. Однако двумя днями ранее произошла пролетарская революция в Петрограде, о чем в Ташкенте было известно обеим сторонам, а Ташкентский Совет планировал начало вооруженного мятежа на 30 октября.

Начавшиеся 28 октября боевые столкновения продолжались затем несколько дней. Сначала верным Временному правительству войскам удалось получить преимущество и взять под контроль почти весь Новый город, тогда как у мятежников оставались только вокзал, привокзальная площадь и железнодорожные мастерские. Линия соприкосновения противников проходила по Салару, от которого до железнодорожных мастерских было всего несколько сотен метров. Однако захватить железнодорожные мастерские правительственным войскам сразу не удалось. Вместо этого Коровиченко начал переговоры с мятежниками, что дало восставшим рабочим и солдатам передышку и позволило организовать свои силы, а со временем постоянно увеличивать их за счет помощи, получаемой из других городов Туркестана, тогда как подкрепления сторонников Временного правительства не смогли пробиться в Ташкент из-за забастовки железнодорожников. Кроме того, в

руках мятежников на железнодорожной станции оказались товарные склады и вагоны с хлебом, что в условиях больших проблем с продуктами в городе являлось весьма важным преимуществом. Генеральный комиссар Коровиченко постоянно колебался между переговорами с восставшими и продолжением военных действий и даже произвел раздачу оружия добровольцам из населения.

Штабом правительственных войск был сначала дворец генерал-губернатора, располагавшийся около Анхора на Соборной площади, а затем крепость, тогда как рабочие и солдаты окопались в железнодорожных мастерских за вокзалом.

В течение нескольких дней переговоры с восставшими вел помощник Коровиченко по гражданской части, бывший комиссар Закаспийской области, граф Георгий Доррер. Доррер лично несколько раз ездил, иногда под обстрелом, в железнодорожные мастерские, где договаривался с лидерами Советов, результатом чего стало соглашение о прекращении военных действий, заключенное в ночь на 30 октября 1917.

Впрочем, выполнено это соглашение в указанные сроки не было из-за нерешительности Коровиченко, который то соглашался на прекращение огня, то отказывался от условий соглашения; пока офицеры вообще не сместили его, после чего за два дня боев сменилось семь командующих правительственными войсками.

В итоге вскоре уже отряды рабочих и солдат перешли в наступление и с боями заняли Новый город, а утром 1 ноября после артиллерийского обстрела пал последний оплот Временного правительства — крепость. Власть в

Туркестане перешла от Временного правительства к Советам солдатских и рабочих депутатов.

Коровиченко и Доррер были арестованы и посажены на гауптвахту в крепости, где Коровиченко впоследствии был убит, а Доррер переведен в городскую тюрьму. Членам Туркестанского Комитета Временного правительства пришлось бежать, а бывший глава Туркестанского Комитета Временного правительства Наливкин вынужден был перейти на нелегальное положение. Пришлось скрываться и сотням воевавших на стороне Временного правительства офицеров и добровольцев.

По Ташкенту прокатилась волна обысков и арестов, во время которых искали оружие, офицеров и добровольцев. Между прочим, в ходе одного из таких обысков у себя дома погиб командующий 1-й Сибирской стрелковой запасной бригадой генерал-майор Мухин, сменивший полугодом ранее на этом посту моего прадеда.

5 ноября несколько десятков жертв октябрьских боев были похоронены в братской могиле в Александровском парке, после чего это место на десятки лет сделалось некрополем героев Советской власти.

Что касается загадочной фотографии моего деда, то среди массы материалов по истории революции в Интернете обнаружилась одна фотография под названием «Ташкент 1917. Подписание документа о передачи власти Советам», которая показалась мне знакомой. Присмотревшись, я обнаружил, что имевшийся у нас фрагмент фотографии с дедом является частью обнаруженной в Интернете фотографии. Впоследствии мне удалось отыскать еще один вариант этой фотографии.

Помимо деда на фотографии запечатлено еще 8 человек, причем семеро из них в военной форме, один являлся представителем Временного правительства, а остальные — представителями Советов. В то же время из изображенных на фотографии людей достоверно идентифицировать мне удалось только лишь одного своего деда, тогда как даже личность представителя Временного правительства осталась доподлинно неизвестной, и это мог быть либо подписавший соглашение Доррер, либо сам Коровиченко.

По времени эта фотография, скорее всего, была сделана в первых числах ноября, поскольку устраивать фотосессию во время продолжающихся боев, исход которых оставался неопределенным, было, очевидно, нереально, а потом мой дед был командирован в Казахстан и на Урал для организации подвоза хлеба и вернулся в Ташкент только уже ближе к концу года, когда ни Коровиченко, ни Доррера уже не было в живых.

Неопределенным также остается статус, в котором присутствовал на запечатленном на фотографии мероприятии мой дед. В состав Краевого Совета или Исполкома Ташкентского Совета он тогда не входил, так же как не являлся в это время уже и Председателем Сыр-Дарьинского Облсовета. Не был он большевиком или левым социалистом-революционером, которые через пару недель захватили власть в крае, и среди участников октябрьских событий его имя ни разу не упоминается. И тем не менее на фотографии мой дед присутствует, причем располагается там на переднем плане, практически в центре композиции. С другой стороны, дед был одним из организаторов первых Советов в Туркестане,

полгода, с момента образования руководил Областным Советом, в связи с чем его, очевидно, все в Советах в то время знали и уважали.

Это потом к власти придут новые политики, которые о человеке будут судить по его анкетным данным, где главными пунктами станут социальное происхождение и партийная принадлежность, а еще через некоторое время даже эта фотография превратится в опасное свидетельство причастности к легендарным событиям прошлого, идущее вразрез с официальной трактовкой истории, от которого лучше будет избавиться, порезав на куски.

Манифестация

1 ноября 1917 года революция, о которой говорили большевики, в Ташкенте свершилась и через несколько дней десятки ее первых жертв, со стороны победителей, были торжественно погребены в братской могиле в Александровском парке.

В середине ноября, спустя всего месяц после Второго Краевого Съезда, состоялся Третий Краевой Съезд Советов солдатских и рабочих депутатов, в работе которого формально принимали участие представители различных политических групп, но где фактически доминировали большевики и левые социалисты-революционеры, которые совместно провели на съезде выгодные им решения и сформировали новый Краевой Совет солдатских и рабочих депутатов, переименовав его в Совет Народных Комиссаров.

При этом большинство из избранных в Совет комиссаров составляли левые социалисты-революционе-

ры, в союзе с которыми большевики выступали еще со времен сентябрьских событий в Ташкенте. Союз этот нужен был на тот момент большевикам потому, что социалисты-революционеры имели большое влияние в армии, которая являлась тогда единственной реальной силой и именно благодаря поддержке части которой, собственно, и была осуществлена революция.

Спустя пару лет большевики, в достаточной мере укрепив к тому времени уже свою власть, благополучно избавились от левых социалистов-революционеров и стали единоличными правителями страны.

Что касается умеренных революционеров, то после Октябрьской революции часть из них примкнула к большевикам, количество которых вообще сильно возросло после захвата власти, как всегда бывает в подобных случаях, а тех, вроде моего деда, кто не изменил своей политической ориентации, вытеснили сначала из политических организаций, потом убрали из органов народного хозяйства, а в конце концов ликвидировали вообще.

Собственно, дед мой, будучи одним из организаторов первых Советов в Ташкенте и активным участником первых двух Краевых Съездов Советов солдатских и рабочих депутатов, участия в Третьем Краевом Съезде не принимал, поскольку сразу после революции, в первых числах ноября, отправился в командировку в Северный Казахстан и на Урал для организации поставок продовольствия в голодающий Ташкент, где и пробыл потом до конца года.

Некоторые, однако, из тех, кому не нашлось места в новой власти, восстали и оказали ей сопротивление.

Среди них были не только вооруженные защитники старого правительства, вынужденные теперь скрываться от репрессий, но и политические деятели вроде бывшего члена Туркестанского Комитета Временного правительства Мустафы Чокаева, который бежал в Коканд, где принял активное участие в создании в конце ноября альтернативного советской власти национального правительства Туркестанской или, как ее еще называли, Кокандской автономии, в котором сначала занимал пост министра иностранных дел, а затем стал председателем правительства.

Местных лидеров старой власти, Генерального Комиссара Туркестанского Края генерала Коровиченко и его помощника по гражданской части графа Доррера, оба, кстати, были по образованию юристами, а Коровиченко вдобавок еще и социалистом, арестовали 1 ноября и отправили на гауптвахту в военной крепости, где держали в клетках на потеху публике, которая через решетку плевала в заключенных, оскорбляла их и угрожала физической расправой. Закончилось все тем, что в самом конце ноября Коровиченко прямо в камере был случайно застрелен каким-то охранником, причем как раз в это время в крепости находился один из народных комиссаров — Агапов, а Доррера от самосуда спасло лишь то, что ранее его успели перевести из крепости в тюрьму.

В первых числах декабря над графом Доррером состоялся показательный суд, который по задумке авторов должен был продемонстрировать торжество правды и справедливости на примере победы новой власти над старой.

Это был первый суд при новой власти, причем это был суд присяжных, а Дорреру для защиты была предоставлена пара профессиональных адвокатов. Проходил суд в зале Военного собрания Ташкента, где впоследствии находился Дом офицеров.

Обвинение пыталось изобразить Доррера главным виновником кровопролитных столкновений во время революции в Ташкенте и просило для него 20 лет тюрьмы или бессрочную каторгу. Однако присяжные, которые в основном состояли из участников октябрьских событий со стороны революционеров, признали Доррера виновным только лишь частично, так что суд приговорил его к лишению свободы на 3 года и 4 месяца.

В тюрьме после суда Доррер просидел всего неделю и был освобожден в ходе грандиозной манифестации в поддержку Кокандской автономии, устроенной 13 декабря мусульманскими жителями Ташкента, с примкнувшими к ним потом жителями Нового города. Манифестация, в которой участвовали десятки тысяч человек, началась в Старом городе, на Шайхантауре, откуда переместилась к Белому дому. Затем манифестанты прошли по Кауфманскому проспекту до сквера, где встретились с начальником охраны Ташкента Цирулем, и потом по Московской улице до тюрьмы, где освободили нескольких заключенных, включая Доррера. Оттуда часть манифестантов возвратилась в Старый город, а другая направилась к Городской думе на углу Воронцовского проспекта и улицы Романовского, где Доррер произнес с автомобиля вдохновенную речь о торжестве свободы и демократии. После этого эта часть манифестации также двинулась в направлении Старого города, но на Урде по-

пала в засаду и была расстреляна властями из пулеметов. Многие, пытаясь спастись, утонули тогда в Анхоре, а несколько человек, в том числе Доррера и наказного атамана Семиречья Кияшко, снова арестовали и увезли в крепость, где они были расстреляны, уже безо всякого суда и следствия.

На следующий день власти выступили с официальным обращением, в котором напомнили народу о том, что революция освободила его от векового рабства, и возложили всю ответственность за произошедшее, включая расстрел людей, на некие темные силы, использовавшие мирную манифестацию в провокационных целях. В этом обращении, между прочим, утверждалось, что заключенные в тюрьме в ходе манифестации были освобождены силой, хотя на самом деле силу там никто не применял, а на вопрос начальника охраны города о том, почему заключенные были выпущены на свободу, один из красногвардейцев, охранявших тюрьму, ответил, что из-за этих заключенных не стоило проливать кровь людей.

Что касается Кокандской автономии, то она просуществовала всего несколько месяцев и в начале февраля 1918 года была разгромлена в результате военного похода, завершившегося кровопролитными уличными боями в Коканде, в ходе которых погибли тысячи мирных жителей. Для участия в этом походе из России прибыли 11 эшелонов с войсками и артиллерией, под командованием Константина Осипова, который впоследствии стал военным комиссаром, а еще через год возглавил антисоветский мятеж в Ташкенте. Взамен уничтоженной в Коканде легальной оппозиции воз-

никло неорганизованное сопротивление в виде басмаческого движения, и началась многолетняя гражданская война с разрухой, нищетой и тысячами никому не нужных жертв.

20 января 1918 года на могиле жены на Боткинском кладбище в Ташкенте застрелился бывший Председатель Туркестанского Комитета Временного правительства и депутат Государственной думы второго созыва от рабочих Владимир Петрович Наливкин, заместителями которого в бытность его Председателем Сыр-дарьинского Областного Совета были мой дед и Мустафа Чокаев. Храбрый, честный и принципиальный человек, автор нескольких словарей и многих научных работ по истории и этнографии Туркестанского края, на протяжении всей своей жизни защищавший простых людей, с энтузиазмом встретивший Февральскую революцию и, несмотря на преклонный возраст, принявший активное участие в организации новой власти и управлении краем, назначенный по настоянию самих же большевиков летом 1917 года Председателем Туркестанского Комитета Временного правительства, Наливкин в сентябре 1917 года оказался в эпицентре драматических событий и, до конца стараясь выполнить свой долг по защите государства и граждан, не допуская при этом кровопролития, встал на пути рвущихся к власти радикалов, был бессовестно оболган и опорочен ими, после чего вынужден был уйти в отставку, а после Октябрьской революции и вовсе перейти на нелегальное положение. В записке на имя родных он просил в своей смерти никого не винить и добавлял: «Я не могу согласиться с тем, что делается, но быть врагом народа тоже не хочу и уйду из Жизни».

Такими вот были первые шаги новой народной власти в Туркестане...

Кем же был мой дед?

Он был выдающимся человеком и настоящим революционером. Полтора десятка лет, не щадя своего здоровья и даже жизни, он боролся за дело революции и когда она наступила, с энтузиазмом принялся за строительство нового мира.

Он сам был рабочим и не на словах, а на деле знал и понимал тяготы и проблемы жизни рабочих, а потому борьба за права рабочего класса была для него не просто текущим лозунгом политической агитации, а реальной частью его взглядов и деятельности.

Он не имел высшего образования, но при этом был хорошо образованным, развитым и интеллигентным человеком, он прекрасно понимал значение образования и всю жизнь работал над повышением уровня собственного развития, а также постарался дать хорошее образование своему сыну.

Он не стремился к власти и не цеплялся за нее, когда власть у него была, потому что считал власть не целью, но средством для достижения других, более высоких целей, и прежде всего для помощи другим людям.

Он никогда не прятался за спины других, и когда после Февральской революции прежнее государство оказалось разрушенным и кому-то нужно было начинать с нуля строительство новых органов власти, он ак-

тивно включился в работу по организации Советов, сам создавал, налаживал работу и руководил Советами.

Он не был бюрократом и чиновником, а, напротив, любил живую работу, старался лично вникать и разбираться в проблемах, если было нужно, сам выезжал в командировки в любое время и место.

Он никого не убивал, не участвовал в террористических актах, не сажал в тюрьмы и не посылал людей на смерть ради идеи. Он был созидателем, а не разрушителем.

Он был прекрасным оратором и собеседником, умел и любил общаться с людьми самого разного уровня, но при этом не был пустым болтуном и демагогом, и его слова не расходились с делами.

Он был скромным, честным и принципиальным человеком, не боялся говорить правду и отстаивать свое мнение. Десятилетиями революционной борьбы он заслужил право на свои взгляды и не изменил им в угоду политической конъюнктуре до самого конца.

Он не предавал и не продавал своих друзей.

Он не использовал власть в личных целях, не крал и не брал взятки.

Он был обычным человеком и, наверное, как и все, совершал ошибки, но никогда не перекладывал ответственность за свои ошибки на других и сам отвечал за все.

Он не опускал руки после неудач, а стойко переносил удары судьбы, поднимался и продолжал идти вперед.

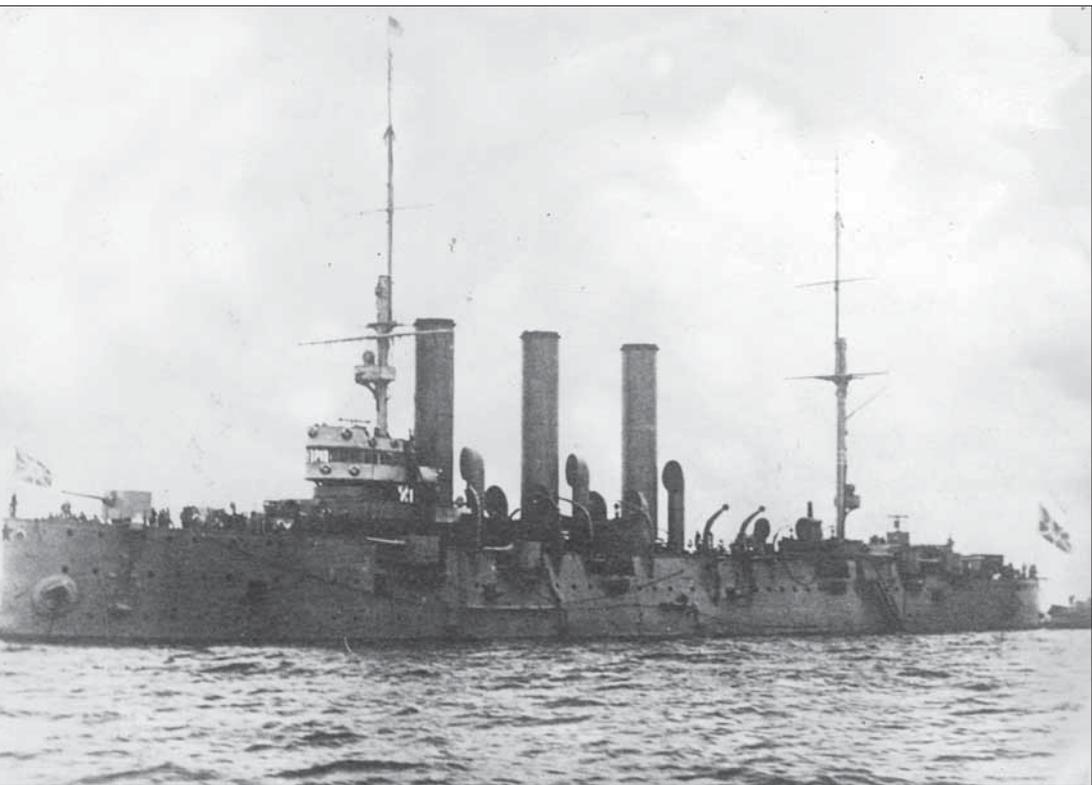
Он с легкостью брался за любую работу и выполнял ее наилучшим образом, у него были «золотые руки».

Он был добрым и отзывчивым человеком, годы лишения, тюрем и ссылок не сломили и не ожесточили его, через все невзгоды и страдания он пронес веру в людей и светлое будущее.

Он был прекрасным отцом, жизнерадостным и энергичным человеком и достойно прожил свою трудную, полную испытаний жизнь.

Мой дед был человеком, с которого хочется брать пример и которым можно гордиться.

***Андрей Анфиров** — преподаватель русского языке, лауреат Международного Пушкинского конкурса среди учителей русского языка, уроженец и житель Ташкента (Узбекистан).*

Фотография. Крейсер «Аврора», выстрел с которого стал началом штурма Зимнего дворца.

Место и время события: г. Петроград, 1917 г.

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Себастьян ЗИНОВЬЕВ-ФИЦЛАЙОН

МОЙ РУССКИЙ ДЕД

Высокий, худощавый, широкоплечий, с безупречной осанкой гвардейца и грустным выражением лица, дед обычно был молчаливым, глубоко погруженным в свои мысли. Он мало говорил и любил слушать — и людей, и радио, и музыку. Его магнетизм притягивал меня. Как ребенок, я чувствовал, что в прошлом у него была насыщенная и интересная жизнь, но не знал, о чем его спросить. Когда он о чем-нибудь рассказывал, он всегда проявлял благоразумие, мягкость, мудрость.

Бабушка была полной противоположностью. Громогласная и яркая, она пользовалась огромной популярностью у своих многочисленных британских друзей, которые любили ее неанглийскую прямолинейность и неординарность мнений так же, как и ее живое женское обаяние. В порыве эмоций она могла дать мне подзатыльник. «За что, бабушка?» — «Потому что я уверена, что ты сделал что-нибудь плохое, а если еще и не сделал, то собираешься сделать. В любом случае твои волосы слишком длинные! Мужчина должен быть коротко пострижен!»

Бабушка считала, что мужчины должны воевать, а женщины — быть красивыми. Ее идеалом мужчины был

ее отец, которого к тому времени уже давно не было в живых. Он был офицером Русской армии, участвовал в войне с турками. Во время Февральской революции 1917 года он уже был в отставке, но так как все еще носил военную форму, был избит бунтующими солдатами, которые протащили его по Миллионной улице, так что его шинель пропиталась кровью. В это время по противоположной стороне дороги проходили группы солдат из его старого Уланского полка. Они увидели происходящее и спасли своего любимого генерала, который пользовался большим уважением среди солдат.

Я очень гордился своим дедушкой и хотел бы рассказать своим школьным друзьями о нем. Но я ничего не знал о его карьере или об истории наших предков. Никто никогда мне об этом не рассказывал. Когда мне было 10 лет, в 1958 году, мой дедушка умер, а бабушка переехала к своим дочерям во Францию, мои познания о России прекратились. По мере того, как я становился старше, конечно, я мечтал посетить Россию, но сначала это было невозможно, а затем очень сложно. Я даже никогда не представлял себе, что однажды мне удастся это сделать. Если бы кто-то сказал мне, что я когда-то буду там жить и работать, я бы посчитал этого человека сумасшедшим.

Однако все меняется. В 1990 году, в возрасте 42 лет, в Сиднее, где я тогда жил, я купил тур и посетил Москву и Ленинград. Я влюбился в Россию. В Ленинграде я был потрясен теплотой и очарованием практически всех жителей этого города и впервые почувствовал этническую связь между русскими, которых я только здесь понял, и моей семьей. Я заметил, что женщины, которых можно

было видеть на Невском, выглядели замечательно, несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, называемую перестройкой. И в Северной Пальмире я заметил, что некоторые из них, несмотря на большую разницу в возрасте, чертами лица напоминали мне сестер моего отца — высокую и строго элегантную тетю Ольгу, веселую и эмоциональную блондинку тетю Елену. На главной улице Санкт-Петербурга я видел энергичных молодых смеющихся военнослужащих — детей «империи зла».

Пути Господни неисповедимы. И в 1992 году Он направил меня жить и начинать бизнес в Санкт-Петербург. Это случилось через год после Конгресса соотечественников и августовского путча, передачи власти от Горбачева Ельцину и распада Советского Союза. Все эти события окончательно убедили меня, что моя судьба навсегда должна быть связана с Россией.

Назвав свою компанию «С. Зиновьев & Ко» в честь «Д. Зиновьев & Ко», компании моего пра-прадеда Дмитрия Васильевича Зиновьева, я начал бизнес не так, как новые русские бизнесмены, потому что не хотел прятаться за название компании, которое не дает никакой информации о владельце, типа «Петербургская оценочная компания», сокращенно — «ПетОтсКо» или что-то в этом роде. Я хотел, чтобы каждый мог найти меня! Даже бандиты, если захотят!

Моя квартира на Мойке была последним местом в Санкт-Петербурге, где мой отец с братом, сестрами, родителями и Маней жили до того, как уехали из России навсегда в июне 1918 года. Но не совсем так... Наша любимая Маня возвращалась сюда на один день из Эстонии (где семья с надеждой ждала падения большевистского режима),

чтобы попытаться спасти некоторые личные вещи. Квартира была оккупирована матросами, и все, что ей удалось вернуть — это старый чайник. А я многие годы спал под старым зеленым одеялом, вывезенным из России моими бабушкой и дедушкой. Одеяло и рожок для обуви с отметкой «Английский магазин на Невском проспекте» — это все, что удалось спасти. Вид из окон сейчас — точно такой же, как и до 1918 года — небольшая река, массивные императорские конюшни, Спас-на-Крови, металлические крыши старого Петербурга.

Мои первые годы в Петербурге были полны открытий, подобных Атлантиде. Я так много обнаружил того, что не изменилось с дореволюционных времен! Например, Воронцовский дворец, в котором размещался Пажеский корпус — военное училище для мальчиков, которое мой дед и его шесть братьев посещали с 11 лет, а сейчас это — Суворовское училище с теми же старыми спальнями, классными комнатами и отреставрированной домашней церкви; Летний сад со статуей поэта Крылова, окруженного героями его басен; Марсово поле, где мой папа и его сестра Елена видели проезжающего мимо в открытой карете Распутина с молодой дамой. Но были события — очень важные, значительные и трагические события, имевшие доминирующее значение в жизни людей этого великого города, произошедшие после отъезда из России моего деда и его семьи и волею судьбы не ставшие частью их жизненного опыта: репрессии 1920-х и 1930-х, и самое страшное — блокада Ленинграда. Трагизм этих событий превосходит даже величие самого города. В значительной степени они изменили и сформировали характер жителей города и их потомков, сделали их максимально стойкими, но настроенными к тому,

что происходит в мире. Я также не перестаю удивляться тому, как мало знают жители Петербурга и России в целом о трагедии Первой мировой войны, где Россия понесла гораздо большие потери, чем другие страны...

Когда мои родители были уже в преклонном возрасте, я решил, что пришло время разобрать старые бумаги, которые лежали и собирали пыль на чердаке их дома в Англии. Там я нашел разные документы, связанные с дореволюционной Россией, и коробку с рукописью. Как выяснилось, это были неопубликованные воспоминания моего любимого деда. За годы, проведенные в России, я восстановил знания русского достаточно для того, чтобы прочитывать их. В своей квартире на Мойке я неторопливо читал мемуары моего деда. Он просто сошел со страниц своей книги: юность в Нарве и Санкт-Петербурге, школьник, а затем паж императрицы, недолгая служба в армии, карьера управляющего в компании «Д. Зиновьев & Ко», государственная служба в качестве Главы Петергофской уезда, а затем в качестве одного из самых молодых в России членов Думы, во время короткого периода экономического роста перед Первой мировой войной.

Поразительно, что мое всегда уважительное и трепетное отношение к деду полностью соответствовало тому, что я узнал о нем благодаря мемуарам, открывшимся мне спустя 40 лет после его смерти. Я узнал, как много он сделал за относительно короткий период времени: строил школы и больницы в своей управе, участвовал в работе комитетов Думы, спас от банкротства семейную компанию, которая под его руководством начала стремительно развиваться. Но работать становилось ему все трудней и

трудней с тех пор, как началась Великая война, а затем революция положила всему конец.

Мой дед находился в эпицентре знаковых событий начала XX века. И первое из них произошло в январе 1905 года, когда он, будучи молодым корнетом во главе кавалерийского эскадрона, находился на Дворцовой площади в день Кровавого воскресенья и видел, как другие отряды стреляли в протестующих. Жертвы этих событий предвещали приближающийся конец династии Романовых и наступление власти большевиков. Находясь в Думе, он видел, как разворачивались события Февральской революции в Таврическом дворце, а также на улицах Петербурга.

В своем лаконичном стиле в мемуарах, написанных в Англии в 1942 году, дедушка рассказывает, как в октябре 1917 года он с бабушкой и учителем их старшего сына сидели в библиотеке своей квартиры на Мойке, когда пулемет открыл огонь и пули засвистели мимо их окон. Рано утром на следующий день дедушка пошел в Зимний дворец, который находился в нескольких сотнях метров от дома, чтобы посмотреть, что произошло. На хорошо знакомой лестнице еще с тех времен, когда он был юным офицером в карауле, ему пришлось переступить через лежащие повсюду трупы погибших в результате ночного захвата дворца большевиками. Там же он обнаружил сестер милосердия временного военного госпиталя, которым руководил. Они были захвачены большевиками за укрытие молодых юнкеров, защищавших дворец. Он сумел договориться с большевиками об освобождении сестер. На этом закончилась его карьера и, что самое главное, служение Родине — России.

Помидоры, которые выращивал мой дедушка, были действительно очень вкусные.

***Зиновьев-Фицлайон Себастьян Кириллович —
Почетный консул Австралии в Санкт-Петербурге. Живет
в Санкт-Петербурге (Россия).***

Фотография. Смольный в октябрьские дни 1917 г.

Место и время события: г. Петроград, октябрь, 1917 г.

Пост. в от Сиротинина П. Н., дар.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Николай СОЛОГУБОВСКИЙ

РУССКАЯ ЭСКАДРА В ТУНИСЕ

В 1920-1921 гг. в Бизерту пришли 33 корабля Русской эскадры из Севастополя. Этот тунисский город-порт стал для них последней стоянкой.

5 сентября 2017 года Анастасии Александровне Ширинской-Манштейн, которая прожила большую часть своей жизни в маленьком доме в тунисском городе Бизерте, исполнилось бы 105 лет. А в декабре 1920 года восьмилетняя девочка Настя, дочь командира эскадренного миноносца «Жаркий», старшего лейтенанта Александра Сергеевича Манштейна, прибыла с мамой и сестрами в порт Бизерта на одном из кораблей Русской эскадры.

* * *

Ноябрьский день в Бизерте. То солнце греет, то ветер холодный дует. Анастасия Александровна приняла нас радушно в своем домике рядом с православной церковью Александра Невского и сразу пригласила за стол. Сегодня, по ее словам, праздник: она угостила нас омле-

том, который сама изготовила, с картошкой, переданной из Петербурга.

— Картошка из Петербурга! — повторила с гордостью Анастасия Александровна. — И очень вкусная! — добавила она.

И поверьте, омлет был действительно очень вкусным. Так за столом в тунисском доме, за нехитрым блюдом с русской картошкой шла наша неторопливая беседа о Русской эскадре, России и Тунисе. Вот что рассказала нам русская женщина, которую тунисцы уважительно называют «Анастасией Бизертской».

Андреевский флаг

— Именно в Бизерте, куда в 1920 году после остановки в Стамбуле, а затем в Наваринской бухте пришли русские корабли, — рассказывает Анастасия Александровна, и память ее хранит прошлое до мельчайших подробностей, — был спущен Андреевский флаг, который когда-то поднял сам Петр Первый. Непобедимый и непокоренный флаг, спущенный самими русскими офицерами! В 17 часов 25 минут 29 октября 1924 года...

Я помню эту церемонию последнего подъема и спуска Андреевского флага, которая прошла на эсминце «Дерзком». Собрались все, кто еще оставался на кораблях эскадры: офицеры, матросы, гардемарины. Были участники Первой мировой войны, были и моряки, пережившие Цусиму. И вот прозвучала команда: «На флаг и гюйс!» и спустя минуту: «Флаг и гюйс спустить!» У многих на глазах были слезы...

Помню взгляд старого боцмана, смотрящего на молодого гардемарина, взгляд непонимающий. Никто не понимал, что происходит. Верить ли ты, Великий Петр, верите ли вы, Сенявин, Нахимов, Ушаков, что ваш флаг спускают? И французский адмирал переживал все это вместе с нами... А недавно мне подарили картину, вот она, художника Сергея Пена, «Спуск Андреевского флага...».

Анастасия Александровна показала рукой на картину, висевшую на стене, и замолчала...

Есть минуты, когда все слова ничтожны, чтобы передать трагедию происходящего, именно происходящего, потому что есть картины прошлого, которые всегда будут возникать перед нашими глазами... И это не воспоминание, это переживание сегодня того, что произошло давным-давно, но что снова происходит сейчас, с нами, стоящими на борту русского эсминца...

Это те минуты, когда молчание красноречивее любых слов...

Молчание прервала сама Анастасия Александровна.

— ...И эти курсанты, молодые, бравые... В 1999 году в Бизерту пришел барк «Седов» с курсантами. И мне выпала честь совершить на барке подъем Андреевского флага... Три четверти века спустя... Эсминец «Дерзкий» — барк «Седов». Я подняла в небо этот флаг, символ России. Если бы могли это увидеть те, кто стоял в двадцать четвертом году на эсминце!

А 11 мая 2003 года, когда Петербург праздновал трехсотлетие, раздался звонок и знакомый голос Бертрана Деланоз, мэра Парижа, моего ученика, мне говорит:

«Угадайте, откуда я вам звоню?» — «Из Парижа, конечно!» — отвечаю я. А он говорит: «Я стою перед Петропавловской крепостью, в Петербурге день солнечный, прекрасный, и над Адмиралтейством развивается Андреевский флаг!»

Представляете, флаг Великого Петра развевается снова!

И я хочу написать о «*reversibilite des temps*», эти слова можно образно перевести как «неизбежное повторение исторических эпох», написать о том, как закрывается один цикл времени и начинается новый. Новый, но который повторяет предыдущий...

И вот в этот момент и бывают встречи или — я помню слова Пушкина — «странные сближенья»...

Я очень чувствительна к переменам времени. Время действительно все необыкновенно меняет. Но надо прожить очень долгую жизнь и быть близким к Истории, чтобы стать свидетелем этих «странных сближений», о которых говорил Пушкин.

И еще я хочу написать, — Анастасия Александровна говорила спокойно, ничем не выдавая своего волнения, — о тех временах, когда убивали офицера только потому, что он носил фуражку морского офицера. Когда за слово «Родина» люди платили своими жизнями...

И о новых временах тоже! — Анастасия Александровна улыбнулась. — Когда пережито все тяжелое, когда можно увидеть, как великий народ начинает по-своему осваивать это пережитое, долго пребывая в неведении причин... Потому что трудно уничтожить память народа! И народ рано или поздно начинает искать следы своего прошлого!

Я вот думаю, сколько книг пишется, сколько нового люди узнают. Одни решаются сказать, другие решаются прочитать... Вот почему ко мне приходят люди. И они знают, я расскажу все искренно. Для того, кто любит Историю. Для того, кто не делит ее на «вчера» и «сегодня». Для него все интересно! И нет ничего более интересного, чем история своего народа.

Эсминец «Жаркий»

— ...В Новороссийске весной девятнадцатого года возрождался Черноморский флот. Папа ремонтировал миноносец «Жаркий». О Новороссийске у меня осталось одно воспоминание: ветер! Ветер сумасшедшей силы и улицы, запруженные беженцами... Помню такой же ветер в ноябре 1920-го в Севастополе, когда начался исход из Крыма Белой армии... Я и сейчас вижу толпы людей, куда-то спешащих, в руках узлы, чемоданы, баулы... И маму с корзиной в руках, где были наши единственные ценности: иконы, старые фотографии и рукопись книги Христофора Германа Манштейна о России.

В ноябре двадцатого года «Жаркий» стал одним из кораблей Императорской эскадры, которая ушла с тысячами жителей Крыма на борту кораблей в Константинополь. Все моряки считали, что они вернутся в Севастополь, как только перевезут людей...

Почему я называю эскадру Императорской? Потому что до 1924 года на ее кораблях поднимались Андреевские флаги, символ Русской империи. А ведь они были отменены еще в 17-м году Временным правительством Керенско-

го! Оно первым нанесло удар по традициям флота Петра Первого. А на эскадре в Бизерте сохранялись все традиции Российского Императорского флота и даже его морская форма. Кроме того, большинство офицеров, включая моего отца, никогда не присягали ни «временным», ни большевикам. Офицер присягает один раз в жизни, вы знаете это?

Помню, как миноносец «Жаркий» стоял пришвартованный недалеко от Графской пристани. Папа с матросами продолжал его ремонтировать, собирал машину. Кто-то сказал: «Манштейн сумасшедший!» А отец ответил: «Моряк не оставит свой корабль!» Корабли уходили один за другим, а его миноносец все еще стоял у пристани. Так и не получилось у отца завести машину. И тогда к нам подошел буксир, к нему прицепили миноносец, и наш корабль двинулся от причала туда, где на рейде стоял огромный корабль «Кронштадт», плавучий завод с мастерскими.

Когда мы вышли в море, начался шторм! Буря! Тросы начали лопаться. Старый боцман, звали его Демьян Чмель, на вопрос: «Тросы будут держаться?» ответил: «Может, будут, а может, не будут». Он хорошо знал: с морем ничего заранее неизвестно...

Командиром «Кронштадта», на борту которого было около трех тысяч человек, был Мордвинов. Он видел, как лопались тросы, как «Жаркий», тоже с людьми на борту, исчезал в темных волнах, но он также знал, что на «Кронштадте» мало угля, и его может не хватить до Константинополя. Но снова и снова «Кронштадт» разворачивался, искал «Жаркого»...

Анастасия Александровна замолчала. Наступила тишина. И только было слышно, как завывал холодный ноябрьский ветер за окном ее бизертинского дома. Как тот ветер, 84 года назад, в бушующем Черном море...

— И снова «Кронштадт» находил, снова матросы крепили тросы... и снова огромный «Кронштадт» тащил маленького «Жаркого» на буксире, но Мордвинов сказал: «Если оторвется, больше искать не будем!» И тогда нас ночью, с огромным трудом пересадили на «Кронштадт», а Демьян Чмель прибег к последней мере... — Анастасия Александровна улыбнулась. — Он привязал икону Николая Угодника с миноносца «Жаркий» к веревке и спустил ее в воду. И «Кронштадт» шел вперед, таща за собой «Жаркого», беспомощного, без машин, без матросов на борту, до самого Константинополя, на буксире и с верой старого боцмана в Николая Угодника...

Анастасия Александровна повернулась и посмотрела в угол комнаты. На икону Христа Спасителя.

— Эта икона тоже была на «Жарком». Папа спас ее в девятнадцатом году во время эвакуации из Одессы, вырвал из рук грабителей храма. А в двадцать четвертом году папа взял ее домой. Когда кончилась судьба «Жаркого» и других кораблей... папа часто молился перед этой иконой. И я тоже. И чаще всего не за себя. А за других...

Мои ученики мне часто звонили и говорили: «Я буду держать экзамен. Вы за меня помолитесь!» И вот недавно звонит один тунисец, представляется и говорит: «Я ваш бывший ученик, я теперь выхожу на пенсию, я инспектор образования, но я помню и сейчас, как я попросил вас, когда пошел на экзамен, тогда, давно, я попросил вас по-

молиться за меня, и я сдал экзамен, и вот теперь я хочу поблагодарить вас...»

Мой правнук, он наполовину уже француз, но когда в 2003 году он приезжал в Бизерту, его крестили в православную веру в церкви, в честь моряков, чтобы он не забывал, что его бабушка — дочь моряка!

Как эскадра пришла в Бизерту

*Из сообщения штаба русского флота:
«Из Константинополя в Бизерту [вышли корабли]
с 6388 беженцами, из которых — 1000 офицеров и кадет,
4000 матросов, 13 священников, 90 докторов
и фельдшеров и 1000 женщин и детей».*

— О, это длинная история!.. Через полтора месяца после исхода из Севастополя, уже в декабре 1920 года, когда мы были в Константинополе, Франция принимает решение предоставить Русской эскадре под стоянку порт Бизерта в Тунисе, находившемся в то время под французским протекторатом. Правда, при этом было заявлено, что отныне эскадра «не принадлежит никакому государству, а находится под покровительством Франции».

Переход российских кораблей в Бизерту возглавил командир французского крейсера «Эдгар Кине» Бергасс Пти-Туар. Корабли плыли с французскими флагами на грот-мачтах, а на корме развевались Андреевские флаги.

Нас с мамой, как и других членов офицерских семей, доставил в Бизерту пассажирский пароход «Великий князь Константин».

Русские корабли плыли к стране Древнего Карфагена. Эней когда-то плыл той же дорогой, и Одиссей — какое совпадение! — этой же дорогой доплыл до Джербы, острова лотофагов (этот остров, современный курорт, находится на юге Туниса. — *авт.*). Все это впоследствии будет для меня тесно связано с историей Туниса, куда так неожиданно занесла нас судьба.

...Помню, 23 декабря 1920 года мы увидели с палубы Бизерту, этот тунисский порт, в котором многим из нас предстояло прожить всю жизнь. Мы пришли одни из первых. Военные корабли стали прибывать группами уже вслед за нами.

Всего их было тридцать три, включая два линкора «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец», крейсера «Генерал Корнилов» и «Алмаз», десять эскадренных миноносцев — среди них был и миноносец «Жаркий» под командованием моего отца, он пришел 2 января — а также канонерские и подводные лодки, ледоколы, буксиры, другие суда. Мы приветствовали появление каждого нового корабля. Праздником стал день 27 декабря, когда за волнорезом появились огромные башни линкора «Генерал Алексеев». Он доставил в Бизерту гардемаринов и кадет Севастопольского морского корпуса.

«Жаркий» пришел одним из последних. Бравый Демьян Логинович Чмель очень переживал вместе с нами отсутствие «Жаркого». Каждое утро, с восходом солнца, он уже был на палубе и обозревал горизонт. Он и увидел его первым!

2 января 1921 года мы проснулись от стука в каюту. В утреннем тумане, на гладкой воде рейда, маленький миноносец — наконец-то на якоре — спал... спал в настоящем

смысле слова. Никого не было видно на палубе. Ничего на нем не двигалось. Люди проспали еще долго, и мы поняли почему, когда услышали их рассказы о последнем переходе.

На чужом берегу

— То, что все корабли дошли до места назначения, кажется чудом! Чудом, которым мы обязаны нашим морякам и деятельной помощи французского флота!

Всего же на кораблях, ушедших из Константинополя, было перевезено в Тунис более шести тысяч человек. Так на земле Туниса, под синим небом «Африки моей» — помните эти слова Пушкина? — среди пальм и минаретов, возникла небольшая русская колония!

Но на землю эту мы вступили не сразу. Вначале был долгий карантин, французы боялись «красной чумы», они в каждом русском матросе видели большевика. Корабли стали на якоря у южного берега Бизертского канала и в бухте Каруба. Наши офицеры и матросы сдали свое оружие сразу же по прибытии в Бизерту; и теперь корабли на рейде охранялись тунисскими часовыми...

— Потом нам не мешали сходить на берег, — продолжает свой рассказ Анастасия Александровна. — Мы могли спускаться сколько угодно. Но денег ни у кого не было, покупать мы ничего не могли, мы никого не знали... Так что жизнь, особенно для детей, шла на корабле. Это был наш особенный мир. У нас была школа, была церковь. Вся

жизнь протекала по старым русским обычаям. Русские праздники праздновались.

«Надо признать, что длительное пребывание Русской эскадры в стране протектората было связано для Франции с очень большими трудностями. Но какой бы ни была политика правительства, зависящая от складывающихся в данный момент обстоятельств, всегда за ней стоят люди. В эти 1920-1925 годы, когда решалась судьба русского флота, французское военно-морское командование в Тунисе сделало все, чтобы помочь своим бывшим союзникам. Адмиралы Варней, Гранклеман оставили в памяти эмигрантов светлое воспоминание».

— Французы осознали, что эти русские останутся в Тунисе надолго, — продолжает свой рассказ Анастасия Александровна, — поэтому и приняли решение создать для них лагеря беженцев. Не все же время людям жить на борту кораблей! И вот в Бизерте, Табарке, Монастире и еще нескольких городах организовали семь лагерей.

Капитан 2-го ранга Н. Монастырев, бывший среди эмигрантов, вспоминал в книге «В Черном море», изданной в Париже: *«Лишь начались работы по строительству лагерей, многие отправились на берег, несмотря на то, что зарплату предлагали маленькую... Власти озаботились поисками работы для беженцев, а те искали ее со своей стороны, поскольку в самих лагерях жизнь им не нравилась. Быстро эти лагеря опустели,*

и вскоре остались в них лишь женщины, дети да инвалиды».

— А что же было делать? — задает вопрос Анастасия Александровна. — Французы брали русских на предприятия и в учреждения: на железные дороги, на почту, в школы и даже в медицинские ведомства. Очень много русских работало на тунисских дорогах. Русские работали там, где никто не хотел. На юге, в Сахаре, например. А туда сообщение было трудное — машин никто не имел, автобусы ходили очень редко. Брат моего мужа несколько лет пробыл на юге, в пустыне и научился местным языкам — знал диалекты, берберский язык.

Морской корпус

В те времена в Тунисе, как рассказала Анастасия Александровна, ходила такая фраза: «Если вы видите палатку на краю дороги или убежище под дубами Айн-Драхамы, вам может пригодиться знание русского языка: один шанс на два, что этот землемер или лесник — русский».

Если беженцы из числа гражданских думали о хлебе насущном и о том, как устроить свою новую, далеко не легкую жизнь, то часть морских офицеров, не теряя духа, решила воссоздать в Бизерте Морской корпус.

Несколько слов об истории Морского корпуса. Он был создан Петром I в 1701 году сначала в Москве под названием Школа математических наук и навигации, а за-

тем в Петербурге уже как чисто морское училище. Его слушателей именовали гардемарины. Со временем учебное заведение получило имя Морского корпуса.

...До сих пор на горе Кебир, в трех километрах от центра Бизерты видны остатки старого форта, где в двадцатые годы разместились учебные классы Морского корпуса. Рядом разбили лагерь Сфаят — для персонала и складов. С 1921 года началась подготовка учеников и гардемарин. Под руководством директора училища адмирала А. Герасимова программы занятий были преобразованы для подготовки воспитанников к поступлению в высшие учебные заведения Франции и других стран.

Директор, говоря о своих подопечных, подчеркивал, что они «готовились стать полезными деятелями для возрождения России». До конца дней продолжал Александр Михайлович переписку со многими из своих воспитанников, сохранив в их сердцах благодарную память.

Морской корпус просуществовал до мая 1925 года.

Поразила нас еще одна деталь, связанная с историей Морского корпуса, в воспоминаниях о тех днях контр-адмирала Пелтиера, бывшего курсанта Морского корпуса в Бизерте, публиковавшихся в 1967 году в «Морском сборнике», издававшемся во Франции:

«Дозволено думать, что бывшие ученики Морского корпуса с интересом, а возможно, и с ностальгией следят за прогрессом морского дела в России, от которого они отрезаны и которое в ленинградском училище, носящем имя Фрунзе, возродилось в стенах, где прежде Санкт-Петербургская школа готовила офицеров. Каков

бы не был политический режим, военные моряки остаются самими собой...»

...А когда Германия захватила Тунис в годы Второй мировой войны, то военные моряки и их дети на чужбине воевали с фашизмом. Их имена — на мраморной доске в русской церкви Воскресения Христова в Тунисе.

Революция и два брата

— Мы еще продолжали жить на «Георгии», когда в Бизерту прибыла советская комиссия по приемке кораблей Русской эскадры. Возглавлял комиссию известный ученый, академик Крылов. Был среди ее членов и бывший главнокомандующий Красным Флотом Евгений Беренс, старший брат адмирала Михаила Андреевича Беренса, последнего командующего последней русской эскадрой под Андреевским флагом.

Два брата, которые могли протянуть друг другу руки...

На период осмотра кораблей советскими экспертами Михаил Андреевич уехал из Бизерты в столицу. Братья, которые не виделись столько лет, так и не встретились! Почему? Разгадку нашли потом в французских архивах: французы взяли с членов советской комиссии подписку, что у них не будет никаких контактов ни с русскими офицерами, ни с тунисцами!

Комиссия ни до чего не договорилась с французами. Флот, покровителем которого в свое время объявила себя Франция, стал предметом торга. Франция соглашалась передать военные корабли только в том случае, если Со-

ветский Союз признает дореволюционные долги России Франции....

Комиссия уехала из Бизерты ни с чем. Переговоры длились годами, русские корабли так и стояли в озере и в арсенале Ферривиль. Все матросы и офицеры вынуждены были покинуть корабли. После спуска Андреевского флага это уже не была территория России. Мы становились просто беженцами. Я не отказалась от российского гражданства и с паспортом беженца прожила все эти годы...

...Франция продавала корабли на металлолом. В 1922 году первыми были «Дон» и «Баку». К концу года подобная участь постигла корабли «Добыча», «Илья Муромец», «Гайдамак», «Голанд», «Китобой», «Всадник», «Якут» и «Джигит». Все они были проданы Францией в Италию, Польшу и Эстонию. Огромный «Кронштадт» был переименован в «Вулкан» и отдан французскому флоту.

«В начале тридцатых годов корабли все еще стояли в военном порту Сиди-Абдала. Мой старинный друг Делаборд, назначенный в те годы в Бизерту, был так поражен их призрачными силуэтами, что по сей день он говорит о них, будто они все еще у него перед глазами:

«Я бродил по пустынной набережной Сиди-Абдала вдоль ряда судов без экипажей, нашедших здесь покой в грустной тишине, — целая армада, застывшая в безмолвии и неподвижности.

Старый броненосец со славным именем «Георгий Победоносец»; другой — «Генерал Корнилов», совсем но-

вый еще линейный корабль водоизмещением 7000 тонн; учебные суда «Свобода», «Алмаз»; пять миноносцев... чуть слышен плеск волн меж серыми бортами да шаги часовых «бахариа» в форме с синими воротничками и в красных шешьях с болтающимися помпонами».

Эти корабли тогда еще хранили свою душу, часть нашей души».

Старожилы Бизерты помнят эти призрачные силуэты русских кораблей, застывших безжизненно и одиноко под африканским солнцем. Можно ли найти более печальную картину?!

...Постепенно и другие корабли были проданы на слом: «Георгий Победоносец», «Кагул» («Генерал Корнилов»), «Алмаз», «Звонкий», «Капитан Сакен», «Гневный», «Цериго», «Ксения»... Число русских в Тунисе уменьшалось. Они уезжали в Европу, Америку, даже в Австралию... А когда морякам поступило из Парижа обещание обеспечить туда бесплатный проезд, то многие уехали из тех, кто еще нес службу на кораблях. В 1925 году в Тунисе оставалось только 700 русских, из которых 149 жили в Бизерте.

Храм Александра Невского в Бизерте

— И судьба «Жаркого», нашего миноносца, тоже была печальной, — вспоминает Анастасия Александровна. — И тогда, в середине тридцатых годов, среди русских моряков возникла прекрасная мысль: увековечить память этих кораблей, построить храм в память о Русской эскадре. С полного одобрения Французского морского коман-

дования образовался комитет по сооружению в Бизерте памятника-часовни. В состав комитета вошли контр-адмирал Ворожейкин, капитаны первого ранга Гильдебрант и Гаршин, капитан второго ранга Рыков, капитан артиллерии Янушевский и мой отец. Комитет обратился с призывом ко всем русским людям общими усилиями помочь делу сооружения памятника родным кораблям на африканском берегу. Приступили к постройке в 1937 году. А в 1939 году храм был закончен. Завесой на Царских вратах храма стал сшитый вдовами и женами моряков Андреевский флаг. Иконы и утварь были взяты из корабельных церквей, подсвечниками служили снарядные гильзы, а на доске из мрамора названы поименно все 33 корабля, которые ушли из Севастополя в Бизерту...

Пятиглавая церковь носит имя святого князя Александра Невского. В ней состоялись прощальные церемонии по кораблям эскадры. Отпевали здесь, прежде чем проводить на кладбище, и русских офицеров и матросов.

В 1942 году храм пострадал от бомбардировок. И снова было обращение за помощью к русским людям, в котором выражалась надежда, что...

Анастасия Александровна достала рукопись.

— Я вам прочитаю то, что написал контр-адмирал Тихменев: «Храм этот будет служить местом поклонения будущих русских поколений».

Она протянула нам рукопись.

— Здесь я написала об Андреевском флаге. В память о моих родителях... Всему приходит свое время. Всему — но не для всех. В этом храме я прощалась в феврале 1964 года со своим отцом... Его гроб был покрыт Андреевским

флагом, тем флагом, который развевался над его кораблем... Потом провожала и других...

Как сложилась судьба русских офицеров

— Многие попали во Францию и там работали таксистами и рабочими на заводах. Сейчас много книг выходит, в которых рассказывается о судьбах русских за границей. Вот недавно вы мне передали книгу от Ирины, она живет в Ливане, в книге она рассказывает о себе и других русских... А в Париже живет очень знающий историю Русского флота человек, инженер по образованию, Александр Плотто. Ему дали право изучать архив Русского флота во Франции, и он сидит днями за компьютером.

Я звоню ему: «Алик, есть много людей в России, которые начинают понимать. И кто им может помочь? Я делаю все, что могу. Вот еще один человек обратился ко мне. Ты сможешь?»...

И он потом мне позвонил: «Спасибо, что ты указала мой адрес и телефон. Я теперь могу помочь тем, кто ищет родственников...»

И вот Александр Плотто мне сообщает: в 1900 году в порт Бизерты заходил броненосец «Александр Второй». В 1904 году в порту побывал корабль «Николай Первый». В 1908 году в Бизерту заходили русские моряки-балтийцы после кругосветного плавания...

И вот в 1920 году знакомый русским морякам порт становится для покинувших Россию пристанищем. Кому временным, кому вечным...

«Я хотела остаться русской!»

— Меня часто спрашивают, почему я не покинула Бизерту.... У меня не было никакого другого гражданства. Отказалась от французского! Я хотела остаться русской! Здесь я вышла замуж, в 1935 году, мои трое детей родились в Бизерте. Здесь жили мои родители. В Бизерте живут мои первые ученики; мне выпало учить и их детей и внуков.

В 17 лет я начала немного подрабатывать репетиторством, покупала книги, одевалась и даже начала собирать деньги, чтобы продолжать учиться в Европе.

Я зарабатывала частными уроками математики, и только потом, после пятьдесят шестого года, когда Тунис стал независимым, мне разрешили постоянно преподавать в лицее. Работы было много. После лицея я бежала домой, где меня ждали ученики и частные уроки...

Моя жизнь тесно связана с развитием Бизерты, европейской части которой было в те времена не более тридцати лет. Большая часть французского населения состояла из военного гарнизона, который обновлялся каждые два или четыре года. Но было также много штатского населения: чиновников, врачей, фармацевтов, мелких коммерсантов... Все они обосновались «на веки вечные», все видели будущее семьи в стране Тунис.

...Добавим от себя, что русские тоже внесли свою долю в развитие города. Культурный уровень этой эмиграции, ее профессиональная добросовестность, умение довольствоваться скромными условиями — все это было оценено разнородным обществом в Тунисе. Эти качества первой русской эмиграции

объясняют ее популярность: слово «руси» не было обидой в устах мусульманина, но скорее — рекомендацией.

Много лет спустя, уже в независимом Тунисе, президент Бургиба, обращаясь к представителю русской колонии, сказал, что русские всегда могут рассчитывать на его особую поддержку.

— В Бизерте конца двадцатых годов русские не были больше иностранцами, — улыбается Анастасия Александровна. — Их можно было встретить везде: на общественных работах и в морском ведомстве, в аптеке, в кондитерских, кассирами и счетоводами в бюро. На электрической станции тоже было несколько русских. Когда случалось, что свет тух, всегда кто-нибудь говорил: «Ну что делает Купреев?»

Она рассмеялась и повторила: — Да, все так и спрашивали: «Опять этот Купреев? Что делает Купреев? — И уже серьезно добавила: — Так Бизерта стала частью моей души... И меня уже никогда не отпустят тени тех, о чьей честности, верности присяге, любви к России я должна говорить всем, кто сегодня приезжает сюда...

17 июля 1997 года в Посольстве России в Тунисе Анастасии Александровне был торжественно вручен красный российский паспорт.

— Да, теперь о Бизерте, о русских людях и кораблях в России вспомнили. И я уверена, что сбудутся пророческие слова контр-адмирала Александра Ивановича Тихменева о том, что этот город будет служить местом паломничества будущих поколений россиян.

Ко мне часто приезжают русские туристы, приходят работающие здесь русские специалисты; целые делегации навещают меня из Севастополя, из Петербурга, из Киева,

из других городов. И приезжают, и рассказывают о России хорошие новости, оставляют деньги на церковь... Из Тулы недавно приехали, с самоваром и с пряниками. Как же иначе, из Тулы без самовара! А из Петербурга картошку привезли и я ее храню как бриллиант! Вот, и для вас приготовила...

И Анастасия Александровна улыбнулась своей милой материнской улыбкой.

— Очень вкусная картошка! — Мы сказали это искренне: Анастасия Александровна всегда принимала своих гостей с настоящим русским гостеприимством.

— А с Алтая мне привезли алтайский мед! И даже из Сахалина приезжали! Так что мне только остается восклицать, как индейцы, которые кричали Колумбу: «Ура! Нас открыли!»

Анастасия Александровна снова рассмеялась, и личики побежали по ее лицу. Чувствовалось, что она радуется каждому русскому «Колумбу».

— И не только из России и Украины приезжают. Из Германии, Франции, Мальты, Италии, потомки тех, кто пришел с эскадрой в Бизерту, и мои ученики, которым я преподавала. Мне многие помогают, чем могут. Передают деньги на церковь. Вы знаете, в каком состоянии находился «русский уголок» на бизертинском кладбище? Разбитые плиты, разоренные могилы, запустение... Но с помощью посольства России и Российского культурного центра в Тунисе на кладбище воздвигли памятник офицерам и матросам эскадры. Все больше и больше русских людей приезжает на древнюю землю Карфагена, чтобы найти следы своей Истории, Истории России. Это, я считаю, великий знак!

Почему я говорю об этом? Я хочу сказать, что есть стоимости моральные, которые мне дороги. Я принадлежала к сплоченной, дружной морской среде. И я храню традиции этой среды. И я надеюсь, что мои внуки их сохраняют. И что другие тоже их сохраняют...

Уже за чашкой чая Анастасия Александровна сказала:

— Из нескольких тысяч русских людей, лишившихся Родины и приплывших в двадцатом году в Бизерту, осталась теперь в Тунисе я одна — единственный свидетель! Ну вот, теперь русские приезжают в Тунис посмотреть на Карфаген и на меня.

И рассмеялась. А в глазах ее заблестели огоньки, похожие то на слезинки о пережитом, то на далекие огни кораблей русской эскадры, уходящих от родных берегов.

* * *

Книга воспоминаний Анастасии Александровны «Бизерта. Последняя стоянка» вышла на русском и на французском языках и выдержала уже несколько изданий. Это — волнующий рассказ о трагической судьбе русских моряков и русских кораблей, что нашли свой последний причал у берегов Туниса. За эту книгу Анастасии Александровне в сентябре 2005 года была вручена литературная премия «Александр Невский», учрежденная Союзом писателей России и Центром гуманитарного и делового сотрудничества.

«Нелегко истребить память народа. Придет время, когда тысячи русских людей станут искать следы народной истории на тунисской земле. Усилия наших отцов по их сохранению не были тщетны».

Эти слова Анастасия Александровна написала в 1999 году, готовя к печати первое издание своих воспоминаний на русском языке.

Николай Сологубовский — писатель. Член Союза писателей России. Лауреат кинопремии «Ника» за фильм о русской эскадре в Бизерте. Живет в Бизерте (Тунис).

Фотография. Расстрел демонстрации на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Автор: Булла В. К. г. Петроград. 1917.

Место и время события: г. Петроград, 4.7.1917 г.

Надпись на паспорту под фото на французском:
«Petrograd ... (неразборчиво) — P. Newsky.»

Коллекция ГМР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Георгий ПОЧУЕВ

НА НОВОМ РУБЕЖЕ

Сквозь сито современности цедить
Густое варево времен ушедших —
Лишь Клио верхоглядством возмутить
И привлекать к суду покой умерших.

Большой соблазн — весь мир перевернуть
И убеждать — вершишь дела благие...
На прошлое поднять из мести кнут
И не пустить во времена другие.

И не бывает хуже ничего,
Толкая на дорогу инноваций,
Отца родного вдруг назвав врагом,
Идеями «во благо» прикрываться.

Уж коль пошел на брата брат,
В руках оружие, непримиримость,
Выходит, мало было баррикад
И много злобы в душах накопилась.

В глазах — презрение и «зуб за зуб»,
Стремление крушить, ожесточенье,
И беззаконие, и самосуд —
Трагедии, мытарства поколений.

Написано кому-то на роду
В пучину ринуться, не зная броду...
Морали забывая про узду,
Губить за социальную свободу,

Присвоив незаконные права...
В горниле бунта праведного гнева
У бунтарей кружилась голова
От убеждений радикально левых.

Завещано нам было: «не убий».
Сто лет назад библейские законы
Повергнуты во прах — во вред любви,
И чуть не воцарилась бездуховность.

Истории на новом рубеже
Цена алтын идейным устремленьям.
Чего же ради миллионы жертв?
Какой ценой давались достижения?

Не перечислить пирровых побед —
Такой сто лет назад был жребий брошен...
Спасти сегодня может лишь обет
Простой: не повторять ошибок прошлых.

На что нам нынче уповать еще?
И кто сейчас слушает элиту?
Кто нам подставит дружески плечо,
Когда поныне раны не забыты?

Поймут ли многие, что даст обет?
Как знать, что каются с душой открытой?
Вопросов много, а ответов нет.
История еще не вся забыта.

Нам веры в то не занимать:
От повторений нет гарантий.
Той каши никому не расхлебать.
И где набрать на всех судебных мантий?

За прошлое кому держать ответ?
Не спрятать окровавленных реликвий...
Прозрачности — в «сухом остатке» — нет.
Дождемся ль справедливого вердикта?...

***Георгий Почуев** — поэт. Член Союза писателей России. Победитель международного конкурса «Поэтический Олимп». Произведения переведены на литовский и венгерский языки. Живет в Вильнюсе (Литва).*

КЪ ГРАЖДНАМЪ РОССИИ!

Временное Правительство низложено.

Государственная власть перешла въ руки органа
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ
Депутатовъ, Военно-Револуціоннаго Комитета,
стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата
и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся на-
родъ: немедленное предложеніе
демократическаго мира, отмѣна
помѣщичьей собственности на
землю, рабочій контроль надъ
производствомъ, созданіе Со-
вѣтскаго Правительства — это
дѣло обезпечено.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ,
СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!**

**Военно-Револуціонный Комитетъ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ
и Солдатскихъ Депутатовъ.**

На фонде Центрального музея революции СССР

Листовка. «К гражданам России! Временное правительство низложено» — В. И. Ленин. 25-27 октября (7-9 ноября) 1917 года. Место и время события: г. Петроград, 1917 г.

Листовка, обращение Военно-революционного комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к гражданам России о том, что Временное правительство низложено, а Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Пост. в из Центрального музея Революции СССР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.

Председатель Е. Д. Григорьев 5

Лев Криштапович.

Русская революция как феномен Русского мира.

Статья (Минск, Беларусь) 7

Андрей Геращенко.

Великая Октябрьская социалистическая революция и белорусский вопрос.

Статья (Минск, Беларусь) 19

Ирина Антанасиевич.

Русские портреты.

Истории (Белград, Сербия) 27

Бранислав Николич.

Русские в городе Печ.

Статья (Белград, Сербия) 77

Несиба Палибрк-Сукич.

Русские беженцы в городе Панчево.

Заметка (Панчево, Сербия) 87

Елена Ракита.

Точка разлома.

Интервью (Белград, Сербия) 93

Михаил Аранов.

Баржа смерти.

Рассказ (Ганновер, Германия) 103

Александра Лебедева.

Два деда.

Очерк (Берлин, Германия) 131

Елена Герцог.

Старые фотографии.

Эссе (Мюнхен, Германия) 153

Сергей Журавлев.

После «великого взрыва».

Статья (Рига, Латвия) 161

Михаил Тюрин.

Жизнь и смерть русского офицера.

Очерк (Рига, Латвия) 193

Наталия Кетнере.

Петр Баллод — священник, революционер,
золотопромышленник.

Статья (Огре, Латвия) 211

Ирина Цыгальская.

Мой дед — русский поэт, военный инженер,
полковник царской армии.

Очерк (Рига, Латвия) 233

Андрей Анфилов.

Мой дед — революционер.

Очерк (Ташкент, Узбекистан) 251

Себастьян Зиновьев-Фицлайон.

Мой русский дед.

Воспоминания (Санкт-Петербург, Россия) 281

Николай Сологубовский.

Русская эскадра в Тунисе.

Очерк (Бизерта, Тунис) 289

Георгий Почуев.

На новом рубеже.

Стихи (Вильнюс, Литва) 313

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаринъ всѣхъ странъ соединитесь!

Граждане! Твердыни русскаго царизма пали. Благоденствіе царской шайки, построенное на костяхъ народа, рухнуло. Столица въ рукахъ возставшихъ. Части революціонныхъ войскъ стали на сторону возставшихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонная армія должны спасти страну отъ окончательной гибели и крахе, который приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями русскій народъ спряхнулъ съ себя вѣковое рабство.

Задача рабочаго класса и революціонной арміи создать **Временное Революціонное Правительство**, которое должно встать во главѣ новаго нарождающагося **республиканскаго** строя.

Временное революціонное правительство должно брать на себя созданіе временныхъ законовъ, защищающихъ **всѣ права и волю народа, конфискацію монастырскихъ, помѣщичьихъ кабинетскихъ и удѣльныхъ земель и передать ихъ народу, введеніе 8-ми часового дня и созывъ учредительнаго собрания** на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ.

Временное революціонерное правительство должно взять на себя задачу немедленнаго обезпеченія продовольствія населенія и арміи, а для этого должны быть конфискованы всѣ полныя запасы, заготовленные прежнимъ правительствомъ и городскимъ самоуправленіемъ.

Гидра реакціи можетъ еще поднять свою голову. Задача народа и его революціоннаго правительства поддержать всякаго противонароднаго контръ-революціоннаго замысла.

Немедленная и неопложная задача временнаго ре-

волюціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ клановъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана поработеннымъ народамъ.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также возставшіе войска должны немедленно избрать своихъ представителей во временное революціонное правительство, которое должно быть создано подъ охраной возставшаго революціоннаго народа и арміи.

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! Къ открытую борьбу съ царской властью и ея приспѣшниками!

По всей Россіи поднимается красное знамя возстанія! По всей Россіи берите въ свои руки дѣло свободы, свергайте царскихъ холоповъ, зовите солдатъ на борьбу.

По всей Россіи по городамъ и селамъ создавайте правительство революціоннаго народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями возставшихъ мы зкрѣпимъ нарождающійся новый строй свободы на развалинахъ самодержавія!

Впередъ! Возврата нѣтъ! Безпощадная борьба! Подъ красное знамя революціи!

Да заравствуется демократическая республика!

Да заравствуется революціонный рабочій классъ!

Да заравствуется революціонный народъ и возставшая армія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Листовка. «Манифестъ ЦК РСДРП «Ко всемъ гражданамъ Россіи» с сообщеніемъ о сверженіи царскаго самодержавія».

Петроградъ, 27 февраля 1917 годъ».

Место и время событія: г. Петроградъ, 1917 г.

Пост. в изд. Центрального музея Революціи СССР.

© ФГБУК «Государственный музей политической истории Россіи»

ОПАЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Великая русская революция
в судьбах российских соотечественников

<i>Редактор-составитель</i>	Е. Лукин
<i>Оригинал-макет, дизайн обложки</i>	П. Домбровский
<i>Корректор</i>	Т. Брылева
<i>Выпускающий редактор</i>	О. Ершова

Возрастная категория 12+
Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура *Georgia*. Объем 20 усл.-печ. л.
Тираж 300 экз.